

II-10.
D. 137.

О П

РЕПЕРТУАРЪ РУССКАГО

ПАНТЕОНЪ

9669
74405

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИТАЛИИ
...
ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.
...
Санкт-Петербургъ.

1843.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. С. СУНАЧАРСКОГО
ТЕАТРА ДРАМЫ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

РЕПЕРТУАРЪ РАЗСЛАТО

ИИ

ПАНОТОНЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 1843
года, января 15 дня.

Ценсоръ *И. Корсаковъ.*

1843.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА

РЕПЕРТУАРЪ

И

ПАНТЕОНЪ.

=

ЗЕРКАЛО СОВРЕМЕННЫХЪ ТЕАТРОВЪ, РУССКАГО И ИНОСТРАН-
НЫХЪ.

=

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

=

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1843.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

- I. РУССКАЯ БОЯРЫНЯ XVII столѣтя. Драма П. Г. Ободовскаго. 1
- II. ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ, ВОДЕВИЛЬ П. А. Каратыгина. 29
- III. СУПРУГИ-АРЕСТАНТЫ, ВОДЕВИЛЬ П. А. Коровкина. . . 65
- IV. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКАГО ТЕАТРА. Воспоминанія о О. О. Кокошкинѣ. Статья В. Головина. . 105
- V. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Письмо первое (къ Князю А. А. Шаховскому) О. В. Буларина. 114
- VI. ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКОВЪ. Гете и Графиня Штольбергъ. Статья Гебриха Блаза. 126
- VII. КАКЪ ЕГО ЗОВУТЪ? Святочный разговоръ П. Фурмана. 147
- VIII. ДИАНА. Повѣсть Гебриха Берту. 177
- IX. ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТЕАТРЫ ВЪ 1842-мъ году. 216
- X. СТИХОТВОРЕНІЯ. Портреты, Н. Некрасова.—Актриса, Н. П.—Пѣснь Маріи изъ драмы «Материнское благословеніе».—Романсъ І. І. 236
- XI. СМѢСЬ. Эпизодъ изъ жизни Композитора.—Капризъ фельетониста.—Дюма описанный Жаненомъ.—Сюжетъ для водевиля.—Іосифъ Растрелли.—Что значить рука у актера.—Французы воспитанные Французами.—Паганини въ Палероялѣ.—Поэтъ и «Дѣва».—Басня французскихъ журналовъ о В. А. Каратыгинѣ.—Какъ пишутся иныя фельетоны.—Гробница Вебера.—Мейерберъ, Листъ и Геральди въ домѣ сумасшедшихъ.—Анекдоты и мелочи. 242
- XII. РАЗЪѢЗДЪ ИЗЪ ТЕАТРА. Очеркъ для объясненія картинки. 263
- XIII. ФЕЛЬЕТОНЪ. (В. С. Межевича).
- XIV. АФИША.

КЪ СЕЙ КНИЖКѢ ПРИЛАГАЕТСЯ КАРТИНА: РАЗЪѢЗДЪ ИЗЪ АЛЕКСАНДРИНСКАГО ТЕАТРА.

РУССКАЯ БОЯРЫНЯ

XVII-го столѣтія.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, СЪ СВАДЕБНЫМИ ПЬЕСАМИ, СОЧ. П. Г. ОБОДОВСКАГО.

Представлено въ первый разъ, на Александринскомъ Театрѣ, 15-го Декабря 1842, въ бенефисъ А. М. Каратыгиной.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Боярыня Анна Ивановна, жена Псковскаго.

Боеводы Василія Петровича Морозова. Г-жа Каратыгина 1.

Гриша, сынъ ихъ 14-ти лѣтъ.

Г-жа Авсариусъ (восп.)

Евлевна, старая его няня.

Г-жа Гусева.

Эвертъ-Горнъ, Шведскій Полковникъ

Г-нъ Каратыгинъ 1.

Нильсонъ, его Адъютантъ.

Г-нъ Толченовъ 3.

Шведскій солдатъ.

Г-нъ Сосновской.

Неизвѣстный, больной Шведъ подъ именемъ Англичанина Джона.

Г-нъ Третьяковъ.

Семень, дворецкій.

Г-нъ Вороновъ.

Илья, ея сынъ.

Г-нъ Фризановскій.

Тришка, сынъ мельника.

Г-нъ Рамазановъ 2 (восп.).

Маша, дочь его, сѣнная дѣвушка.

Г-жа Волкова 2.

Одинъ изъ крестьянъ.

Г-нъ Иселевъ.

Сѣнная дѣвушка.

Сѣнныя дѣвушки, крестьяне, крестьянки села.

Игнатьевскаго, Шведы.

Дѣйствіе происходитъ въ 1616 году, недалеко отъ Тихвина.

Театръ представляетъ свѣтлицу въ боярскомъ домѣ Морозова.

Я В Л Е Н І Е I.

Дѣвушки (сидятъ за столомъ и шьютъ припѣваючи).

Не долго цвѣтку во садикъ цвѣсти,
 Не долго вѣничку на стопочкѣ вѣсти,
 Не долго Марьюшкѣ во дѣвушкахъ сидѣть,
 Не долго Семеновнѣ во красивыхъ сидѣть.
 Гордись, гордись, матушка, не отдавай,
 Пока тебя, матушка, зять не подаритъ.
 Подаритъ тебя, матушка, зять тремя парчами,
 Изъ бѣленькой сшей мнѣ, матушка, сарафанъ,
 Изъ голубенькой сшей мнѣ, матушка, душегрѣчку,
 Изъ аленькой сшей мнѣ, матушка, эпапечку.

Я В Л Е Н І Е II.

Тѣ же и Боярыня.

Боярыня. Это что? ай да дѣвушки! Ихъ усадили за работу дошивать приданое невѣстѣ, а онѣ распѣлись; Экой шумъ подняли! хоть всѣхъ святыхъ вонь понеси.

Дѣвушка. Мы, Боярыня, невѣсту тѣшили; ей что-то сгрустнулось.

Боярыня. Пѣть не запрещаю, да вѣдь надо же и честь знать; вы забыли, что въ той свѣтлицѣ лежитъ раненый Шведскій воннѣ, старикъ; вы ему, чай, уснуть не дали.

Маша. Онъ не спитъ, сударыня. Я ему недавно кашкицу носила.

Боярыня. Спать ли, пѣть ли, все надо его поберечь. Ему теперь, кажись, полегче. Ну, а каково идетъ работа?

Дѣвушка. Поднизъ нанизана, къ вечеру будетъ готова; да и сарафанъ позументомъ отороченъ, хоть надѣвай да и къ вѣнцу.

Боярыня. До вѣнца еще далеко, хоть бы сговоръ-то привелось сегодня справить. (*Беретъ сарафанъ и разсти- ляетъ по столу*). До вѣнца ли теперь, когда Шведы держатъ въ осадѣ Великій Псковъ и Св. Троицу. Вотъ, по- годите, когда бояринъ мой проводитъ ихъ во свояси, воз- вратитъ молодому Царю Михаилу занятые Шведами Нов- городъ и другіе города, выбьетъ у нихъ изъ головы вся- кое помышленіе о престолѣ Русскомъ, тогда, дѣвушки, мы веселымъ пиркомъ, да и за свадебку. Примѣръ, Маша, поднизи. (*Она примѣриваетъ, Боярыня цѣлуетъ ее*). Ахъ, ты моя чернобровая!

Дѣвушки. Ахъ, какъ присталь! Ахъ, какъ къ лицу!

Я В Л Е Н І Е Ш.

Тѣ же и Няня.

Няня. Добрыя вѣсти, добрыя вѣсти, Боярыня. При- ѣхалъ сватушка мой Семень Григорьевичъ изъ подъ Пско- ва, какъ разъ на сговоръ къ дочкѣ поспѣлъ. Ужъ какъ онъ обрадовался тому сердечный!

(*Маша встаетъ и убѣгаетъ*).

Боярыня. Гдѣ, гдѣ онъ, зови его сюда, Маша.

Няня. Онъ ужъ на крыльцѣ, съ баричемъ Григорьемъ Васильевичемъ: тотъ его, — легко ли, за версту, слышь ты, изволилъ увидѣть, да и полетѣлъ къ нему яснымъ со- коломъ.

Боярыня. А мнѣ хоть бы слово; вѣдь экой востро- глазый! Я и сама подивилась: сидѣлъ у окна, не шелох- пулся, да читалъ Минею; вдругъ брызнулъ какъ стрѣла— изъ глазъ вонъ.

Я В Л Е Н І Е ІV.

Тѣ же, Гриша, Семень съ Машей.

Семень. Много влѣтъ здравствовать матушкѣ Аннѣ Ивановнѣ съ дѣтищемъ ея и съ домочадцами; здравствуй- те, дѣвушки.

Боярыня. По добру ли по здоровью, Семенушка; какими судьбами ты въ нашей сторонѣ; вѣрно съ грамоткой отъ Боярина?

Семень. Грамотки отъ него нѣтъ; суматоха такая! до писанья ли ему; а велѣлъ тебѣ изустно доложить, что Божіею милостію дѣла поправляются, и авось Шведы скоро очистить Русскую землю, да и не заглянуть въ нее.

Боярыня. Подай-то Богъ!

Няня. Надоѣли они, окаянные, помучили насъ во роги!

Боярыня. Ну, расскажи-ка намъ о Бояринѣ; стосковались мы по немъ въ нашемъ захоластьѣ; ни птица-то къ намъ не залетитъ отъ Пскова, ни звѣрь не забѣжитъ, а доброй вѣсточки и подавно не дождешься.

Семень. Чай, до вашего слуха дошло, матушка, что мѣсяца три тому назадъ, самъ Король Шведскій Густавъ Адольфъ, озлобясь на упорство нашего Боярина, принялъ начальство надъ осадомъ Пскова, и требовалъ, чтобъ Бояринъ сдался и призналъ его своимъ Царемъ. Войско его, словно туча, облегло Великій Псковъ. Бояринъ думалъ крѣпкую думушку съ своими приближенными, да и рѣшился, перекрестясь, сдѣлать вылазку.

Боярыня. Отподчивали вы Короля порядкомъ, Семенушка; знаю, знаю, вы ихъ Воеводу, Горна, убили; да и нашихъ ни мало легло на полѣ битвы. Пальба такая была, что Боже упаси, чуть мы не оглохли.

Семень. Да какъ ты это, матушка, вѣдаешь? Ума не приложу, вѣдь ты съ сыномъ Григорьемъ молилась у Сергія въ Лаврѣ, когда вороги осадили Псковъ; Бояринъ нашъ только тѣмъ потѣшался, что ты не видѣла этакого кровопролитія, что изъ Москвы проѣдешь прямо сюда, въ Игнатьевское, куда Шведы и дороги не знаютъ.

Боярыня. Оно такъ, я и проѣхала сюда изъ Москвы, черезъ Устюгъ, да каково было мнѣ сидѣть здѣсь въ глуши, межъ тѣмъ какъ мужъ мой боролся съ ворогомъ. Дошла до меня вѣсть, что Шведы въ Новѣгородѣ, я себѣ да умѣ: дай проберусь ко Пскову, сердцу легче будетъ, разнѣлю опасности съ мужемъ; ты знаешь, я не робкаго

десятка; вотъ, пустилась я, на легкѣ, въ дорогу, доѣхала до вотчины мужа моего, деревни Порошиной, въ 60-ти верстахъ отъ города, гляжу: деревня набита горожанами. «Гдѣ Шведы?» молвила я, а мнѣ въ отвѣтъ было: «обложили, матушка, осадой Псковъ, самъ Король Густавъ-Адольфъ подъ стѣнами—бѣда не мпучая!» Сердце мое такъ вотъ и запыло; слезы горючія полились изъ глазъ. Господи! вразуми меня, что мнѣ дѣлать? Ъхать далѣе было опасно, назадъ ѣхать не хотѣлось; останусь въ Порошинѣ, да пережду осаду; Божья воля! что будетъ, то будетъ. Я осталась; посылала людей навѣдываться объ осадѣ; слышала о вашей храброй вылазкѣ, о смерти славнаго Воеводы Горна. Молилась денно и ночью, со всеми крестьянами, и Господь даровалъ намъ побѣду. Въ ночи послѣ битвы, я не хотѣла отстать отъ сосѣдей — дворянъ, и послала людей на поле сраженія за убитыми изъ нашей деревни; биткомъ набили три телѣги, а сколькихъ еще не доискались; привезли, да предали землѣ, по обычаю Христіанскому, чтобъ не привелось имъ лежать въ одной могилѣ съ бусурманами.

Няня. Да и мертвыхъ-то нашихъ вороги не оставили въ покоѣ: содрали съ сердечныхъ кафтаны, швыхъ раздѣли до-нага. Слава Богу, что хоть мѣдныхъ крестовъ-то на шеѣ не трогали; многихъ, Семенушка, только по кресту и узнавали, что православные.

Семенъ. Да это все проклятые наемники озарничаютъ, али, какъ бишь ихъ зовутъ: ландсъ-кнехты; всякій сбродъ, матушка, — тутъ и Нѣмцы, тутъ и бѣглеы Поляки, тутъ и Англичане; подъ Псковомъ они дали тягу, струсили, да и Шведовъ съ толку сбили; наши всехъ ихъ перерѣзали.

Боярыня. И по дѣломъ имъ, измѣнникамъ. — На другой день, все поуспокоилось; я поднялась до разсвѣта со своими, и проселочными дорогами воротилась сюда; здѣсь я въ безопасности. Ну, что далѣе, Семенъ?

Семенъ. Вотъ, матушка, послѣ той смѣлой вылазки нашей, Король Густавъ Адольфъ смелнулъ, что не съ своимъ братомъ связался, снялъ осаду Пскова, да и на пятый дворъ, далъ тягу къ границѣ, а начальство надъ

войскомъ поручилъ Делаярди. Делаярди тоже двинулся изъ-подъ Пскова, и теперь идетъ на Тихвинъ, слышь ты, остановится въ деревнѣ Столбовѣ, и какъ будто бы для заключенія мира. Бояринъ нашъ, Василій Петровичъ, выслалъ въ погону ему храбраго Князя Мезецкаго, Данилу Ивановича, съ отрядомъ; пусть-де его сторожить Шведовъ, а меня съ нимъ же послалъ къ тебѣ, навѣдаться о твоемъ здоровіи. Наши стоятъ на Новгородской дорогѣ, въ селѣ Михайловскомъ, въ 50-ти верстахъ отъ васъ, и Шведы подвигаются къ вамъ.

Няня. Ахти намъ! Что, если окаянные зайдутъ къ намъ....

Гриша. Найдутъ насъ, да возьмутъ въ полонъ, али казнятъ, вѣдь мы Морозовы, и батюшка убилъ ихъ воеводу!

Боярыня. Полно, Гриша; намъ бояться Шведовъ нечего; въ Игнатьевское Село наше имъ не пробраться, а проселочной дороги имъ не найти, развѣ измѣнники укажутъ; да и почему узнаютъ, что мы Морозовы: меня до сихъ поръ называютъ здѣсь по батюшкѣ, Игнатьевой. Мстить имъ за Горна не дѣло, онъ умеръ на полѣ чести; таковъ жребій войны, вѣдь и твоего отца могли убить Шведы.

Семень. Оно бы такъ, матушка, да не такъ судить сынъ Воеводы Горна, молодой Эвертъ-Горнъ, человекъ горячій и мстительный. На другой день послѣ сраженія, Шведы начали отыскивать тѣло своего воеводы, и не нашли; Богъ вѣсть, куда оно дѣлось; мы своимъ разумомъ думаемъ, что наши, не зная его, бросили въ рѣку Великую; а сынъ забралъ себѣ въ голову, что отецъ его живъ, и содержится гдѣ нибудь въ плѣну у Боярина, бродитъ себѣ съ шайкою удалцовъ по всей области Псковской, и жжетъ села и деревни. Вишь, онъ думаетъ, что Бояринъ нашъ за выкупъ его отца потребуесть у Шведовъ мѣра на выгодныхъ условіяхъ.

Боярыня. Эку дурь въ голову забралъ! дай-то Богъ, какъ бы миръ заключили, отдохнула бы Русская земля; а молодой нашъ Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ залечилъ бы раны ея; настрадалась она, сердечная!

Семень. Да, кажется, матушка, въ Москвѣ о мирѣ поговариваютъ: Англійскій Посоль во Исковѣ, какъ бишь его, по ихному-то, по нашему Иванъ Уляповичъ Мерикъ, хлопочетъ томъ; да и Боярыня приказалъ тебѣ доложить, чтобъ ты не унывала, а полагала надежду на Господа; а что онъ до той поры не опуститъ меча въ ножны, пока не прогонитъ Шведовъ во свояси, пока не истребитъ голодомъ ихъ нечестивыя скопища; самъ Господь посылаетъ на нихъ бѣдствія: вотъ мы убили у нихъ Воеводу Горна, разбили наголову ихъ ландс-кнехтовъ; раздоры начинаютъ волновать ихъ войско; молодой Горнъ не слушаетъ Делгарди... *(Въ это время въ смежной съплицѣ раздается стenanie)*. Это кто стонетъ у васъ, матушка?

Боярыня. Я и забыла тебѣ сказать: здѣсь лежитъ раненый ратникъ. Справься, няня, что съ нимъ?

(Няня уходитъ въ горницу).

Семень. Русскій?

Боярыня. Нѣтъ, изъ Шведскаго войска, только не Шведъ.

Семень. Вѣрно ландс-кнехтъ; да какъ онъ попалъ къ вамъ, Боярыня?

Боярыня. Люди мои, прибирая съ поля сраженія тѣла убитыхъ ратниковъ моихъ, ошибкою, въ потьмахъ захватили двухъ Шведскихъ солдатъ, да и привезли въ Порошину; тамъ только замѣтили свою ошибку, да дѣлать было нечего; ужъ мы хотѣли было хоронить ихъ, какъ одинъ изъ нихъ, постарше, вздохнулъ и открылъ глаза; какъ же мы обрадовались, что Господь избавилъ насъ отъ грѣха: просто заживо похоронили бы его. Другой Шведъ не приходилъ въ чувства, — вытянулся, окостенѣлъ, и мы предали его землѣ; старичка же Богъ помиловалъ; онъ остался живъ, только между жизнью и смертью, и изъ деревни Порошиной мы его взяли съ собою, въ это захоlustье; лечили его, какъ умѣли, коли вы здоровѣетъ, пустимъ его на родную сторону; пусть молится Богу своему за Русскую землю.

(Няня въ слезахъ выходитъ).

Боярыня. Что съ тобою, нянюшка, ужъ не умеръ ли онъ?

Няня. Кабы умеръ, матушка, легче бѣ было горемычному. Вѣдь онъ все слышалъ, что рассказывалъ тебѣ Семень Григорьевичъ; душа его запыла по родной землѣ, по землякамъ.

Семень. А вы, Боярыня, не допытались кто онъ, какъ его зовутъ.

Боярыня. Бѣдный, простой воинъ, изъ пѣшихъ, а онъ себя называетъ Англичаниномъ Джономъ. Да, вотъ онъ самъ бредеть сюда.

Я В Л Е Н І Е V.

ТѢЖЕ И НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Боярыня. Напрасно трудишься, старинушка, коли что надо молвить, позовалъ бы пасъ къ себѣ: мы люди не спѣсивые.

Неизвѣстный. Прости моей нескромности, Боярыня, я слышалъ слова твоего вѣрнаго слуги, слышалъ о разбитіи Шведскаго войска, о постыдномъ отступленіи Короля съ братомъ отъ стѣнъ Пскова, объ опасностяхъ, ему угрожающихъ, и не могъ равнодушно снести этой вѣсти; слезы въ первый разъ въ жизни хлынули изъ глазъ; ты видишь, я старикъ — воинъ, а плачу какъ дитя.

Боярыня. Успокойся, дѣдушка; при Божьей помощи все кончится благополучно: мы ждемъ мира.

Неизвѣстный. Нѣтъ, Боярыня, я не успокоюсь до той поры, пока ты не исполнишь моей предсмертной просьбы. Ты осынала меня своими милостями, на короткое время продлила горькую мою жизнь, извлекши меня изъ груди тѣль, и я за то благословляю тебя, какъ мою благодѣтельницу, и въ этой жизни, я ничѣмъ не могу воздать тебѣ, какъ горячею слезой благодарности; но что мнѣ въ этой послѣдней искрѣ жизни, когда она истлѣетъ вдали отъ моихъ земляковъ! Доверши свои благодѣнія: отпусти меня въ Шведскій станъ, къ Графу Делагарди.

Боярыня. Просьба твоя безразсудна, Джонъ; развѣ я злодѣйка какая, что отпущу тебя въ такую погоду, ты еле дышишь; нѣтъ, голубчикъ Джонъ, поживи еще у меня, поправься, тогда и безъ просьбы твоей я пошлю тебя во свояси и молвлю тебѣ на дорогу: не поминай лихомя Русской Боярыни.

Неизвѣстный. Боярыня, твои милости я чувствую, но....

Боярыня. И слышать не хочу, Джонъ; а чтобъ ты поскорѣе поправился здоровьемъ, я отведу тебѣ свѣтлицу попріютнѣе; здѣсь тебѣ безпокойно; дѣвушки мои тревожатъ тебя; что дѣлать, молодой народъ: какъ ни грози, ни пугай—не уймешь; а я уложу тебя въ свѣтлицѣ моего мужа, подалше отъ моего терема, окнами въ огородъ; до тебя шумъ не дойдетъ. Нянюшка, ты его сидѣлка, отведи старика, да поосторожнѣе, пусть переходомъ иды, держится за перила. — Поди, Джонъ, не упрямся: еле живъ, а просишься въ дорогу!

Неизвѣстный. Боже, не дай мнѣ умереть вдали отъ моего отечества, отъ моей семьи!

(Уходитъ въ боковую комнату съ няней).

Я В Л Е Н І Е VI.

Боярыня, Гриша и Семенъ.

Боярыня. Ну, что скажешь Семенъ, ктобы былъ этотъ Англичанинъ Джонъ?

Семенъ. По одеждѣ судя, онъ, кажись, ландскнехтъ, а по рѣчамъ не простой воинъ; и не лучше ли его отправить къ Князю Мезенскому, въ село Михайловское.

Боярыня. Кто бы онъ ни былъ, я обещаю ему отпустить его на родину, и сдержу свое слово; а когда онъ выздоровѣетъ, ты отвези его къ Якову Понтусовичу Деллагарди. *(Слышны пѣсни дѣвушекъ).* Да вотъ и стговоръ.

Я В Л Е Н І Е VII.

Тѣже, Няня, Маша, Илья, Семень, сѣицыя дѣвочки, Сваха, крестьяне и крестьянки.

Дѣвочки (поютъ).

Какъ ни яхонтъ по горнищъ катился,
 Какъ ни жемчужина за яхонтомъ увивалася,
 А Илья — сударь, на сговоръ снаряжался,
 А Андревичъ на сговоръ убирался;
 Хорошо его матушка родная убирала,
 Гребешкомъ кудри русые расчесывала.
 Жестоко ему матушка наказывала,
 Ужь какъ будешь ли Илья на сговоръ,
 Ужь какъ будешь ли Андревичъ на сговоръ,
 Ужь какъ будутъ ли тебя дѣвочки величать,
 Ужь какъ будутъ ли тебя по имени называть,
 Ужь какъ стануть ли тебя отчествомъ возвышать,
 А ты дари, сударь, дѣвицъ, не скупясь,
 И ты дари, сударь, золотою гривной,
 И ты дари, сударь, гривною Московскою.

(Во все это время няня подбиваетъ гостей, обноситъ кубки. Сваха ведетъ Машу и Илью къ Болыринъ. Няня и Семень кланяются въ поясъ Болыринъ).

Семень. За твое здравіе и многолѣтіе, матушка, Анна Ивановна, съ Болыриномъ Васильемъ Петровичемъ, съ дѣтищемъ ненагляднымъ, Григоріемъ Васильевичемъ.

Няня (поетъ).

•Чтобъ тебѣ матушка не старѣлся! — Слава!

Дѣвочки подтяните и вы — Слава! (Всѣ поютъ).

•Чтобъ цветному платью не изнашиваться! — Слава!

•Твоимъ добрымъ конямъ не изъезживаться! — Слава!

•Твоимъ вернымъ слугамъ не измѣняться! — Слава!

Болырина. Спасибо за послѣднее, Іевлевна, вѣрность въ черные годы лучше золота! Вотъ и я пью за ваше здорье, за счастье вашихъ сговоренныхъ дѣтушекъ; молю Бога: вамъ, на старости, на нихъ глядя, не народоваться, да и съ внучатами не напяничиться. (Пьетъ).

Няня. А скоро и на свадьбу попросимъ тебя, родная.

Болырина. Ужь свадьбой-то не спиши, Іевлевна, дождемся Болырина.

Няня. Ч то, матушка, ждать; намъ-то, пожалуй, не по

чемъ ждать, а спросица ты у жениха: куй желѣзо пока горячо; невѣста, какъ ласточка: того гляди изъ рукъ вылетитъ.

Боярыня. Маша моя изъ рукъ не вылетитъ: коли слово дала, такъ и сдержитъ его; я за нее ручаюсь.

Семень. И я, матушка, за свою дочку отвѣчаю; она дѣвка постоянная, не вѣтряница; покойница мать вырастила ее въ страхъ Божиємъ.

Няня. Ахъ, голубчикъ ты мой, Семень Григорьевичъ, много ты пожилъ на свѣтѣ, а все еще нашего женскаго дѣла не разумѣешь; а я на своемъ вѣку такіе ли разлады видала между помолвленными; кажись, вотъ такъ, хоть бы подъ вѣнецъ везти, а глядишь — черная кошка пробѣжала между женихомъ и невѣстой — и все вверхъ дномъ. Куда дѣлся твой женихъ, куда твоя невѣста? На то есть у меня старая Псковская пѣсенка; я вамъ спою ее, какъ умѣю.

Боярыня. Ахъ ты, веселая голова, все бы ты пѣла.

Няня. *(поетъ и приплясываетъ)*

Ходитъ вѣтеръ у воротъ.*

У воротъ красотки ждуть;

Не дожлешься вѣтеръ мой

Ты красотки молодой,

Ай люли, ай люли,

Ты красотки молодой.

Съ парнемъ быгасть, горитъ,

Парию шенчетъ говоритъ:

«Догои меня, дружокъ,

«Пареченый муженекъ.»

Ай люли, ай люли,

Пареченый муженекъ.

Ой ты парень удалой,

Не гоняйся за женой!

Вѣтеръ дунулъ и затихъ:

Безъ невѣсты сталъ женихъ!

Ай люли, ай люли,

Безъ невѣсты сталъ женихъ.

Вѣтеръ дунулъ и Авдѣй

Полюбился больше ей . . .

(*) Эта пѣсня заимствована авторомъ изъ драмы Н. В. Кукольника: *Глязь Холмскій*; музыка на нее написана М. И. Глинкою.

Стоит думать въ третій разъ,
И полюбится Тарась,
Ай люли, ай люли,
И полюбится Тарась.

Я Б Л Е Н І Е VIII.

ТѢЖЕ и Тришка (*вблываетъ въ страхъ*).

Тришка. Батюшки-свѣты, мы пропали! Шведы! Шведы!

Всѣ. Гдѣ, гдѣ они? . . .

Боярыня. Гдѣ ты ихъ видѣлъ, говори? Какъ они зашли къ намъ?

Няня. Какъ нелегкая запесла ихъ къ намъ?

Тришка. Не нелегкая, тетка, а я, я привелъ ихъ.

Няня. Ахъ ты окаанный!

Боярыня. (*схватываетъ сына*) Господи! пусть гибну я одна, спаси дитя мое! Онъ мое единое дитя! Говори, гдѣ ты попался имъ и много ли ихъ?

Тришка. Гдѣ? многи ли? О! въ лѣсу ихъ видимо не видимо! Вишь ты, батяка послалъ меня къ мельнику Антипу, что на горѣ-то живетъ; бѣгу лѣсомъ, да напѣваю себѣ во все горло пѣсню, вдругъ кто-то хватается меня за руку, а я какъ завоплю, да и зажму глаза; мнѣ почудилось, что лѣшій душитъ меня; открываю глаза, анъ то былъ не лѣшій, а кругомъ меня были Шведы. «Видно жиле здѣсь не далеко, когда такіе звѣри попадаются», молвилъ онъ. «Веди насъ въ твою деревню, пугало воронье, а не то проколемъ пасквозь», прибавилъ другой, такой страшный, что ухъ! вспомнить не могу, морозъ по кожѣ подираетъ; я перекрестился, да и повелъ ихъ. Дорогой . . .

Няня. Да какъ они, окаанные, съ тобою говорили: вѣдь ты, чай, не разумѣлъ ихъ.

Тришка. Они говорило по наше у.

Семьянъ. Вишь какъ на Руси зажились: легко ли, ужъ и по нашему говорить.

Боярыня. Они спрашивали тебя обо мнѣ?

Тришка. О тебѣ? да почему они тебя знаютъ! Я не помню, что путалъ имъ, а только они меня не трогали, шли, да зубы скалили.

Няня. Да гдѣ же ты ихъ покинулъ, супостатовъ?

Тришка. Я довелъ ихъ до села, да самъ и прыгъ въ сторону, огородами прибѣжалъ къ боярскому дому, чуть на жердь не наткнулся.

Боярыня. Мѣшкать нечего, расходитесь по домамъ, спасайте, что можете; Шведы не съ добрымъ намѣреніемъ зашли къ намъ.

Семень. Вѣрно, матушка, идутъ на Тихвинъ къ Делгагардію — съ пути сблизь!

Боярыня. Идите же, идите, а я останусь одна, что будетъ до будетъ: полагаю все мое упованіе на Господа!

Семень. Чтобъ мы тебя, родная, оставили одну, въ страшный часъ, да развѣ мы нехристи какіе, предатели? Умремъ съ тобою, а отсюда ни ногой! Пропадай все наше добро, гори все наше село, лишь бы ты была жива, съ сыномъ, наша кормилица!

Боярыня. *(отирая слезы.)* Спасибо, Семенушка, я ждала отъ тебя этого усердія. Не вѣдаю, устоятъ ли другіе; ужъ коли дѣло пошло на то, такъ и я молвлю вамъ слово: дѣтушки, не выдавайте меня; упаси Господы, коли Шведы провѣдаютъ, что я жена Псковскаго Воеводы Морозова, сгнемъ мы всѣ отъ руки супостатовъ; пусть буду я для васъ Игнатьевой, какъ была въ дѣвушкахъ; намѣтью покойныхъ родителей, вашихъ благодѣтелей, слезно молю васъ не выдавайте ни меня, ни сына: вѣдь это мое ненаглядное дитятко, какъ перстъ онъ у меня, одишехонекъ! Гриша, проси, чтобъ они тебя не выдали.

Гриша. Голубчики мои, не выдавайте насъ, я за васъ Богу буду молиться.

1-й изъ Крестьянъ. *(на колыняхъ.)* Матушка наша Анна Ивановна! Вотъ какъ Богъ святъ, слово не вымолвимъ, ногой чрезъ порогъ не ступимъ — гдѣ стоимъ, тутъ за тебя и ляжемъ!

Семень. Не тревожься, родная, спросятъ о тебѣ Шведы, найдутся и отвѣты...

Няня. Да коли узнають они, что ты ихъ земляка приютила, да лечила — и подавно тебя помилуютъ; я первая молчать не стану: во все бабье горло закричу: вороги! вѣдь барыня — то вашего земляка отъ смерти спасла!

Боярыня. Ну, а если ты тѣмъ Джона погубишь; онъ не Шведъ, онъ наемникъ; а вонъ Семень — то что говорить, слышь, подъ Псковомъ наемники — то Шведамъ измѣнили, а вѣдь Джонъ былъ въ числѣ ихъ. Ужъ лучше мы о немъ промолчимъ; пронеси лишь, Господи, грозу мимо насъ, что другихъ въ бѣду вводить! Жаль старика!

Няня. Вѣстимо, родная.

Боярыня. Слушайте, дѣтушки: опасность наша велика. Изъ ума выкиньте, что я здѣсь, что я ваша Боярыня; что ни услышите; и что не увидите, не дивитесь ничему, такайте, да такайте на все, что я ни молвлю вамъ при врагахъ нашихъ. Господь Богъ ухищряетъ слѣпцовъ, онъ просвѣтитъ разумъ и у меня, слабой жены. При Его благодати я спасу васъ, себя и милое дѣтище мое.

Тришка (*сбѣгаетъ опять*). Они на дворѣ!

Крестьяне (*съ ужасомъ прижимаются къ створкамъ*).
Пропали наши головушки.

Няня. Что это вы, дѣтушки? экъ трухнули! Да чего вороговъ бояться; съ нами сила крестная! Вѣдь не даромъ говорится пословица: Господь не выдастъ — свинья не съестъ; примемся за пляски, какъ бы вовсе не вѣдаемъ, что Шведы подходятъ къ намъ.

(*Поетъ и приплясываетъ*).

Не будите меня молоду,

и т. далье.

Я В Л Е Н І Е IX.

Тѣже и Горнъ, Нильсонъ, Офицеры Шведскіе
и нѣсколько солдатъ.

Горнъ (*отряхая съ себя дождь*). Тѣу пропасть, Господа, въ какую мы глушь забрели, сбившись съ Тихвинской дороги; если бь не тотъ парнишка, пришлось бы почевать въ лѣсу!

Нильсонъ. И притомъ въ такую погоду.

Горнъ. Всѣ ли на лицо, Нильсонъ?

Нильсонъ. Всѣ, Полковникъ.

Горнъ. Ихъ надобно пригрѣть и накормить, а на утро маршъ въ лагерь къ Делагарди. Эй, помѣщикъ, да у васъ здѣсь, какъ вошли мы, былъ пиръ горой.

Няня. Сговоръ, батюшка; я женю сына своего, Пльюшку, на Семеновой дочкѣ, Марьѣ, барской крестницѣ.

Горнъ. А гдѣ господа ваши?

Семень. Господина давно на свѣтъ нѣтъ, а хозяйшка его, боярыня наша, Игнатьева, изволила уѣхать въ Тихвинъ на богомолье, и мнѣ поручила беречь домъ и господское добро — я староста.

Горнъ. А ты удержи здѣсь въ волю вина, какъ видно?

Нильсонъ (*пьетъ*). Да и закусить есть чѣмъ.

Семень. Грѣшный человекъ, батюшка, дѣло холопское: Боярыня со двора, а къ намъ гости на дворъ; — да все жена моя попутала: «По што, Сеня, откладывать сговоръ Машинъ; боярыня воротится, того раздолья не будетъ,» молвила баба моя, а я и по рукамъ. Вѣдь домъ-то боярский у насъ — полная чаша: погреба глубокіе — чего хочешь, того просишь, батюшка.

Горнъ. Полно хвастать-то, борода; накорми насъ и солдатиковъ моихъ: они измучились въ вашемъ дьявольскомъ лѣсу. Бабы, служите намъ. Вина!

(Семень дѣлаетъ распорядженія. Боярыня съ толпой женщинъ обслуживаетъ Шведамъ и вмѣстѣ съ ними на требованіе Шведовъ разноситъ вино.)

Нильсонъ. Въ самомъ дѣлѣ, отдохните здѣсь, Полковникъ. Въ этой сторонѣ намъ не дѣлали ни какого вреда; все безпрекословно намъ покоряется; а въ этой деревушкѣ, кажется, народъ не злобный и разгульный: вина въ волю, дѣвушки красныя — заглядѣнье, а вамъ нужно разсѣяніе въ вашей горести. Вина, Полковнику!

Горнъ. Да, Нильсонъ, разсѣяніе мнѣ нужно. Незвѣстность о судьбѣ несчастнаго отца моего лишаетъ меня спокойствія. Мысль о плѣнѣ, болѣе чѣмъ о его смерти, всюду меня преслѣдуетъ; днемъ она какъ черная

туча застилает предо мной свѣтъ Божій; ночью, блещетъ мнѣ въ глаза кровавою звѣздой!

(Семенъ подноситъ вино).

Нильсонъ. Но основательны ли ваши предположенія, что родитель вамъ живъ?

Горнъ. Гдѣ же трупъ его? какъ Шведамъ не сбережь замѣтнаго тѣла Фельдмаршала, въ золотыхъ доспѣхахъ, и...

Нильсонъ. Быть можетъ, Русскіе сняли съ него доспѣхи, какъ побѣднй трофей, а тѣло бросили въ рѣку Великую; такъ и Король думаетъ!

Горнъ. Раненые воины наши, пережившіе нѣсколькими часами своихъ храбрыхъ товарищей, клялись мнѣ предъ смертью, что они видѣли, какъ въ ночи, послѣ вылазки, еще утомленный упорнымъ сопротивленіемъ Псковитянъ, остатокъ войска нашего погруженъ былъ въ глубокій сонъ; на полѣ сраженія показались тѣлги Русскихъ, и ратники наши видѣли, какъ Русскіе взяли тѣло моего отца, прикрыли трупами своихъ земляковъ, и увезли не вѣсть куда. — Вица!

Нильсонъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ Морозовъ нанесъ ударъ Швеціи, лишивъ ее такого генерала, каковъ былъ вашъ родитель, Эвертъ-Горнъ.

(Боярыня подаетъ вина и трепещетъ при имени мужа).

Нильсонъ. Что ты дрожишь, баба? Держи прямѣе.

Боярыня *(становится на свое мѣсто)*. Ничего, родной!... Это сынъ Горна! Боже, если онъ узнаетъ, что я здѣсь.

Няня *(успокаиваетъ ее)*. Гдѣ узнать, матушка, коли сама себя не выдашь.

Горнъ. Я поклялся мстить Морозову до гроба, но какъ отомщу ему: онъ сидитъ себѣ спокойно въ каменныхъ стѣнахъ Пскова, и смѣется моею горести, между тѣмъ какъ мой отецъ томится въ оковахъ, въ душной темницѣ!

Нильсонъ. Откуда могли дойти до васъ такіе страшные слухи, Полковникъ?

Горнъ. Бѣглые плѣнные Шведы изъ Пскова увѣрили меня, что Морозовъ бережетъ моего отца до важнѣйшаго

случая; цѣною его освобожденія онъ хочетъ унижить Швецію и купить Россіи выгодный миръ.

Нильсонъ. На который, впрочемъ, склоняется и Его Величество Король, и все чрезъ ходатайство этого проклятаго Англичанина, Джона Мерика. Вина Полковнику!

Горнъ. Да, если бъ не этотъ Джонъ, Король не оставилъ бы осады Пскова и продолжалъ бы войну.

(Боляриня подноситъ вино Горну).

Нильсонъ. Я изрубилъ бы въ куски эту хитрую старую лисицу, Джона.

Боляриня *(возвратясь на свое мѣсто, говоритъ Нильну)*. Они говорили о Джонѣ; ну, не правда ли моя, что и помянуть намъ не надо о старомъ нашемъ Джонѣ? они, вѣрно, о немъ говорятъ.

Няня. Ни полсловечка не молвию о немъ, матушка, отсохни языкъ мой, да и другимъ закажу!

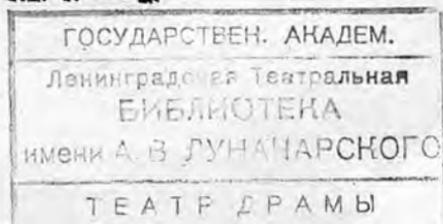
Горнъ *(вставая)*. Вино развеселило меня. Эй, староста, что же замолчали твои лѣсные птицы, чего они боятся? познакомь меня съ твоею женой, съ дочкой-невѣстой, да будьте повеселѣе: мы не съ тѣмъ пришли, чтобъ васъ обижать. Горнъ страшень только для непріятелей своихъ на полѣ сраженія; онъ не ведетъ войны съ бабами. Гдѣ же твоя жена, староста?

Семѣнъ. Вотъ кормилецъ мой, жена моя, Ульяна Ивановна *(онъ выводитъ трепещущую Боляриню)* вотъ моя дочка, Маша, съ женихомъ Ильюшей, а вотъ и сватьяшка, Левлевна, женихова матушка — прошу любить, да жаловать.

Горнъ *(смотря на Боляриню)*. Видная женщина! Ея физиономія мнѣ нравится. Подойди ко мнѣ, голубушка.

Боляриня *(переговоривъ съ старостой. — Громко)*. А чего тебѣ надобно, баринъ? теперь мнѣ не боязно, а какъ давеча ты вошелъ, я такъ и обмерла; ну, ни дать ни взять лѣший, молвила я, котораго видѣла я о святкахъ, въ березникѣ; я выпучила на тебя глаза, ни дохнуть, ни ступить, а сердце такъ и прищемлю... а вотъ теперь я тебя не боюсь, ты не лѣший, ты Шведъ, безъ хвоста и безъ роговъ, а вѣдь тетка Алена пугала меня Шведами: ужо тебя, Шведы! *(хохочетъ душно)*. А что, Шведъ, чловѣкъ, Божья тварь, ха, ха, ха!

Кв. I. — 2.

Горпъ. Что за вздоръ говорить твоя баба?

Семень. Нечего тантъ, батюшка, баба моя не то-что глупа, не то-что умна, а такъ — полоумна; она подь-часъ со страха завирается; на нее находить, и покойница мать ея была такая же—полоумная не полоумная, а какъ-бы молвить, не въ обиду....

Горпъ. Дура.

Семень. Дура, батюшка, дура набитая!

Горпъ. А гдѣ нашъ вожатый? дорóгой онъ говорилъ намъ о Морозовыхъ, о женѣ, о сынѣ: они должны быть въ этой сторонѣ. Эй, парнишка!

(Боярыня старается скрыть свой ужасъ).

Тришка. Не пойду, вотъ-те Богъ, не пойду, въ лѣсу я былъ одинъ, а здѣсь насъ много *(заноса кулакъ)*. Ребята, вступитесь!

Горпъ *(хохочетъ)*. Вотъ забавно, Нильсонъ; притащи сюда этого барана.

Нильсонъ. Ну, ворочайся, баранья башка!

Тришка. Я и самъ иду.

Горпъ. Что ты говорилъ мнѣ давеча о Морозовыхъ женѣ и сынѣ. Я отъ него не могъ добиться толку, авось здѣсь другіе помогутъ.

Тришка. А что мнѣ молвить? боярыня - то Анна Ивановна, вишь ты, Игнатьева, да какъ она Морозова по батюшкѣ, что ли, знаю, что была у нея мать, Морозова, старушка, въ чемъ душа въ тѣлѣ. Дядя Семень, такъ ли, али не такъ, да кабы самое ее матушку спросить. Дядя Семень. А! или глухъ?

(Молчаніе, ужасъ крестьянъ; Боярыня блѣднѣетъ, но вскорѣ ободрѣетъ).

Боярыня. Что ты городишь, Тришка? экъ ты занесъ колесную, дай-ко мнѣ молвить слово барину: я Морозовыхъ знаю лучше тебя.

Тришка. Ахъ, ты здѣсь, какъ же тебѣ не знать, кормилица, ты сама....

Боярыня. Я сама въ дѣвкахъ была во дворѣ у Морозовыхъ, въ селѣ Михайловскомъ, я была тамъ птичницей.

Тришка. Птичница! хороша птичница... *(глупо смѣетъ)*

ся) за птицами ходила, чай за лебедями и павами. Дядя Семень, али за жарь-птицей (*хохоцетъ*)?

Семень. Чтѣ ты горлаишь, неучъ, при барахъ; чести не знаешь, Хамово племя; вотъ я-те пугну, по давишнему, косточекъ не сберешь, образина; вотъ я-те! (*Семень бьетъ и топитъ Тришку*) Баринъ, отъ него тебѣ толку до завтра не добиться; только въ сердце введетъ понапрасну; ты спроси меня съ женою о Морозовыхъ, нашихъ врагахъ, такъ мы тебѣ всю правду скажемъ. Жена моя жила птичницей у Морозовыхъ; когда я къ ней посватался, ее хотѣли выдать насильно за конюшаго, Антона, парня разгульнаго; дѣвка выла голосомъ: не хо у за Антона, хочу за Семена, вошла она; ее и слушать не хотѣли, ужъ пытали ее голубушку мучить: двѣ недѣли соль толкла, остригли косу у нея, мошенники, дѣвка все перенесла; при смерти больна была, всѣ Петровки пролежала, насилу взмиловались господа, и отдали ее за меня, безъ придачаго; и чтѣ было такъ и то обобрали. Ужъ я бы ихъ, враговъ! Тогда и покойникъ баринъ съ барыней, Игнатъевой, чуть опять съ ними не поссорились, чуть опять тяжбы не затѣяли; а, правду сказать, наши всегда были въ разладъ съ Михайловскими Морозовыми.

Горнъ. Съ какими Михайловскими?

Семень. Мы оттого зовемъ, что село то ихъ, Михайловское, въ 50-ти верстахъ отъ насъ, да мы съ ними не водились, все равно, что за 500 верстъ.

Нильсонъ. А за чтѣ вы съ ними не задили?

Семень. Господа поссорились, за чтѣ бивъ, Ульяна, ты лучше вѣдаешь.

Боярыня. И вѣстимо, лучше тебя. Вотъ, вишь, лѣса Игнатъевыхъ смежны въ лѣсами Морозовыхъ; промежь лѣсовъ была поляна Морозовыхъ; въ лѣсу Морозовыхъ появился медвѣдь, большой, пребольшой; я его видала однажды мелькомъ: лапищи, ужъ такія лапищи (*Нильсону*) ну, вотъ точехонько какъ у тебя, баринъ, ха, ха, ха! Вотъ на эту поляну зашла бѣляна, какъ теперъ помню, ужъ такая красавушка, свѣтлаоглазенькая, а ножки какъ выточены.

Горнь. Чтѣ это за бѣляна, не дѣвушка, что-ли?

Боярыня (*хохочетъ*). Дѣвушка? Нашель дѣвушку, это была телка, любимая телка барина Игнатѣева; вотъ она зашла на поляну, да щиплетъ себѣ траву; откуда ни возмись медвѣдь: идетъ на заднихъ лапахъ; вотъ, медвѣдь то и съѣшь телку, да и уйди въ лѣсъ; а на лугу то и оставилъ на память по бѣлянущкѣ хвостикъ да ножки, да крови дорожки. Вотъ, батюшки мои свѣты, изъ этого и завязалась промежь барамн тяжба: зачѣмъ-де Морозовскій медвѣдь съѣлъ нашу телку, воили Игнатѣевы; а Морозовы воили: зачѣмъ-де телка Игнатѣева зашла на нашу поляну, а Игнатѣевы воили: зачѣмъ-де медвѣдя прежде не убили Морозовы? Кто правъ, кто виноватъ? кабы телка не забрела на чужой лугъ, такъ и медвѣдь не съѣлъ бы телки — вотъ какъ я бабьимъ умомъ придумала.

(*Шведы хохочутъ, крестьяне шепчутся и киваютъ головою другъ другу съ-знакъ одобренія*).

Горнь (*задумывается*). Въ безумныхъ словахъ ея есть смыслъ; она не дура. Ужинать давай, староста, ужинать, а послѣ поговоримъ о дѣлѣ.

Семень. Давно-бы нора, батюшка; мы знаемъ, что соловья баснями не кормятъ. Эй, жена, развернись, угощай дорогихъ гостей: чтѣ въ нечи, все на столъ мечи. (*Боярынь*) Ихъ надо сбить съ шеи, проводить въ Ми, хайловское.

Боярыня (*тихо*). Въ руки нашихъ! И подьломъ вору мука. (*Громко*) Экъ ты, раскудахтался, полво горло-то драть, побереги для мѣрской сходки. Пожалуйте, гости дорогие, въ другую свѣтлицу, тамъ и столъ накрытъ, медъ и пиво шипитъ.

Нильсонъ. А ты насъ повесели, да попляши, безъ того изъ села не выйду! Лебедушка моя! (*ухаживаетъ за нею; всѣ уходятъ за Шведами, остается Няня, Илья и Маша*).

Я В Л Е Н І Е X.

Няня, Илья и Маша.

Няня. Ты, Машенька, здѣсь долго не оставайся; уйди да запришь въ своей свѣтелкѣ, красавушка моя, небойсь, тебя не тронуть. (*Маша уходитъ*). Ну, Ильюша, каковъ твой стговоръ, и сколько нежданныхъ гостей набралось; чѣмъ еще твой стговоръ кончится, Богъ вѣсть! начали за здравіе, чтобъ за упокой не свели. Шведы, посмотри, подопьютъ, да съ пьяныхъ глазъ какъ начнутъ буянить, такъ и узнаешь ихъ; а я пойду да приберу подалѣ кое-что изъ господскаго серебра, да и своего имѣньишка не забуду; а ты останься здѣсь, да наблюдай за Шведами.

Илья. Хорошо, матушка, види съ Богомъ; я ни съ мѣста, да и боярыня мнѣ кивнула головою, когда уходитъ изволила за Шведами.

Я В Л Е Н І Е XI.

Боярыня (*отворяя дверь*) и Илья.

Боярыня (*въ дверяхъ*). Экъ вы распизисъ, окалнныи! какъ въ бездонную бочку льешь, и все не нальешь (*хочотъ Шведовъ*). Сейчасъ еще вина принесу, погодите, вотъ въ погребъ схожу. Хорошо, что ты не ушелъ, Илья, садись, бери перо и бумагу, пиши (*сажаетъ его*) къ Мезецкому, въ Михайловское (*Илья вынимаетъ изъ поставца перо и бумагу, и садится*). Чтобъ занять Шведовъ, я отнесу имъ ендову пива (*беретъ со стола и уноситъ Шведамъ*).

Илья (*одишъ*). Вотъ до чего мы дожили, горемычные! Наша православная боярыня услуживаетъ басурманамъ!

Боярыня (*поспѣшно выходитъ*). Ну, Илья, пиши. «Шведы подъ начальствомъ Горна заняли село Игнатьевское; жена и сынъ Воеводы Морозова въ ихъ рукахъ; но они еще Шведами не узнаны.»

Голосъ Горна. Старостиха, вина!

Боярыня (отворяя шкафъ и держаъ за стопу). Сейчасъ, батюшка, тяжела стопа, не стащись; иду, иду! (Диктуеть дрожь отъ страха). «Спасите ихъ!» (Шведамъ въ дверь). А вино-то завѣтно, отъ дѣдушки досталось, въ святъ-день раскивалось. (Диктуеть). «Ни часа не теряя, спѣшите налегкѣ; пороку въ волю запасено бояриномъ на всякій случай!»

Голосъ Горна. Ну, скоро ли ты принесешь вина, по-луменная баба.

Боярыня (вынимая изъ поставца). Экъ раскричался! Иду, иду. (Въ дверьхъ). Вотъ стопа высокая, дно у ней широкое — пить богатырямъ. (Иль). Вотъ тебѣ грамотка, да кому поручить ее отвезти? ну, садись ты самъ на воронаго коня и лети что ни есть духу, въ Михайловское, ты толковѣ другихъ; отдай грамоту Мезецкому, а ключнику скажи, чтобъ онъ изъ погреба выкатилъ бочку вина, да поилъ Шведовъ; да еще пусть вытащить изъ каменной кладовой боченокъ пороку, въ мою моленную, чтобъ поближе былъ, когда наши подъѣдутъ.

Нильсонъ (выходя). Да скоро ли ты принесешь вина, вѣдь у насъ не долго до расправы. (Нильсонъ ластится около нее).

Боярыня. Полно балагурить, какъ Семень увидитъ, такъ уже задасть тебѣ трезвону. (Уходитъ съ нимъ).

Илья (идитъ). Лети во весь духъ, такъ, кажись, молвила она; а что если попадусь Шведамъ, и они меня убьютъ, такъ вотъ тебѣ и сговоръ, вотъ тебѣ и невѣста! Хоть бы съ матушкой-то проститься, да съ ея благословеніемъ въ могилу лечь; да вотъ и она легка на поминѣ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Илья и Няня.

Илья. Прощай, матушка; благослови меня въ дорогу.

Няня. Что съ тобою? да въ умѣ ли ты?

Илья. Боярыня шлетъ съ грамоткой въ Михайловское, къ Мезецкому, за помощью.

Няня (*всплеснувъ руками*). И тебя, моего сердечнаго, посылаетъ она въ такую темень; ненаглядное ты мое дитяtko! (*Оттираетъ слезы*). Поѣзжай, Богъ съ тобою, буди надъ тобой родительское мое благословеніе! Какъ барскій приказъ ни святъ для меня, а горько, горько мнѣ разстаться съ тобою, а Машѣ я не скажу: всплачется бѣдная дѣвка! (*Всхлипывая обнимаетъ его и воетъ*).

Я В Л Е Н І Е XIII.

Тѣ же и Гриша (*выходитъ изъ свѣтлицы*).

Гриша. Чтѣ это ты, Няня, развылась, ужъ и Шведы услышали, а матушка велѣла тебѣ перестать.

Няня (*всхлипывая*). Кабы не о чемъ было плакать, такъ не плакала бы, усылають дѣтище родное съ грамоткою въ Михайловское, да еще и плакать не велѣтъ! (*Воетъ*).

Гриша. Кого усылають?

Илья. Меня, баринъ; а матушка, вишь ты, развылась, не охота разстаться.

Няня. Сокровище мое, я не плачу, да коли вспомню, что со сговору, отъ невѣсты улетитъ мое дитяtko не вѣсть куда, въ темную ночь. (*Воетъ*). Охъ, ахти мнѣ! тошнехонько!

Гриша (*вырываетъ письмо изъ рукъ Ильи*). Да гдѣ грамотка? Не плачь, няня, я отвезу письмо; для родной матушки жизни не жаль.

Няня. Чтѣ это ты, кормилецъ? Въ умѣ ли ты?

Илья. Баринъ, полно, чтѣ ты затѣялъ — отдай....

Гриша. А что? ничего! Я маленекъ, скорѣе проберусь въ Михайловское, и вороной конь духомъ донесетъ меня туда. (*Убѣгаетъ, Илья за нимъ*).

Илья. Отдай грамотку, баринъ, отдай, отдай!...

Няня (*всплеснувъ руками*). Ахъ ты, Господи! Чтѣ я окаянная надѣлала—узнаетъ боярыня, — пропала моя головушка! (*Воетъ*).

Я В Л Е Н І Е XIV.

Горнъ, Нильсонъ, Боярыня, Семень, Няня и Шведы.

Горнъ. А вино было чудесное!

Нильсонъ. Малвазія, какой и въ Москвѣ мало.

Боярыня. Запасъ боярскій! худаго вина у насъ въ погребяхъ не водится. А ужъ какая романея есть! такой и Королю Шведскому во снѣ не приснится!

Горнъ. Чтѣ ты развылась, старая сова? —

Няня (*съ сердцемъ*). У всякаго свое горе: у тебя свое, а у меня свое.

Боярыня (*тихо*). Полно, няня, онъ воротится здоровъ и невредимъ; вѣдь онъ спасаетъ боярыню съ сыномъ.

Няня. Ахъ, матушка, слова твои какъ острый ножъ и рѣжутъ, и жгутъ сердечушко!

Горнъ. Да, у всякаго свое горе, старуха, и я какъ ни стараюсь потопить горе свое въ винѣ — все напрасно! Вездѣ вижу укоряющій образъ моего родителя; лишъ одно мщеніе можетъ утолить мою горестъ. «Отецъ и мщеніе» — вотъ мой отнынѣ лозунгъ. — Ты сказала, что жена и сынъ Воеводы Морозова въ Михайловскомъ?

Семень. Такъ, родной.

Боярыня. Да, они тамъ укрываются у старосты въ клѣтѣ.

Горнъ. Туда, туда поспѣшимъ, Нильсонъ!

Боярыня (*въ сторону*). Тамъ встрѣтитъ тебя русская пушка; на смерть посылаю тебя!

Нильсонъ. Но переждите ночь, Полковникъ; Морозовы отъ васъ не уйдутъ; а завтра до зари мы явимся въ Михайловское; староста насъ проводить туда.

Семень. Извольте, родные, хоть на край свѣта готовъ быть вашимъ проводникомъ.

Боярыня. Укажи имъ, Семенушка, гдѣ укрываются Морозовы; какъ войдешь въ клѣтѣ къ старостѣ, такъ увидишь большую постель за пологомъ; отдерни пологъ, увидишь дверцы, толкни въ дверцы, и найдешь ихъ, моихъ вороговъ, Морозовыхъ; а ты, дядюшка, ихъ не жалѣй, маковки сними долой, богатырь мой удалой, а въ село, чтобъ скорѣе разсвѣло, пусти краснаго павлина: въ небѣ встанетъ мой павлинъ, хвостъ распуститъ мой пав-

ливъ, выше лѣса стоячаго, ниже облака ходячаго! Какъ свѣтло, какъ тепло—любо дорого! (*Приплясывая*). Шведъ въ Михайловскомъ бывалъ, медъ и пиво тамъ пивалъ, по усамъ текло—въ ротъ не попало.

Нильсофъ. Полно врать, старостиха; у насъ такъ, что по усамъ потечетъ, то и въ ротъ попадетъ, ужъ такая у Шведовъ манера. Давай-ка намъ романен, ты навастала ея—да и попляши.

Боярыня. Стану я тѣшить бусурмана!

Нильсонъ. Дѣлай, что велятъ, а не то вмѣсто Михайловскаго мы и здѣсь пустимъ краснаго навалина.

Семень. Батюшка, не принуждайте ее: она вѣдь не въ своемъ умѣ.

Нильсонъ. Дурь-то мы у нея выбьемъ. Пляши, не выводи насъ изъ терѣбнiя; нашъ Полковникъ опять задумался; его надо расъять.

Семень. Нечего дѣлать. Хозяйка, дѣлай, что велятъ. (*Тихо*). Матушка, не серди ихъ, займи пляской, а межъ тѣмъ и наши изъ Михайловскаго подѣдутъ.

Боярыня. Ну, плясать такъ плясать, а вы, дѣвушки, спойте плясовую. (*Въ сторону*). Боже! дай снести это униженiе, подкрѣпи меня! (*Боярыня пляшетъ, дѣвушки поютъ, Шведы хлопаютъ въ ладони, хохочатъ и пьютъ*).

Я В Л Е Н I Е XV.

ТѢЖЕ и Гриша (*окруженный Шведскими солдатами*)
и Илья.

Няня. (*съ ужасъ схватываетъ себя за голову*). Ахти мнѣ, батюшки мои! погубила я свою душеньку!

Боярыня. Что это, няня? Что сдѣлалъ имъ Гриша?
(*Няня закрываетъ лице*).

Солдатъ. Г. Полковникъ, стража схватила этого мальчишку на поворотѣ изъ деревни на проселочную дорогу; онъ летѣлъ во весь опоръ; но стража догнала его, и запазухою у него нашли это письмо.

Боярыня (*къ Няни*). Господи помилуй, какъ оно попалося ему, няня?

Няня (*тихо говоритъ ей, боярыня заливается слезами*).

Боярыня. Я понимаю, понимаю. Боже! что со мной будетъ?

Горнъ (*къ нему подводять Гришу*). Кто ты таковъ?

Гриша. Ты видишь кто, Русскій.

Горнъ. Читай письмо.

Гриша. Грамотка не при мнѣ писана.

Горнъ (*Семену*). Читай, ты, борода.

Семень. Помилуй, батюшка, мы люди безграмотные.

Горнъ. Но кто же прочтетъ?

Нильсонъ. Кто написалъ, тотъ и прочтетъ. — Кто изъ васъ писалъ? отвѣчайте; будете запираяться—живые отсюда не выйдете. — Эй, солдаты, окружите ихъ алебардами; заряжайте мушкеты.

Илья (*вышедъ изъ за толпы солдатъ*). Винавать, батюшка, не погубите за меня душъ Христіанскихъ: я писалъ грамотку, я и прочитаю ее.

Горнъ. Читай, но не измѣняй смысла; если обманешь меня, мой Нильсонъ обличитъ тебя въ обманъ: онъ умѣетъ читать по-русски; онъ былъ у васъ въ плѣну и научился русской грамотѣ.

Нильсонъ. Конечно, знаю, знаю. (*Тихо*). Ни бельмеса не смысло.

Илья (*становится на колѣни. Шведы держатъ надъ нимъ обнаженныя сабли. Онъ читаетъ письмо прерывающимся голосомъ. На сценѣ тихо. Боярыня ни жива, ни мертва. Илья закрылась платкомъ, опустивъ голову на столъ*). «Шведы подъ начальствомъ Горна заняли Село Игнатъевское; жена и сынъ воеводы Морозова въ ихъ рукахъ; но они еще Шведами не узнаны. Спасите ихъ, ни часа не теряя; сѣните налегкѣ; пороха въ волю запасено бояриномъ на всякій случай.»

Горнъ (*сидѣвшій, приподнимается грозно*). Презрѣнныя твари! Такъ я былъ у васъ игрушкой? вы воспользовались моимъ легковѣріемъ, вы обманули меня? Морозовы скрываются здѣсь, я съ ними подъ одною кровлей! Я дышу съ ними однимъ воздухомъ, и я еще дышу, еще не обогрѣлъ меча въ ихъ крови; я не отомстилъ имъ за смерть или плѣнъ моего родителя! Но вы усыпили тигра, онъ пробуждается съ большею яростію; онъ устелеть путь

свой трупами своихъ враговъ. Вы еще не знаете, какъ ужасно мститъ Горнъ за отца своего!—Кто тебя послалъ, мальчишка? Говори: гдѣ жена воеводы, гдѣ сынъ его?

Гриша. Вырвите языкъ изъ меня, тогда лишь открою, гдѣ боярыня.

(Горнъ въ бѣшенствѣ схватываетъ Гришу и бросаетъ его Нильсону. Боярыня, какъ окаменѣлая, простираетъ руки и не можетъ сказать ни слова).

Няня. Помилуйте его, батюшка, не губите парня, а жена воеводы, а вотъ сынъ мой!

Боярыня. Господи! что я слышу! Для моего спасенія она губить себя!

Горнъ. Чтобъ этотъ бездѣльникъ былъ сынъ Морозова? Такой трусъ не можетъ быть сыномъ храброго Воеводы русскаго! Ужъ если быть между вами сыну его, такъ это вотъ онъ. (Указывая на Гришу). Нильсонъ, примись за него.

Нильсонъ. Эй, солдаты, разстрѣляйте его, если онъ не признается въ томъ, что онъ сынъ Морозова, и не укажетъ намъ своей матери! (Солдаты берутъ Гришу).

Боярыня. Остановитесь, злодѣи, душегубцы! не троньте его; меня убейте! (Она вырываетъ сына изъ рукъ убійцъ). Я та, которую вы ищете; я жена Воеводы Морозова, и это сынъ его! (Она схватываетъ и обнимаетъ его).

Горнъ. Такъ! это ты! Ты жена моего врага! Это сынъ его—вы въ моихъ рукахъ! (Хочетъ). На васъ я обрушу все свое мщеніе! Пусть злодѣй Морозовъ льетъ кровавыя слезы, услыша вѣсть о вашемъ плѣнѣ; пусть цѣною жизни вашей возвратитъ онъ мнѣ моего отца; пусть позоромъ твоимъ онъ заплатитъ мнѣ за всѣ страданія его въ душевной темницѣ. Въ оковы ее! Свяжите ее, влеките ее, влеките въ лагерь Шведскій, къ Делагардію, эта добыча порадуетъ его; она сдѣлаетъ переворотъ въ дѣлахъ Швеціи; тебѣ срамъ и смерть или свобода отцу моему и выгодный миръ Швеціи—вотъ мои условія! Пойдемъ, хитрая женщина, теперь нѣтъ для тебя спасенія въ лукавствѣ и притворствѣ!

Боярыня. Идите вы, я остаюсь здѣсь, и отсюда ни ногой; лучше смерть чѣмъ безчестіе! (Она вырывается)

изъ рукъ Шведовъ, схватываетъ селчу и бѣжитъ къ средней декорации, отдерживаетъ завѣсу и вбѣгаетъ по ступенямъ въ молельню, идя стоитъ боценокъ порожа, приготовленный къ прибытію Русскихъ). Здѣсь порожь, заготовленный для Князя Мезецкаго: одно движеніе руки, и вы на воздухъ! Не опозорить вамъ чести Русской Боярыни! Ну, храбрые Шведы, пропляшите-ка теперь подь мою русскую пѣсню. (*Ужасъ Шведовъ и Русскихъ. Въ это время изъ боковой двери на лѣстницѣ показывается Джонъ; онъ остается зрителемъ сей сцены и прислушивается.*

Горнь. Я не боюсь твоихъ угрозъ; ты умрешь первая. (*Направляетъ на нее пистолетъ.*)

Джонъ. Сынь мой, остановись!

Боярыня (*услыша голосъ Джона*). Чтѣ я слышу, Джонъ!

Горнь (*роняетъ пистолетъ трепещетъ*). Голосъ моего отца! Боже — его тѣнь!

Джонъ (или Старый Горнь) *сходитъ вьдольмъ боярыней, которая сажаетъ его изнемогающаго*). Не тѣнь, а самъ отецъ твой, спасенный отъ смерти этою благодѣтельною женщиной. Ландсъ-Кнехты стащили съ меня золотыя доспѣхи, и прикрыли плащемъ убитаго Англичанина Джона, который сражался подлѣ меня, и бросили трупъ мой на груду русскихъ тѣлъ. Счастливая ошибка послужила къ моему спасенію: я скрылъ отъ нихъ, что я Шведъ. Я сохранилъ женою Воеводы Морозова, а ты едва не погубилъ ее, сынь мой. Заслужи ея прощеніе! Вотъ моя послѣдняя просьба въ жизни, и я спокойно умру на рукахъ твоихъ.

Молодой Горнь (*какъ громомъ пораженный падаетъ къ ногамъ Морозовой*). Спасительница моего отца! Прости мнѣ, я оскорбилъ тебя! Возьми жизнь мою въ воздаяніе за доброе дѣло.

Боярыня. Что мнѣ въ жизни твоей! Перестаньте терзать мое отечество; какъ Воеводы, способствуйте къ заключенію скорѣйшаго мира, и тѣмъ только расплатитесь за доброе дѣло съ Русскою Боярыней.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Водевиль въ одномъ дѣйстви.

Переводъ съ Французскаго П. Каратыина.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Галиматьясъ, школьный учитель.

Шарлота, дочь его.

Г. Жирафъ, помощникъ мера.

Г. Фришо, Советникъ Префектуры.

Вдова Шамуляръ.

Ученики.

Дезире Корбо.

Спэншонъ Жирафъ.

Тютю Шамуляръ.

Батистъ Тупье.

Галюшя.

Трико.

Неглижа.

Пиюшпонтъ.

Цезарь Ланшъ.

Фигюрэ.

Патро, мальчикъ изъ булочной.

Родители учениковъ обоего пола и музыканты.

Г-нъ Григорьевъ 1.

Г-жа Гринеса.

Г-нъ Прусаконъ.

Г-нъ Беккеръ.

Г-жа Сосницкая.

Г-нъ Мартыновъ.

Г-нъ Рамазановъ 2 (вос.)

Г-нъ Лавровъ (вос.)

Г-нъ Бойковъ (восп.)

Г-нъ Ивановъ (восп.)

Г-нъ Дюжиковъ (вос.)

Г-нъ Тлякинъ (восп.)

Г-нъ Мартыновъ (восп.)

Г-нъ Паруновъ (вос.)

Г-нъ Ширлесъ (восп.)

Г-нъ Марковскій.

Театръ представляет залу, установленную скамейками и столами, по срединѣ каедръ, на которой столъ, стуль и преч.; по бокамъ двери.

Я В Л Е Н І Е I.

ШАРЛОТА и ПАТРО.

ШАРЛОТА (*сидя у стола считаетъ дубовые вѣнки*). 15, 16, 17. Кажется, довольно для младшаго класса; тамъ всего только 20 человекъ!

ПАТРО (*сходитъ съ корзиною въ рукахъ*). Мое почтеніе, Мамзель Шарлота! Ага! видно, что нынче торжественный день! Сегодня раздача наградъ: вы ужь съ утра ими занимаетесь.

ШАРЛОТА. А! это вы, Г. Патро.

ПАТРО. Не прикажете ли помочь вамъ?

ШАРЛОТА. Не безпокойтесь, мнѣ осталось только сплестъ вѣнокъ для старшаго класса. Это не трудно... тамъ всего-на-все одинъ.

ПАТРО. Да, и изъ всей школы нѣтъ ни одного глупѣе его.

ШАРЛОТА. Какъ бы не такъ... Г. Корбо самый прилежный ученикъ.

ПАТРО. Да, понимаю отчего вы за него заступаетесь: онъ въ васъ влюбленъ, я давно это замѣтилъ.

ШАРЛОТА. Вашихъ замѣчаній никто не спрашиваетъ. Бѣдный Корбо не виноватъ, что его поздно начали учить; но все таки онъ такъ старателенъ, что вѣрно успѣеть....

ПАТРО. Сдѣлаться ученымъ дуракомъ?

ШАРЛОТА. Извините, онъ совсѣмъ не такъ глупъ; по крайнѣй мѣрѣ, онъ не дойдетъ до того, чтобъ его выгнали изъ школы, какъ другихъ, прочихъ.

ПАТРО. А! это на мой счетъ!... Правда, вашъ батюшка вытолкалъ меня отсюда, но я не сержусь на него, во-первыхъ потому, что онъ вашъ отецъ, а во-вторыхъ, это не за лѣньность, а за любовь мою къ вамъ... но я отплачу этому лѣбднику, Жирафу... это все по его милости; а я еще переписывалъ ему начисто его черновыя тетрадки.

Шарлота. Какъ! этотъ прекрасный почеркъ, который папенька такъ хвалилъ?

Патро. Да-съ, онъ чужими руками жаръ загребалъ, а вашъ батюшка имъ не нахвалится. Впрочемъ, это понятно, онъ сынъ помощника Г. Мера!... Боже мой! Боже мой! вездѣ-то нужна протекція, вездѣ несправедливость!

Шарлота. Г. Патро!

Патро. Виновать, я молчу. Кажется, эти лавровые вѣнки изъ дубовыхъ листьевъ?

Шарлота. Гдѣ же взять настоящихъ? во всемъ окологдѣ только и есть одно лавровое дерево, у Г-жи Шамуляръ, но она недаетъ ни одного листочка, говоритъ, что ей они нужны для соуса.

Патро. И хорошо дѣлаетъ! Дубовые листья какъ разъ придутся по головѣ вашимъ ученикамъ.

Н. 1

Признаться, школа ваша чудо!

Закрѣты бы вадобно ее:

Съ тѣхъ поръ какъ вышелъ я отсюда,

Осталося одно дубье.

Пусть лавромъ соусъ приправляютъ,

Приличвѣй класть его туда,

А на дубинѣ не надѣвають

Вѣнковъ лавровыхъ никогда!

Шарлота. Перестаньте, пожалуйста. Привесли ли вы хлѣба?

Патро. Я оставилъ у васъ на кухнѣ все, что вамъ нужно. Лучше нашей булочной нѣтъ во всемъ окологдѣ: мука такъ же чиста, какъ моя любовь. *(За кулисами звонятъ)* Но вотъ ужъ звонятъ въ классы; прощайте, мамзель Шарлота... я пройду черезъ садъ.

Шарлота. Зачѣмъ же?

Патро. Я не люблю встрѣчаться съ вашимъ папенькой: у него такія дурныя замашки. Чуть попадешься ему на глаза, онъ тотчасъ за уши.

Шарлота. Погодите же, я вамъ заплачу за хлѣбъ.

Патро. Все равно, я зайду послѣ класса.

Шарлота. Пойдите же, я вамъ отопру калитку. (Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Галиматьясъ и Ученики (идутъ попарно подъ музыку, у каждою связка книгъ и тетрадей; позади всѣхъ идетъ Корбо. Всѣ идутъ шумно, перебраниваясь и толкая другъ друга).

Галиматьясъ. Тише, тише, пострелята! наблюдайте благоправіе и порядокъ... По мѣстамъ; слушать команду. (Садится на кафедру. Ученики у своихъ скамеекъ. Учитель стучитъ линѣйкой: при первомъ ударѣ, дѣти снимаютъ деревянные башмаки, при второмъ садятся, при третьемъ развязываютъ тетради). Хорошо; теперь вниманіе, дѣти мои... Вниманіе!...

Корбо. Кой чортъ, только сяду на эту скамейку, точно (зѣваетъ) двѣ недѣли не спалъ?

Жирафъ (тоже зѣваетъ). А, а (Ученикъ, который сидѣлъ напротивъ его тоже зѣваетъ; зѣванье переходитъ отъ одного къ другому).

Галиматьясъ (зѣваетъ по неволю). Кончите ли вы, негодяи! Какъ только начнутся классы, тотчасъ начинается зѣвота! Перестаньте, говорить вамъ. Начнемъ перекличку. Младшій классъ: Г. Цезарь Ламинь!

Ламинь (вставая). Здѣсь!

Учитель. Г. Батистъ Тупе?

Тупе. Здѣсь.

Учитель. Г. Галюше!

Галюше. Здѣсь.

Учитель. Г. Негляже!

Негляже. Здѣсь.

Учитель. Г. Мишо!

Мишо. Здѣсь.

Учитель. Г. Трико!

Трико. Здѣсь.

Учитель. Г. Плюмишонъ! Г. Плюмишонъ!

Плюмишонъ. Здѣсь! Я здѣсь!

Учитель. Не надо говорить по два раза, говорите однажды... мы здѣсь собрались не для разговоровъ. Здорова ли ваша маменька?

Плюмишонъ. Да она и не была больна. Это его маменькѣ вчера пивки приставляли.

Учитель. Знаю, но все таки учтивость требуетъ... Эти олухи ничего не понимаютъ. Г. Сципионъ Жирафъ!

Жирафъ (*кричитъ во все горло*). Здѣсь!

Учитель. Слышу, слышу, этакъ вы можете меня оглушить. Надо отдать вамъ справедливость, что вы всегда аккуратно приходите въ классъ.

Корбо. По-неволѣ ходить, какъ отецъ его въ шею толкасть.

Учитель. Тсъ! кто это говоритъ, въ старшемъ классѣ?

Корбо. Не знаю, не я.

Учитель. Г. Тютю Шамуляръ? Г. Тютю!

Галюше (*тоненькимъ голосомъ*). Здѣсь!

Учитель. Гдѣ же онъ? Тютю! Что я его не вижу?

Галюше. Онъ велѣлъ сказать, что не можетъ сегодня прийти, онъ принимаетъ лекарство.

Жирафъ. Не правда: я его сейчасъ видѣлъ въ саду, у моего папеньки, вмѣстѣ съ Фигуре; они отняли у меня мой завтракъ, я теперь умру съ голода.

Всѣ. Ха, ха, ха!

Учитель. Тихе, это совсѣмъ не смѣшно. Я записываю Г. Шамуляра; что же касается до этого чертенка, Фигуре—онъ уже третій разъ не явится. Теперь старшій классъ. Г. Дезире Корбо!

Корбо. Здѣсь.

Учитель. Ну, въ этомъ классѣ всѣ на лицо. Хорошо; и такъ, друзья мои, прежде нежели я начну классъ, не забудьте, что сегодня день правосудія. Это лучший день въ каждомъ мѣсяцѣ; прилежныхъ ожидаютъ лавры, а лѣнивыхъ... вотъ что, (*показываетъ розги*). Начнемъ съ математики, ибо она мать всѣхъ наукъ. Мы дошли до умноженія..

Неглиже (*встаетъ и поднимаетъ руку*).

ся Географіей. Внимание! Департаментъ Нижній Сены, какой главной городъ?

Всѣ. Лионъ.

Учитель. т. е. Руанъ.

Всѣ. т. е. Руанъ.

Учитель. Что въ немъ примѣчательнаго, сколько жителей, и прочее, начинайте.

Н. 3.

Всѣ.

Сукна, сало, масло, вина,

Шерсть, ослы и кашпооль;

Пирогы и апельсины,

Сыръ, табакъ, форфоръ и соль;

Фабрики, производенья...

Учитель.

Что вы прете, что за чушь?

Всѣ.

Въ немъ народонаселенія

500 тысячъ 500 душъ!

Учитель (затыкала уши). Шшг! что вы! Что вы напороли? Ничего этого тамъ нѣтъ; слышите ли, ничего. Ну, что тамъ есть?

Всѣ. Ничего!

Учитель. О! негодяи! убирайтесь вы всѣ къ чорту! (всѣ вскакиваютъ). Что это значить? Зачѣмъ вы вскочили?

Всѣ. Мы думали, что вы ужъ кончили.

Учитель. По мѣстамъ; ни съ мѣста! Чертенята! Перваго, который пошевелится, поставлю на колѣни на сорокъ-восемь часовъ! Боже мой, что это за народъ! это цвѣтъ и надежда всего околodka! Я также училъ ихъ отцовъ, они были очень глупы, но дѣти ихъ перешеголяли. Родъ людской глупѣетъ году отъ году, болѣе и болѣе. Конечно географіи, съ вами въ ней не далеко уѣдешь! Займемся Астрономіей. Я учу ихъ всему по вѣмножку... Астрономія самая высокая наука. Вотъ вчера я купилъ на ярмаркѣ эту штуку, (береть глобусъ). Видите, какъ я забочусь о вашемъ воспитаніи! Ну, что же это такое? А? развѣ вы не знаете о чемъ идетъ рѣчь? Старшій классъ! Что это такое?

Корбо (встаетъ). Гм... гм... да... это... это...

Учитель. Ну, что это, по вашему? что-жъ вы молчите? ну, что-же это наконецъ: арбузь, дыня, тыква или капуста?

Корво. Капуста!

Учитель. Безнодобно! Неужели изъ всего класса мнѣ никто не назоветъ этой вещи?

Неглиже. Это мячикъ.

Галюше. Игрушка.

Мишо. Пузырь.

Учитель. Это глобусъ, негодня, глобусъ! Понимаете ли вы, что значить глобусъ?

Всѣ. Нѣтъ!

Учитель. Ну, коли не понимаете, такъ нечего и говорить. Астрономіи сегодня не будетъ; на васъ на всѣхъ нашло какое-то затмѣіе. Спустился опять на землю; начнемъ Грамматику. Имена существительныя вы уже знаете, напримѣръ: дерево, болванъ, животное, лѣбтяи... это вы всѣ до одного, понимаете?

Всѣ. Понимасмъ!

Учитель. Хорошо. Теперь глаголы. Учиться — какая часть рѣчи?

Всѣ поочередно. Междометіе, союзъ, предлогъ, нарѣчіе, прилагательное.

Учитель. И ни одинъ не скажетъ глаголь?

Всѣ. Глаголь.

Учитель. Хорошо. Сирягайте же этотъ глаголь; какъ будетъ въ повелительномъ наклоненіи?

Я В Л Е Н І Е Ш.

Тъ жк и вдова Шамуляръ съ сыномъ.

Шамуляръ (ведетъ за ухо сына). Поди, поди сюда, негодяй.

Учитель. Вотъ, старая дура, приима мѣшать намъ! Ну, учиться—въ повелительномъ наклоненіи?

Шамуляръ. Учись! учись! кланяйся Г. Учителю, проси у него прощенія! Мошеникъ! — Я привожу къ вамъ моего блуднаго сына!

Учитель. А, это вы, Г-жа Шамуляръ.

Шамуляръ. Вообразите себѣ... да я хочу, чтобъ все узнали о его преступленіи: вообразите, я поймала его на яблонѣ, въ саду у Г. Адьювнта.

Жирафъ. У Паненьки.

Учитель. У Г. Жирафа!

Шамуляръ. Онъ былъ не одинъ, съ нимъ былъ еще другой негодяй, маленкій Фигюре, будущій разбойникъ!

Учитель. Воровать у начальства яблоки! Это уголовное преступленіе.

Шамуляръ. Слышишь, ты, головастикъ этакой!

(Фигюре входитъ робко въ комнату).

Жирафъ. Вотъ и Фигюре!

Учитель (схвативъ его). А, это вы, сударь... и вы имѣете безстыдство приходить сюда, послѣ того, что вы сдѣлали? На козлѣнн посреди класса! Несчастный!

Шамуляръ. Прекрасно! такъ и надо; становись и ты — возлѣ него!

Корбо (подходитъ къ Фигюре). Дай мнѣ кусочекъ! (беретъ у него яблоко).

Учитель. Я васъ научу какъ воровать яблоки, безсовѣстные мальчишки! Я васъ!... А онъ слушаетъ да ѣсть! Вы слишкомъ дерзки, Г. Фигюре, подайте сюда все, что вы наворовали. (Ищетъ въ карманахъ) Нѣтъ ли тамъ еще... и какія яблоки! незрѣлыя, совсѣмъ зеленыя, — на что это похоже! Дикари, обжоры, вотъ какіе плоды монахъ стараній, наставленій! Вотъ ваши яблоки. (бросаетъ за окно яблоки) Негодяи! Лазить по деревьямъ, — какая низость!

Шамуляръ (сыну). Слышишь?

Учитель. Связаться съ негодяемъ..

Шамуляръ. Слышишь, это про тебя говорятъ!

Учитель. Которому не одобровать, если онъ не исправится.

Шамуляръ. Слышишь! Ты попадешь на висѣлицу, сорванецъ этакой!

Учитель. И какой день вы избрали для удовлетворенія вашихъ ужасныхъ склонностей, — день раздачи награды?

Шамуляръ. Да, несчастный... вотъ какой день! хоть

бы подождать до завтра! Безстыдный воришка! (тихо учителю). Видите, я его не балую.

Учитель. Так и слѣдуетъ!

Шамуляръ. А что, Г. Галиматьясь, вы дадите ему какую-нибудь награду?

Учитель. Кому?

Шамуляръ. Моему Тютю.

Учитель. Вашему сыну, Тютю?

Шамуляръ. А что же? Онъ только шалунъ, не ходитъ въ классы, а впрочемъ преумный мальчишка! Право, можно было бы дать ему какую нибудь бездѣлицу для поощрения.

Учитель. Да, точно. ему надо бы дать горяченькихъ.

Шамуляръ. Вотъ прекрасно... неужели онъ, по вашему, хуже какого нибудь Жирафа, который ни чѣмъ не умнѣ своего безмозглаго батюшки?

Учитель. Сударыня, нельзя ли потише: онъ мой начальникъ!

Шамуляръ. Оттого - то вы и балуете его сына, я все знаю!...

Учитель. Вы слишкомъ дерзки, сударыня.

Шамуляръ. Знаю, знаю, вамъ хочется прибавки.

Учитель. Я ее заслуживаю моимъ неусыпнымъ стараніемъ.

Шамуляръ. Велика важность! на колѣни - то поставить всякій смыслить... Еслибъ я умѣла читать, такъ сама могла бы учить не хуже вашего.

Учитель. А если бъ вы не были такъ глупы, то я бы съ вами и говорить не хотѣлъ!

Шамуляръ. Я хочу, чтобы вы назначили награду моему сыну, а не то я его возьму изъ вашей школы.

Учитель. И прекрасно, я буду очень радъ: — однимъ негодяемъ меньше!

Шамуляръ. Онъ былъ всегда послушный мальчишка, а у васъ совсѣмъ избаловался.

Учитель. Сударыня, извольте выйти вонъ!

Шамуляръ (тормоша сына). Встань, негодяй, встань... я съ тобою раздѣляюсь. Ваша дурацкая школа, просто, шайка разбойниковъ; вотъ, недалеко сказать, маленькій

Марто только вышелъ изъ вашей школы, чуть не прибилъ свою тетку... Знаете-ли что про васъ всѣ говорятъ... хотите-ли, я вамъ расскажу... волосы дыбомъ становятся!..

Учитель. Пойдемте, пойдемте отсюда, здѣсь не мѣсто, вы мое заведеніе поставите вверхъ дномъ. Корбо, займи мое мѣсто. Вы, сударыня, сплетница!

Шамуляръ. А вы атаманъ разбойниковъ!

Учитель. Вы вѣтряная мельница, мелете сами не знаете что... Убирайтесь отсюда.

Шамуляръ. Вы палачъ, живодеръ, я буду кричать это на всѣхъ перекресткахъ!

Учитель. Пойдемте, пойдемте, вы выводите меня изъ терѣбнїя.

Шамуляръ. Я васъ выведу на свѣжую воду!

Учитель. Корбо! я сейчасъ ворочусь. (*Уходитъ переменившись съ нею*).

Я В Л Е Н І Е IV.

Тѣ же, кромѣ Учителя и Шамуляръ.

Всѣ. Ай да тетка Шамуляръ... отдылаа его... оло, ло!

Корбо. Смирно! Ни съ мѣста! Я теперь учитель, и перваго кто пошевелится — на веревку.

Галюше. Экъ, разважничалъ, что больше всѣхъ!

Корбо. Ни слова: Фигюре... па колѣни... Я васъ! ага, присмирѣли! Ну, теперь на свободѣ я могу подумать о своей любви! О, милая Шарлота! какъ только вспомню о ней, такъ мурашки и забѣгаютъ отъ затылка до подошвы... Ахъ, если бъ я... если бъ она... если бъ мы...!

Плюмишонъ. Кукуруку!

Галюше (*лаетъ собакой, всѣ хохочутъ*).

Я В Л Е Н І Е V.

Тѣ жъ и Шарлота (*съ чашкой*).

Шарлота. Прекрасно, господа, прекрасно!

Корбо. Шарлота!

Шарлота. Гдѣ же папенька?

Корбо. Онъ вышелъ, мамзель Шарлота; и я занимаю его мѣсто.

Шарлота. И чудесно исполняете вашу должность!

Корбо. А что, развѣ кто-нибудь шумѣлъ!

Шарлота. А вы не слышали? О чемъ-же вы думали?

Корбо. О чемъ-же я могу думать, кромѣ васъ...

До вашего прихода, вы не выходили у меня изъ головы...

Шарлота. Перестаньте! какъ вамъ не стыдно, развѣ въ классѣ можно это говорить?

Корбо. Ваша правда; я вамъ послѣ доскажу. Вы принесли завтракъ вашему папенькѣ?

Шарлота. Да, но я не могла достать сахаръ со шкапа.

Корбо. Сахаръ, хотите я достану... это будетъ для меня самое высшее наслажденіе!

Шарлота. А какъ же классы-то?

Патро (*входитъ*). Я пришелъ за деньгами, мамзель

Шарлота. За нять фунтовъ хлѣба приходится...

Корбо. А, Патро... продолжай за меня классъ, я прииду сію минуту (*бѣжитъ*).

Шарлота. Пойдите, я покажу, гдѣ лежитъ сахаръ; а деньги я вамъ сейчасъ принесу (*уходитъ*).

— — —

Я В Л Е Н І Е У

Тѣ жъ кромѣ Шарлоты и Корбо.

Всѣ (*прыгая по столамъ*). Ого! го! го! Катай, паляй; кошка ушла — мыши по столамъ!

Патро. Хорошо ученье!

Галюше. Патро, голубинокъ, спой намъ что-нибудь, ты такой мастеръ!

Всѣ. Пожалуйста, спой.

Патро. Извольте, братцы, это будетъ классъ пѣнія! Подтягивайте хорошенько.

(*Исполняютъ песню*)

Н. 4.

Раздавайтесь, песни, слыши,

Въ лѣсъ ны дружно побѣжимъ,

Станемъ тамъ собирать орѣхи,
Мы ихъ въ-полно пофимъ!

(Последніе два стиха всѣ повторяютъ и плещутъ).

Лиза также въ лѣсъ пустилась,
Да пришлось бѣду терпѣть:
Шла все дальше — заблудилась,
Вдругъ на встрѣчу ей медвѣдь!

Лиза тутъ кричить и плачетъ,
Хоть ложись, да умрай,
А прядь нею чуть не скачетъ
Косолапый негодай!

Къ-счастью, Лиза догадалась
Взлѣзть на тополь—безъ того
На орѣхи бы досталось
Ей порядкомъ отъ него.

(При последнемъ куплетѣ всѣ побросали вверхъ книги и тетради. Фигуре забрался на столъ и пьетъ кофе. Въ это время входятъ съ разныхъ сторонъ Галимать-лѣсъ и Корбо).

Я В Л Е Н І Е VII.

Учитель. Чтѣ я вижу!

Всѣ. Ай, медвѣдь! *(разбѣгаютъ).*

Учитель. Чтѣ это за жидовская школа! безъ меня вдетъ все вверхъ ногами; вотъ какъ вы учитесь! а послѣ говорятъ, что я васъ балую! Ахъ, вы, мошенники! Вы не понимаете моего великодушія! Съ вами надо быть тираномъ, и я буду имъ. Г. Корбо, на колѣни!

Корбо. Какъ, меня! старшій классъ! Я ничего не дѣлалъ.

Учитель. На колѣни! Если вы не станете, ваша нога не будетъ здѣсь!

Корбо. О, Шарлота! для тебя я готовъ на это униженіе! *(Стойвится).*

Учитель. Кто васъ взбунтовалъ, я хочу знать зачинщика. *(Идетъ къ столу, подъ которымъ Фигуре).* На колѣни, чертенюкъ!

Фигуре. Это не я!

Учитель. Безъ возраженій. Г. Плюмишопъ, на колѣни!

Неглиже, на колѣни! Трико, на колѣни! весь классъ на колѣни! Я васъ заставлю плясать по своей дудкѣ! Вы сдѣлались просто разбойниками!

Корбо. Шарота! это все для тебя!

Учитель (*беретъ чашку*). Что это, развѣ я ужъ затракалъ?

Я В Л Е Н І Е VIII.

Тъ же и Жирафъ (*отецъ*).

Жирафъ. Съ добрымъ утромъ, Г. Галиматъясъ!

Учитель. Г. Жирафъ! Мое нижайшее почтснiе.

Жирафъ. Что это? вѣрно теперь часъ молитвы?

Учитель. Нѣтъ... это... такъ... имъ ловче писать. Встаньте передъ вашимъ начальникомъ, надобно наблюдать учтнвость, друзья мои! (*Всѣ встаютъ*).

Жирафъ. Старайтесь, дѣти мои, старайтесь; нашъ комитетъ ничего не жалѣетъ для просвѣщенiя... и если не будетъ замѣтныхъ успѣховъ, тогда запрутъ вашу школу.

Учитель. О, я очень доволенъ ихъ прилежанiемъ.

Жирафъ. Это мнѣ весьма-прiятно слышать.

Учитель (*прячетъ въ карманъ розги*). Вамъ извѣстно, Г. Адьюнктъ, мое усердiе, кроткое обращенiе и прочее.

Жирафъ. Да, да, я знаю... Ну, что, въ вашъ старшiй классъ не прибавилось никого?

Учитель. Зимой бываетъ больше, но теперь пора рабочая: взрослые дѣти помогаютъ родителямъ.

Жирафъ. Сегодня у васъ раздача наградъ... Ахъ, я и позабылъ сказать вамъ о причинѣ моего посѣщенiя... Каково учится мой милый сынокъ?

Учитель. Удивительно! Такiе успѣхи, что и говорить печего! Этотъ ребенокъ на-лету хватаетъ!

Жирафъ. Стало-быть, онъ получить сегодня какую нибудь награду?

Учитель. Помилуйте, кто же болѣе его заслуживаетъ!

Жирафъ. Въ такомъ случаѣ, я васъ обрадую; у меня есть предположенiе... впрочемъ, я вамъ послѣ скажу.

Учитель. Что же это такое, Г. Адьюнктъ?

Жирафъ. Я готовлю вамъ сюрпризъ.

Учитель. Это, вѣрно, прибавка, о которой я васъ просилъ?

Жирафъ. Прибавка сама по себѣ, но это еще лестнѣе; я не скажу ничего болѣе; я буду доволенъ, вы будете довольны, они будутъ довольны.

Учитель. Миѣ этого довольно, Г. Жирафъ, я увѣренъ въ вашемъ расположеніи и моя благодарность... Г. Сципіонъ, подойдите къ папенькѣ, поцѣлуйте у него ручку!

Жирафъ. Не правда-ли, это живой портретъ покойной мамашки?

Учитель. Да-съ, живая покойница.

Жирафъ. Ну, Сципіонъ, ты получишь сегодня награду.

Жирафъ, сынъ. Пожалуй, миѣ все равно. Только миѣ здѣсь очень скучно.

Жирафъ. Какъ откровененъ! Весь въ меня!

Учитель. Точно, точно, (въ сторону) такой же дуракъ!

Жирафъ. Однако-жъ, миѣ надобно поторопиться; прощайте, Г. Галиматьясъ, помните, что я вамъ сказалъ, и ждите сюрприза, я хотѣлъ нарочно васъ о немъ предупредить.

Учитель. Покорѣйше благодарю.

Жирафъ. Я могу взять съ собою моего Сципіона?

Учитель. Помилуйте, всегда, когда вамъ угодно; къ тому-же теперь и пора... Благодарите Г. Адъюнкта...
Классы кончены.

Всѣ. Да здравствуетъ Г. Адъюнктъ!

№ 5.

Вѣсть.

Учитель и хоръ Учениковъ.

Друзья, его благодарите:

Вы раньше кончили вашъ классъ.

Мы раньше кончили нашъ классъ.

Вы къ намъ почаще приходите:

Намъ такъ пріятно видѣть васъ!

Жирафъ (Учителю).

За что-жъ меня благодарите?

Миѣ жалъ, что кончили вы классъ.

А вы себя награды ждете,
Сюрприз готовлю я для васъ!

(Уходитъ).

Я В Л Е Н И Е IX.

Учитель и Шарлота.

Учитель. Тише, тише, не спихите съ погъ Г. Адьюнкта! Почтенный человекъ, онъ воображаетъ, что сынь его съ неба звѣзды хватаетъ, а онъ въ классахъ только мухъ ловить; но какъ быть, его покровительство мнѣ необходимо.

Шарлота. Вы ужъ завтракали, папенька?

Учитель. Право не знаю... да сегодня мнѣ не до завтрака; дай мнѣ бумагу и чернила, я назначу имена учениковъ, которые должны получить награды! Г. Жирафъ общалъ мнѣ выхлопотать прибавку.

Шарлота. Неужели? Поздравляю васъ, папенька?

Учитель. Приготовила ли ты лавровые вѣнки?

Шарлота. Вотъ они всѣ здѣсь.

Учитель. Начнемъ съ нижняго класса. Награда за географію Г. Жирафу. Не думай, чтобъ я изъ благодарности къ отцу награждалъ сына... нѣтъ, безпристрастіе моя слабость. За чистописаніе, кому бы? то же, Г. Жирафу! У меня нѣтъ лицепріятія; за острую память... кому бы?... дай Богъ память — Г. Жирафу! За математику, по всей справедливости, Г. Жирафу; за географію, тоже Г. Жирафу.

Шарлота. Однако жъ, папенька, говоря о справедливости, вы не замѣчаете, что назначили всѣ награды ему одному: это несловко!

Учитель. Неужели? Въ самомъ дѣлѣ! Благодарность меня совсѣмъ ослѣпила... хотя это—благородное чувство, но излишество всегда вредно. Постой, я сейчасъ все поправлю. Можно вымарать чистописаніе: онъ еще посіе время пишетъ по линѣйкамъ... и то довольно-криво, а прямота, по-моему, всего важнѣе. Какъ-же это я самъ покривилъ душою?

Шарлота. Это вѣрно оттого, что вы со мной разговаривали и какъ-нибудь машинально...

Учитель. Ну, натурально... не надо под-руку говорить. За острую память, вычеркнуть: онъ такъ же тупъ, какъ отецъ его. — За Математку, онъ двухъ перечесть не умѣетъ — вычеркнуть! За Географію... Ну, въ ней никто шагу впередъ не сдѣлать.... этакъ, кажется, нельзя будетъ ни къ чему придаться.

Шарлота. Да, только этакъ у него ничего не остается.

Учитель. Неужели? Точно, ничего. Это еще хуже! Отецъ его разсердится! Это все ты меня путашь. Боже мой, какъ трудно согласить справедливость съ личными выгодами.

Шарлота. Надобно же дать что-нибудь и другимъ. Вонъ, тетушка Галюше приходила. Она очень просила за своего сына.

Учитель. Знаю, знаю.... Она предобрая женщина: у нея двѣ коровы.

Шарлота. Она всегда намъ носитъ густыя сливки, а дядя Плюмишонъ возить намъ дрова.

Учитель. Да сынъ - то его такое дерево; ну, да нечего дѣлать, надо всѣхъ удовлетворить.... Вотъ списокъ, называй cadaго по имени.

Шарлота. Г. Тупе?

Учитель. За понятливость!

Шарлота. Г. Неглиже?

Учитель. За опрѣтность!

Шарлота. Плюмишонъ?

Учитель. За отличную ловкость!

Шарлота. Г. Трико?

Учитель. За всегдашнее здоровье!

Шарлота. Маленькій Мишо?

Учитель. Онъ неможко косноязыченъ, за что-бы?

ну — за краснорѣчіе.... Много-ли осталось?

Шарлота. Всего 6 человекъ?

Учитель. Это все первоклассные разбойники! — Ну, хоть за поведеніе. — Теперь старшій классъ. Г. Корбо —

за необыкновенную силу.... Вообрази, онъ вчера у меня на кухнѣ согнулъ въ два кольца желѣзную кочергу. — Баста! — Теперь ни кому не завидно. Пойду.... все приготовлю для нашего торжества. Сколько осталось книгъ въ моей библиотекѣ?

Шарлота. Не-съѣденныхъ мышами только шесть томовъ «О поваренномъ искусствѣ».

Учитель. Ну, пусть ихъ читаютъ па-тошакъ: это будетъ для нихъ умственная пища.... Приготовь-же вѣнки, а я отправлюсь на чердакъ за книгами. О просвѣщеніе! чѣмъ я для тебя не пожертвую! (*Уходитъ*).

Я В Л Е Н І Е X.

ШАРЛОТА И КОРБО.

Шарлота. Бѣдный папешка, какъ онъ хлопочетъ и все изъ пустяковъ!

Корбо. Вотъ она!

Шарлота. И всякой непременно хочетъ получить награду, какъ-будто это такъ должно! одинъ только бѣдняжка Корбо ни о чемъ не хлопочетъ. Ахъ, это вы?

Корбо. Да-съ, это я!

Шарлота. Чтѣ вамъ здѣсь нужно?

Корбо. Кажется, я забылъ здѣсь мою тетрадку.

Шарлота. Да, да, вы всегда найдете предлогъ прийти сюда, когда знаете, что я здѣсь одна!

Корбо. Вы сердитесь?

Шарлота. Нѣтъ, но я удивляюсь, когда вы успѣваете готовить ваши уроки: вы цѣлый день бродите вокругъ нашего дома.

Корбо. Ахъ, и день и ночь!

Шарлота. И ночью тоже?

Корбо. Всю ночь напролетъ!

Шарлота. Ахъ, Боже мой! Смотрите, чтобъ васъ когда-нибудь не загрызла наша цѣпная собака!

Корбо. Нѣтъ-съ, я пользуюсь собачьей дружбой: она шлетъ ко мнѣ полную довѣренность. Когда я прохожу

мимо, она выльется из капюры и опять ляжет спать: вѣрно, чувствуетъ, что на меня можно положиться!

Шарлота. Да отчего же это вы не спите по ночамъ?

Корбо. Ахъ! не спрашивайте?

№ 6.

Съ любовью страстной, не несла —
 Что́ делать мнѣ, не знаю самъ! —
 Я днемъ брожу, какъ угорьлой,
 И какъ лунатикъ по ночамъ!

—
 Хожу, хожу, не нахожуся;
 Въ глазахъ темно, а въ сердцѣ тьма!
 И только одного боюсь —
 Чтобъ, ходя, не сойти съ ума!

Шарлота. Ахъ, какія страсти?

Корбо (*воздыхаетъ въ носъ*). Ахъ!!

Шарлота. Что́ это, у васъ насморкъ?

Корбо. Нѣтъ, это я вздыхаю!

Шарлота. Да отчего же вы такъ печальны?

Корбо. А чему мнѣ радоваться! Батюшка вашъ унижалъ меня сегодня — поставилъ меня на колѣни, какъ мальчишку, а мнѣ ужъ 19 лѣтъ: это меня такъ разсердило, что я, выйдя отсюда, столкнулъ въ канаву слугу Г. Жирафа.

Шарлота. За что́ же это?

Корбо. Онъ смѣялся, когда я проходилъ мимо его.

Шарлота. Въ канаву, ахъ, Боже мой! Ну, если онъ утонетъ.

Корбо. Это было бы очень мудро: въ канавѣ нѣтъ ни капли воды: онъ только ударился въ грязь лицомъ.

Шарлота. Ахъ, какіе вы злые!

Корбо. Да, я нынче... ни на что́ не похожъ! Видите, какое у меня звѣрское лицо! Такъ бы всѣхъ и съѣлъ — кромѣ васъ, разумѣется. А отчего я ненавижу всѣхъ? оттого что люблю васъ однихъ! И зачѣмъ я учусь, болванъ?... что́ въ этомъ толку?

Шарлота. Вотъ хорошо! Если-бъ вы не ходили къ намъ въ школу, то не видались бы такъ часто и со

мною. Вамъ надобно стараться, чтобъ папенька васъ полюбилъ.

Корбо. Да что мнѣ въ его любви, я нищу вашей!

Шарлота. Надо имѣть терпѣніе. Вы знаете, что папенька никогда не отдастъ меня за человека, который не кончилъ своего ученья.

Корбо. Гм!... Я теперь отъ любви и то дуракъ дуракомъ, а если онъ сдѣлаетъ изъ меня *ученаго*, тогда буду еще глупѣе.

Шарлота. Какіе пустяки! вы должны учиться для меня; папенька такъ усердно всегда хлопоталъ о воспитаніи другихъ, что о моемъ совсѣмъ забылъ, а выйдя замужъ, я не хочу быть душой.

№ 7.

Вамъ надобно вдвойнѣ прилежнымъ быть:
У мужа, я могу сама учиться.

Корбо. Это что?

Вашъ батюшка не учитъ насъ любить—

Онъ любить все ругаться да браниться...

И гдѣ жъ ему такимъ дѣлать учить?

Что зналъ — забылъ.... вѣдь пятьдесятъ-три года!

Нѣтъ, учитъ насъ, какъ слѣдуетъ, любить —

Не батюшка, а матушка — природа!

Шарлота. Сегодня вы вѣрно получите награду... я сдѣлала вѣнокъ вдвое больше другихъ, вы понимаете для кого?...

Корбо. Это вашей работы?

Шарлота. Примѣрьте-ка.

Корбо. Вотъ славную штуку сплели.... это головное украшеніе я принимаю отъ васъ, какъ отъ будущей своей жены. Оставьте мнѣ его.... я буду его носить въ боковомъ карманѣ, подлѣ моего сердца.

Шарлота. Нѣтъ, пускай начальство возложитъ его на васъ: это будетъ торжественнѣе.

Корбо. Ахъ, вы мнѣ совсѣмъ вскружили голову!... И вы думаете, что послѣ этой награды вашъ папенька будетъ благосклоннѣе ко мнѣ?

Шарлота. Разумѣется.

Корбо. И онъ согласится на нашъ бракъ?

Шарлота. Можетъ-быть!

Корбо. И тогда я буду вашимъ мужемъ, а вы моею женой!

Шарлота. Ужъ конечно!

Корбо. Ахъ, если-бъ это была правда!

Шарлота. Но я бѣдна, у меня ничего нѣтъ!

Корбо. А развѣ у меня что-нибудь есть, кромѣ воспитанія? Я съ ума схожу отъ радости! этотъ поцѣлуй даю вамъ, какъ своей невѣстѣ! *(Цѣлуетъ учителя)*.

Я В Л Е Н І Е XI.

ТѢЖЕ И УЧИТЕЛЬ *(который входитъ нѣсколько прежде)*.

Учитель. Ахъ ты, негодяй!

Корбо. Ай! папенька подвернулся!

Учитель. И ты осмѣлился?

Корбо. Помилуйте, я не имѣлъ намѣренія васъ поцѣловать.

Учитель. Какая дерзость! Вотъ чѣмъ вы здѣсь занимаетесь!... вы ужъ проходите Естественную Исторію! Знаетели, что я за это доберусь до вашей физики.

Корбо. Позвольте, я съ честнымъ намѣреніемъ...

Учитель. Я тебя такъ отщещу, что ты своихъ не узнаешь!

Корбо. Но я...

Учитель. Пошелъ вонъ, бездѣльник!

Корбо. Я пришелъ просить у васъ ея руки.

Учитель. Не хочешь ли ты попробовать моею!

Шарлота. Папенька!

Учитель. Поди прочь, безстыдница! А ты, негодяй! *(Замахивается)*.

Корбо. А, коли на то пошло, я ничего не боюсь; чортъ возьми! Если вы меня хоть пальцемъ троните то... види-

те эти ужасныя руки! Я силенъ какъ левъ, и сердить какъ чортъ!

Учитель. Подальше, пожалуйста подальше; я знаю вашу силу, вчера вы у меня связали узломъ желѣзную кочергу, такъ-что я принужденъ былъ послать ее выпрямить въ кузницу; ну, прилично ли этимъ заниматься? вѣдь это можетъ сдѣлать только пятилѣтній ребенокъ!

Корбо. Ага! видите каковъ я гусь? не пугайте же меня какъ мальчишку; я хочу жениться, чортъ возьми! а не то—я все переломаю; видите этотъ стулъ? разь, два, вотъ вамъ на растопку! Эта скамейка дубовая — разь два.... заказывайте другую!... Нѣтъ ли еще чего-нибудь....

Учитель. Перестаньте, перестаньте, я васъ не трогаю.... Оставьте меня въ покоѣ.

Корбо. Хотите, я васъ подниму одною рукой?

Учитель. Не нужно, не нужно, я вамъ вѣрю, только уберите къ чорту!

Корбо. Вы запрещаете мнѣ говорить съ вашей дочерью.

Учитель. Да, да, запрещаю!

Корбо. Вы выгоняете меня изъ школы?

Учитель. Выгоняю, торжественно выгоняю!

Корбо. Все равно! я буду ее любить, чтобы вы ни дѣлали!

Учитель. Я позову полицію.

Корбо. Поставьте хоть пушки къ дверямъ, я на стѣну полѣзу, сломаю крышу, весь домъ по дощечкѣ разберу — я тигръ, слущенный съ цѣпи! Бррр! Чортъ возьми, я никого не боюсь!

(Уходитъ).

Я В Л Е Н І Е XII.

УЧИТЕЛЬ, ШАРЛОТА и ЖЕРАФЪ (котораго, входя, толкает Корбо).

УЧИТЕЛЬ (замахиваясь). Я тебя, мошенника! Ахъ, это вы, Г. Жирафъ!

ЖИРАФЪ. Чортъ возьми! ваши ученики слишкомъ сильны въ свѣтскомъ обращеніи: онъ мнѣ чуть плечо не вывихнулъ!

УЧИТЕЛЬ. Я за него извиняюсь, Г. Адьюиктъ! Но, чему я обязанъ вашимъ вторичнымъ посѣщеніемъ? Милости прошу садиться. (Подаетъ сломанный стулъ).

ЖИРАФЪ. Не безпокойтесь, я прибѣжалъ сказать вамъ о моемъ сюрриризѣ.... я такъ торопился, мнѣ хотѣлось скорѣе васъ обрадовать....

УЧИТЕЛЬ. Я ужъ ничего не видя, радуюсь, почтенный начальникъ; но чтожь это такое?

ЖИРАФЪ. Вчера пріѣхалъ сюда Совѣтникъ Префектуры.... Вы знаете, какая это важная особа.... онъ имѣетъ надзоръ за учебными заведеніями, и я по особенному къ вамъ расположенію, пригласилъ его отъ имени Комитета присутствовать въ вашей школѣ при раздачѣ наградъ; онъ былъ такъ добръ, что согласился, и, вѣроятно, самъ удостоитъ при этомъ случаѣ проэкзаменовать вашихъ учениковъ.

УЧИТЕЛЬ. Что я слышу!

ЖИРАФЪ. Во-первыхъ, я расхвалилъ ему вашъ старшій классъ....

УЧИТЕЛЬ (Шарлотѣ). Вотъ тебѣ разъ, а я сей-часъ только-что вытолкалъ его вонъ!

ШАРЛОТА. Мы пропали!

ЖИРАФЪ. Во-вторыхъ, я далъ ему замѣтить, что только самые отличные ученики получаютъ награду.... Вѣдь вы мнѣ сказали, что и мой Сципионъ будетъ въ этомъ числѣ.

Я предупредилъ Г. Фрито, онъ уже все знаетъ. Я думаю, достаточно будетъ проэкзаменовывать одного изъ младшаго класса?

Учитель. И этого слишкомъ много!

Жирафъ. Если Г. Совѣтникъ останется доволенъ вашею школою, вы непременно получите прибавку; онъ вѣрно не ожидалъ, чтобъ въ нашемъ захолустьѣ шло просвѣщеніе такими быстрыми шагами!

Учитель (*въ сторону*). Да, шагъ впередъ, да два назадъ! особенно его сынишко — ступить не умѣетъ!

Учитель. Я заранѣе поздравляю васъ съ прибавкой. Г. Совѣтникъ къ вамъ будетъ ровно въ два часа.

Учитель. А теперь половина втораго! Я погибъ! Всѣ разбѣжались. Какъ бы мнѣ выпутаться... Шарлота! Съ вашего позволенія! Сейчасъ отыщи своего негодяя, и притащи сюда маленькаго Жирафа; бѣги, какъ можно скорѣе, (*Она уходитъ*).

Жирафъ. Ну, каковъ мой сюрпризъ, Г. Галиматьясъ? Славно я удружилъ вамъ!

Учитель. Удружилъ, нечего сказать!

Жирафъ. Я бы желалъ придать болѣе важности этой церемоніи; надо сочинить музыку: флейту и литавры мы возмемъ у національной гвардіи....

Учитель. Ну, славно меня отсвищутъ и отбарабаниятъ!

Жирафъ. Позовемъ также нашего слѣпаго скрипача, то составить нѣчто въ родъ полного оркестра; я хочу, чтобъ играли военный маршъ, каждый разъ, какъ будутъ вѣнчать моего Циціона.

Учитель (*удерживая его*). Позвольте, на минуту. Нельзя ли попросить Г. Совѣтника, чтобъ онъ самъ не трудился спрашивать.... я боюсь, чтобъ вашъ сынокъ не оробѣлъ!

Жирафъ. О! онъ ничего не боится, вы это знаете!

Учитель. Да, знаю, пребойкое дитя; но онъ можетъ сбиться отъ излишней смѣлости и усердія; не лучше ли экзаменовывать другаго кого-нибудь, менѣе знающаго, но которой бы...

Жирафъ. Чтб это значитъ? развѣ онъ не самый лучший ученикъ изъ вашей школы?

Учитель. О, напротив.

Жирафъ. Такъ что-же вы хотѣли этимъ сказать?

Учитель. Ничего, я только думалъ....

Жирафъ. Пустяки, за что-же лишать его случая отличиться.

Учитель. Разумѣется!

Жирафъ. Я не люблю несправедливости!

Учитель. И я тоже.

Жирафъ. Я хочу, чтобъ экзаменовали моего сына.

Учитель. И будутъ экзаменовать вашего сына.

Жирафъ. А если онъ не сумѣетъ отвѣчать, вы мнѣ за него отвѣчаете. Понимаете!

Учитель. Понимаю-сь!

Жирафъ. Я иду хлопотать о музыкѣ, а вы хлопочите о моемъ сынѣ.

Но 8.

Смысь мой ибрно отличится —

Малый весь въ огна — лихой!

Учитель.

Да, тутъ есть чѣмъ похвалиться:

Этотъ малый — плутъ большой!

Жирафъ.

Учитель.

Сына ожидаютъ лавры,

Вась прибавкой награждать,

Скрипка, флейта и литавры

Вашу славу прозвучать!

Хороши тутъ будутъ лавры:

Негодли осрамить!

И дурачки литавры;

Нашу глупость простучать!

Я В Л Е Н І Е XIII.

Учитель (одинъ).

Ну, славный сюрпризъ! Хорошо будетъ экзамень: его ненаглядный аза въ глаза не знаетъ, прочіе не многимъ больше, старшій классъ только волочитъ, да кочерги ломаетъ, а теперь, я думаю, и самъ заломается, не пойдетъ сюда, послѣ нашей исторіи! Вотъ тебѣ и прибавка! а этотъ старый дуракъ хлопочетъ только о музыкѣ — очень нужно! У меня теперь въ головѣ стучитъ точно въ пустомъ

барабанъ, а у моихъ учениковъ, здѣсь только посвистываетъ.... Вотъ тебѣ и музыка!

Я В Л Е Н І Е XIV.

Учитель, Шарлота, Корбо и Жирафъ (сынъ).

Шарлота. Вотъ они, папсынка, я привела Г. Жирафа.

Учитель. Ну, а Корбо?

Шарлота. Онъ тоже идетъ.... Да войдите, не бойтесь.

Корбо (*мрачно, сложивъ руки*). Чего хотять отъ меня?

Учитель. Ну, слава Богу!... не все еще потеряно! Подите сюда, дѣти мои; радуйтесь, мои любезные, радуйтесь, васъ хочеть экзаменоватъ самъ Г. Совѣтникъ, мой купидончикъ! понимаете-ли, какая это честь? Онъ спрашивалъ двухъ отличнѣйшихъ учениковъ и я, разумѣется, выбралъ васъ; вы будете ему отвѣчать. Во-первыхъ, ты, мой миленькій Корбо....

Корбо. Не говорите мнѣ ты.

Учитель. Во-первыхъ, вы, Г. Корбо.

Корбо. Да, во-первыхъ я и отвѣчать не буду.

Учитель. Какъ?

Корбо. Также; я сію минуту ухожу.

Учитель. Ну, уходить онъ меня!... Пойдите, стойте!

Корбо. Не хочю; вы меня выгнали изъ школы.

Учитель. Я тебя снова принимаю; перестань дуться, милашка! (*Гладитъ его по головѣ*).

Корбо. Нѣтъ, ужъ больше не надуете! Не гладьте меня по-пустому... вы ровняете меня съ этимъ мальчишкой, котораго всѣ ненавидятъ!

Учитель. За что-же?

Корбо. За то, что онъ ябедникъ, фискаль!

Жирафъ. Кто, я?

Корбо. Да, ты, кривая душа!

Жирафъ. Я пойду папенькѣ пожалуюсь.

Учитель. Вотъ и этотъ уходитъ! Г. Жирафъ, развѣ

нельзя извинить товарища? Какъ вамъ не стыдно? вѣдь вы знаете, что онъ не отесанный болванъ! (*Корбо*). Охота тебѣ сердиться на этого негоднаго мальчишку!

Корбо. Если тебѣ достанется награда, мы тебя уьемъ до смерти.

Жирафъ. А я папенькѣ пожалуюсь!

Корбо. Боюсь я твоего папеньки! (*Хочетъ его ударить*).

Учитель. Г. Корбо!... уймитесь, ради Бога!

Корбо. Я васъ знать не хочу.

Шарлота. Фу, какой упрямый!

Корбо. Вы отказали мнѣ въ рукѣ вашей дочери?

Учитель. Ну, ну, я обещаю ее тебѣ, животное, если ты только будешь хорошо отвѣчать на экзаменѣ.

Корбо. Неужели? Вы соглашаетесь?

Учитель. Да, да; только не деритесь, и не ударьте меня лицомъ въ грязь. Ну, помиритесь же, будемъ дружно трудиться для пользы просвѣщенія.

Корбо (*показывая на Шарлоту*). Для нея я на все готовъ.

Учитель. Вотъ ужъ безъ четверти два часа, не будемъ терять времени... красавчики мои. Ну, (*Корбо*) ну, какъ называется столица Пруссіи... столица Австріи, Англіи, Россіи, Испаніи? Прекрасно, покорно благодарю. (*Къ Жирафу*). Ну, сколько дней въ году?... Сколько мѣсяцевъ? Сколько часовъ въ суткахъ?... Безподобно! Спасибо вамъ, милашки!

Шарлота. Ахъ, Боже мой! что-же вы дѣлали въ классахъ?

Корбо. Я все думалъ о васъ!

Учитель. Хоть-бы вы обо мнѣ-то подумали! Вотъ тебѣ и экзаменъ! (*Жирафу*). Не стыдно ли вамъ! вы были первый въ географіи.

Жирафъ. Патро всегда писалъ за меня.

Учитель. Неужли? О! какая дѣтская откровенность! То-то вы теперь и пера въ рукахъ не умѣете держать; это была ворона въ чужихъ перьяхъ; ну, дѣло конечно. Убирайтесь къ чорту!

Шарлота. Какъ, вы ихъ отсылаете?

Учитель. Да что мнѣ съ ними дѣлать? На нихъ напасть какой-то столбнякъ.

Шарлота. А экзамень.... а Г. Совѣтникъ?

Учитель. Чортъ его возьми и съ экзаменомъ! Я скажу, что у меня еще съ утра начался параличъ.

Шарлота. А ваша прибавка? Нѣтъ, папешка, надобно какъ-нибудь уладить.

Корбо. Я только за одно отвѣчаю: на экзаменѣ не будетъ шуму: никто слова не скажетъ!

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и Патро.

Шарлота. Нѣтъ-ли какого-нибудь средства? Ахъ! какая мысль! что, если бѣ они оба выучили отвѣты на извѣстные вопросы.

Учитель. А! прекрасно! я напишу вопросы и подамъ ихъ Г. Совѣтнику; безподобно! ты будешь отвѣчать изъ Исторіи, ты изъ Географіи.... отвѣты надобно будетъ немножко только подучить.

Патро (*съ стороны*). Хорошъ учитель!

Корбо (*показывая на Шарлоту*). Я не могу.... я отъ нея безъ памяти.

Учитель. Ну, какъ-нибудь.... ты можешь читать по бумажкѣ, такъ, искося, я надѣюсь, что ты умѣешь читать.

Корбо. Да, если только при мнѣ будетъ писано.

Учитель. Ты положишь бумажку на столъ или куда-нибудь.

Корбо. Лучше всего въ шляпу... я вамъ всегда такъ отвѣчалъ.

Учитель. И прекрасно!... Но мы не успѣемъ?

Шарлота. Я бы вамъ помогла, да я дурно пишу.

Корбо. Нѣтъ, ужъ мнѣ, пожалуйста, поразборчивѣе...

Патро. Ахъ какая мысль... я все перепутаю. Извините, я думалъ, что....

Шарлота. Ахъ, вотъ кстати Патро. У него славный почеркъ.

Учитель. Въ самомъ дѣлѣ. Ну-ка, по старой памяти, удружи намъ. Вотъ Географія, напиши эту страничку для Г. Жирафа, а изъ Истории для него. Только покрупнѣе, чтобъ слѣпой могъ разобрать.

Патро. Сю-минуту! (*Садится писать*).

Корбо. Прекрасно, я буду отвѣчать по сказанному, какъ по писанному.

Учитель. Я приготовлю вопросы, а вы, между тѣмъ, uberite наше учебное заведеніе; ну, проверитѣ всѣ за работу?

Но 9.

Вотъ, не даромъ говорится:

Голь на выдумки хитра;

Дѣло мастера бонтея!

А падутъ мы мастера!

Всѣ.

Мы экзаменъ отвалимъ,

Заладимъ ему разя;

Хоть аза въ глаза не знаемъ,

А запустимъ пыль въ глаза!

Учитель. Ну, скоро ли?

Патро. Готово.

Учитель. Не ошибся ли я... Старшій классъ—Исторія.

Патро (*Корбо*). Вотъ тебѣ отвѣтъ изъ исторіи. — Это изъ Географіи.

Учитель. Младшій классъ — Географія!

Патро (*Жирафу*). Вотъ тебѣ изъ Географіи. А это изъ Исторіи;—славная будетъ кутерьма!

Учитель. Ну, роздай ли ты отвѣты?

Патро. Все готово!

Учитель. Я слышу.... всѣ ужъ собираются. По мѣстамъ, по мѣстамъ!

Жирафъ. Я пойду учить свой отвѣтъ. (*Уходитъ*).

Корбо. И я тоже.

Учитель. Милости просимъ, почтенные гости, милости просимъ!

Я В Л Е Н І Е XVI.

Учитель, Патро, Жирафъ, Шамуляръ и родственники учениковъ обоого пола).

№ 10.

Хоръ.

Что можетъ выше быть утѣхи
 Душамъ отцовъ и матерей,
 Какъ любоваться на успѣхи
 Своихъ возлюбленныхъ дѣтей!

(*Садятся*).

Жирафъ. Ну, все ли у васъ въ порядкѣ? Не осрамьтесь... Музыканты, вы заиграйте, какъ только я махну платкомъ.... Г. Совѣтникъ дожидается, когда ему пришлютъ сказать; пошлите къ нему кого-нибудь.

Учитель. Сходи хоть ты, Патро.

Патро. Сю минуту. (*Уходитъ*).

Жирафъ. Гдѣ-же мой сынъ?

Учитель. Онъ повторяетъ уроки!

Жирафъ. Хорошо. Два стула поставить для учениковъ, которыхъ будутъ экзаменовать. Прошу всѣхъ немедленно встать при появленіи Г. Совѣтника.

Шамуляръ (сосѣдкѣ). Я воображаю, сколько тутъ будетъ несправедливости!

Учитель (къ Корбо). Ну, что, влодбиль ли ты?

Корбо (вход). Нѣтъ еще; но дѣло въ шляпѣ, не безпокойтесь.

Шамуляръ (сосѣдкамъ). Вы вѣдь знаете, что я взяла отсюда моего Тютю. Съ нимъ дурно обращаются, а мой ребенокъ къ этому не привыкъ. (Сыну). Да что ты смотришь изъ подлѣбья? (Толкаетъ его).

Учитель. Вотъ и Г. Совѣтникъ!

Жирафъ. Музыку, музыку!

—

Я В Л Е Н І Е XVII.

ТѢЖЕ И СОВѢТНИКЪ.

№ 11.

ХОРЪ.

Вивать! почтенный посѣтитель!

Вивать, Совѣтникъ дорогой!

Ты просвѣщенья покровитель,

Насъ всѣхъ обрадовалъ собой!

Жирафъ. Еще?

ХОРЪ.

Вивать! почтенный посѣтитель...

Учитель. Довольно, довольно... (Совѣтникъ садится).

Жирафъ. Позвольте, Г. Совѣтникъ, засвидѣтельствовать вамъ отъ имени всего округа то удовольствіе, которое... т. е. тѣмъ болѣе, что этотъ день, въ который мы всѣ, которые...

Совѣтникъ. Прошу садиться, господа, я чувствую всю цѣну вашего пріѣзда. Хотя посѣщеніе мое не входитъ въ составъ настоящей моей должности, но изъ любви къ просвѣщенію... Вы наставникъ?

Учитель (низко кланяясь). Точно такъ, милостивый государь!

Советникъ. Въ вашей школѣ два класса, какъ пишеть мнѣ Г. Адьюнкъ, прекрасно! Я съ удовольствіемъ сообщу начальству объ успѣхахъ въ вашемъ заведеніи!

Учитель (*кладеть бумагу на столъ*). Позвольте предложить вамъ, Г. Советникъ....

Советникъ. Это все ученики вашей школы?

Учитель. Все ученики, исключая ихъ родителей.

Советникъ (*береть бумагу*). «Курсъ Исторіи; исчисленія вопросовъ, которые можно сдѣлать въ случаѣ нужды и старшему классу»... Благодарю васъ, это не нужно.

Учитель. Ай, ай! Вѣрно онъ самъ хочетъ спрашивать!

Советникъ (*въ сторону*). Кажется, меня просятъ экзаменовать учениковъ, это немножко щекотливо. Если-бъ я это предвидѣлъ....

Жирафъ (*кланяясь*). Сдѣлайте милость, не откажите, Г. Советникъ.

Советникъ. Если вы непременно этого хотите, извольте, укажите какого нибудь изъ старшаго класса.

Учитель. Г. Корбо! (*Корбо встаетъ*).

Советникъ. И другаго, изъ младшаго.

Учитель. Встаньте, Г. Жирафъ!

Г. Шамуляръ. Такъ я этого ожидала; видите, какая несправедливость; пебойсь, моего сына не спрашиваютъ.

Учитель. Ну, что-то будетъ?

Советникъ. Курсъ Исторіи. На сколько періодовъ можно раздѣлить Древнюю Исторію?

Корбо. Что-съ? чего-съ? У меня этого нѣтъ!

Учитель. Ну, начинай.... на четыре. (*Жирафъ ему говоритъ, что у него есть въ шляпѣ. Корбо отрицаетъ головою*).

Советникъ. Что же, сударь? вы, кажется, не отвѣчаете?

Корбо. Извините... вы вѣрно хотите спросить: сколько частей свѣта?

Учитель. Да кто у него объ этомъ спрашиваетъ?

Корбо. Ихъ всего четыре: Европа, Азія, Африка и Америка, нныя еще присовокупляютъ пятую, но я этого навѣрно не знаю, это зависитъ отъ вкуса, какъ кто хочет!

Учитель. Ахъ, зарѣзаль, разбойникъ!

Советникъ. Хорошо, садитесь. (*Къ Жирафу*). Скажите намъ, какія въ Европѣ главные горы?

Корбо. Позвольте, позвольте это мое; горы у меня!

Жирафъ (сынъ). Древнюю Исторію можно раздѣлить на четыре періода: первый періодъ отъ сотворенія мира, до времени Кира, т. е. до основанія Персидскаго Государства....

Учитель. А этотъ отвѣчаетъ изъ Исторіи, они перемѣшались отвѣтами.

Советникъ (*Корбо*). Скажите, какъ раздѣляется Новая Исторія.

Учитель. Ну, новая исторія! Это будетъ таже исторія!

Корбо. Да что онъ все не то спрашиваетъ, что у меня написано? Вы хотите сказать какія главные горы въ Европѣ?

Учитель. Ну, пойдеть онъ съ горы на гору!

Корбо (*глядя въ шляпу*). Во-первыхъ, у насъ есть Альпы, Пиренеи; фу, какая пропасть! запутаешься, Ал... Алтайскія Горы....

Советникъ. Оставьте вашу шляпу.

Корбо. Апеннины, Везувій, Гекла, въ Италіи....

Советникъ. Положите вашу шляпу.

Корбо. Не безпокойтесь, она мнѣ не мѣшаетъ; еще Кра... Кри... экія дьявольскія имена.... Кра....

Жирафъ. Вамъ говорятъ, чтобъ вы положили вашу шляпу.

Корбо. Ничего-съ, у меня пасморкъ. Калпакъ, Карпатскія, въ Венгріи.... огнедышащая Этна, въ Ирландіи.

Совѣтникъ. Да оставьте же вашу шляпу.

Вся ученики. Шляпу.... оставь шляпу, слышишь!

Корбо. Убирайтесь къ чорту!... Въ Азіи Давала.... Давалагири.... Гималаи, въ Америкѣ Чимбо.... Чимборазо.... Въ Африкѣ Лушныя.... въ Южной Индіи....

Жирафъ (*беретъ отъ него шляпу*). Развѣ вы не слышите? Оставьте шляпу!

Корбо. Ну, больше ничего нѣтъ?

Учитель. Сейчасъ упаду въ обморокъ!

Совѣтникъ (*къ Жирафу*). Скажите мнѣ, что значитъ собственно Географія?

Жирафъ (*сынъ*). Ихъ было много во-первыхъ Клодіанъ, Шильперикъ.

Учитель. Такъ, я этого ожидалъ!

Жирафъ. Дагобертъ, Генрихъ IV, Карлъ V.

Учитель. Музыку, музыку.

Жирафъ. Постойте, постойте, дайте кончить.

Жирафъ (*сынъ*). Лудовикъ I, Лудовикъ II, Лудовикъ III, Лудовикъ IV, Лудовикъ V, Лудовикъ VI.

Учитель. Довольно, довольно!

Шамуляръ (*стукнувъ сына*). Ты бы такъ не отвѣтилъ, болванъ!

Жирафъ. Каково?

Учитель. Вы довольны.... Боже мой! Совѣтникъ и смотрѣть на меня не хочетъ!

Совѣтникъ (*Корбо*). Когда и кѣмъ была основана Французская Монархія?

Корбо. Французская? Держи карманъ!

Учитель (*субфигурируетъ*). Монархія..

Корбо. Монархія...

Учитель. Была основана.

Корбо. Была основана....

Учитель. Одною колошею?

Корбо. Одной колоною.

Учитель. Франковъ, пришедшихъ поселиться.

Корбо. Франтовъ, пришедшихъ веселиться.

Учитель. Поселиться въ Галліи.... Болванъ!...

Корбо. Въ Галліи болванъ!

Учитель. Они имѣли начальникомъ....

Корбо. Не слышу.

Учитель. Начальникомъ Принца, по имени....

Корбо. Принца, по имени....

Учитель. Фарамона.

Корбо. Парамона?

Учитель. Музыку!

Корбо. Музыку!

Учитель (*падаетъ на стулъ*). Умираю, умираю!

Шарлота. Папенька!

Учитель (*идетъ на авансцену*). Чтѣ онъ подумаетъ?... Осрамили, публично осрамили! онъ сейчасъ меня отставить.

Патро. Не бойтесь, онъ ни слова не слыхалъ и ничего не понялъ.... онъ просто глухой.

Жирафъ, Учитель, Шарлота. Глухой!!

Патро. Да, глухъ какъ тетеревъ, я ему кричалъ до-рогою во все горло, а онъ и ухомъ не повель.

Совѣтникъ. Вамъ кажется сдѣлалось дурно?

Учитель. Нѣтъ-съ, ничего, теперь очень-хорошо!

Совѣтникъ. Юные питомцы просвѣщенія! Я весьма доволенъ вашими успѣхами; старайтесь и впредь точно также. А вы, сударь, примите мое поздравленіе, и будьте

увѣрены, что Комитетъ съ удовольствіемъ услышитъ о вашемъ стараніи. —

Учитель. Благодарю васъ, что вы ничего не слышали. (Жирафу). Нельзя ли на будущей экзаменъ пригласить этого же самого?

Совѣтникъ. Вы непременно получите прибавку.

Всѣ. Да здравствуетъ Г. Совѣтникъ!

Совѣтникъ. Теперь я провозглашу имена увѣчаныхъ лаврами. Старшій классъ — Курсъ Исторіи, Г. Дезире Корбо! (Музыка играетъ маршъ. Корбо подходитъ, на него надъпеваютъ въискъ, онъ цѣлуетъ съ Совѣтникомъ).

Совѣтникъ. Младшій классъ: Курсъ Географіи, Г. Сципіонъ Жирафъ и Фигюре. (Тоже повторяется. Совѣтникъ встаетъ и уходитъ во время хора).

№ 12.

Хоръ.

Благодаримъ душевно васъ,
За эту честь и посвященіе!
Съ такимъ цвѣтлемъ, у насъ
Идетъ далеко просвѣщеніе!

СУПРУГИ-АРЕСТАНТЫ.

(ADOLPHE ET CLARA).

КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Передълагатъ съ Французскаго Н. А. Коровкинымъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Адольфъ Фонтъ-Рюмбергъ, прусскій офицеръ.

Клара, его жена.

Г. Лимбургъ.

Гаспаръ, управитель въ замкѣ Лимбургъ.

Полицейскій.

Курьеръ.

Нѣсколько слугъ, одѣтыхъ солдатами.

Примѣчаніе переводчика. Многіе любители желаютъ имѣть въ репертуарѣ своихъ домашнихъ спектаклей *Адольфа и Клару*. Хотя эта пьеса и была переведена два раза, но первый переводъ, кромѣ устарѣваго языка имѣетъ то неудобство, что онъ сдѣланъ оперой, съ сохраненіемъ всей музыки подлинника, что бываетъ затруднительно при постановкѣ пьесы на домашней сценѣ. Второй переводъ комедіи тоже поустарѣлъ, и я рѣшился вновь перевести «Адольфа и Клару»—водевилемъ, ожививъ дѣйствіе куплетами, которые могутъ быть пѣты на обыкновенные мотивы нашихъ водевилей.

Кн. I. — 5.

Старинный залъ въ замкѣ. На право отъ зрителя окно, въ глубинѣ видны съ обѣихъ сторонъ лѣстницы ведущія наверхъ.

Я В Л Е Н І Е I.

(Лимбургъ, Гаснаръ.)

Лимбургъ (*въ мундирномъ стуртукѣ*). Каково?... мой старый охотничій замокъ, фантазіей министра превращается въ крѣпость, въ государственную тюрьму! Но причина этому такъ хороша и благородна, что я отъ всей души буду стараться исполнить его желаніе... Только вѣдь и ты мнѣ тутъ нуженъ.

Гаснаръ. Во мнѣ-то что́ толку?

Лимбургъ. Ты можешь быть очень-полезенъ. Сегодня утромъ ты проснулся моимъ управителемъ, а въ эту самую минуту, я, данною мнѣ властію, избираю и утверждаю тебя главнымъ тюремщикомъ крѣпости, въ которой я назначенъ коммандантомъ.

Гаснаръ. Ну, сударь, кажется, ни вы, ни я нерождены для этого.

Лимбургъ. Говорятъ тебѣ, что это только шутка, но шутка съ высокой, нравственной цѣлью — исправить молодого мужа и молодую жену.

Гаснаръ. О! такъ рады стараться! Готовъ принять на себя всё званіе, какія угодно.

Лимбургъ. Только помни, что тебѣ нельзя ужъ быть такимъ добрякомъ, какъ прежде; старайся быть грубымъ, сердитымъ, строгимъ....

Гаснаръ. Ради стараться... отчего не быть?—Ну, поприлеволь себя — Да, да!.. вотъ что!.. Стану отварачиваться, чтобъ не выдать ихъ горести и отчаянія, а то вѣдь не выдержать... Отъ насъ вѣдь только и хотятъ, чтобъ мы ихъ помиримъ, такъ и къ чему тутъ большія строгости?..

Лимбургъ. А вотъ сейчасъ все узнаешь. — Слушай письмо министра (*читаетъ*) «Берлинь, такого-то...»

Любезный друг!

«Я часто говорилъ съ тобою о моей молоденькой племянницѣ, Кларѣ, которую я выдалъ за двадцати-двухъ-лѣтняго Адольфа Рюмберга. Они страстно любили другъ друга, и я восхищался ихъ счастьемъ. Потому разсѣянная берлинская жизнь, дурные совѣты, маленькое несходство въ характерахъ, или, просто, ребячество, завели сначала между ними ссоры, а наконецъ совершенно сдѣлали ихъ несчастными. Оба они прибѣгали ко мнѣ съ жалобами: мужъ требуетъ, чтобы жену его заключить въ монастырь; жена тоже не хотѣла жить съ мужемъ, который огорчаетъ ее безпрестанно. Можетъ-быть, въ душѣ никто изъ нихъ не желалъ, чего требовалъ, но они мнѣ надѣли. Совѣты и наставленія мои не помогали, и я притворился, что согласенъ исполнить ихъ желанія, и ввѣривъ ихъ надзору человека благоразумнаго, такого какъ ты, надѣюсь, что они возвратятся къ прежнему счастью. Они отправятся изъ Берлина часомъ позже одинъ другаго, и будутъ къ вамъ 11-го.» Это нынче! «Располагайте ихъ участіемъ и увѣдомляйте меня, могу ли я ожидать успѣха, или долженъ оставить ихъ на собственный произволь.»

Гаснаръ. Вотъ ужъ штука министерская! просто захоають, когда узнають, что скакали скакали, другъ отъ друга, для того, чтобъ съѣхаться вмѣстѣ!

Лимбургъ. Они должны быть очень-скоро; я велѣлъ конюшему стоять на старой башнѣ, и тотчасъ же затрубить, какъ тотько ихъ завидятъ... люди мои будутъ играть роли часовыхъ, сторожей...

Гаснаръ (*смѣясь*). Стало, всѣхъ въ дѣло?

Лимбургъ. Всѣхъ и всѣ, даже и мои пушечки, изъ которыхъ, благодаря Бога, никогда не палили; ну, а теперь и ихъ самолюбіе будетъ удовлетворено. Ты долженъ играть роль человека самага увѣреннаго... то есть, старшаго... въ моемъ кабинетѣ отобраны костюмы, въ которыхъ, помнишь, мы игравали комедіи.

Гаснаръ. Какъ не помнить, да то что?.. Нѣтъ, вотъ теперь кто хорошо разыграетъ — честь и слава тому! (*Слышенъ рожъ*. Слышите... (*смотря въ окно*) такъ и есть: карета мчится во весь духъ...

Лимбургъ. Посмотри, кто это: женщина или мужчина?

Гаспаръ. Должно быть, женщина: сзади большой сундукъ.

Лимбургъ (*смотря въ окно*). Такъ и есть: это ея футляръ съ арфою.

Гаспаръ (*высунувшись въ окно*). Выходить, выходить... Экъ дряни-то, дряни-то съ нею: книги, картины, стекляночки... Я уйду и вступлю въ должность: пойду греить замками, ключами и явлюсь, какъ только г. комендантъ меня изволитъ потребовать.

Лимбургъ. Ступай, ступай!... Надо замѣтить, какое впечатлѣніе сдѣлаетъ на нее это жилище, чтобы сообразить планъ нашихъ дѣйствій.

Но 1.

Лимбургъ.

Чтобъ тайной было все прикрыто,
Держи на привязи языкъ.

Гаспаръ.

Ужъ у меня все шито-крыто,
Не баба я....

Лимбургъ.

Почти старикъ!

Вмѣстѣ.

Ахъ, удалоя намъ когда-бы —

И молодые спасены:

Докажемъ же, что мы не бабы,

Что намъ характеры даны!

Я В Л Е Н І Е П.

КЛАРА (*въ дорожномъ платьѣ, въ шляпкѣ, въ рукахъ ридикюль*). Впереди идетъ Полицейскій, за дверьми двое Часовыхъ).

КЛАРА. Вотъ прекрасно! Оставить меня безъ горничной!... Такъ подайте мнѣ вашего коменданта, я буду съ нимъ говорить... Я думаю, отъ сотворенія міра, не обра-

щались такъ и съ одною женщиной... Если нѣтъ комеданта, позовите сюда плацъ-маіора.

Солдаты. Пошли докладывать.

Клара. (слухи въ это время приносятъ ея сещи и кладутъ въ залъ). Здѣсь, просто, ужасно!... Я-же жалуюсь дядюшкѣ на изверга, на тирана... (слугамъ) Арфу сюда поставьте... (въ сторону) и меня же... (слугамъ) Можно быть поосторожнѣе! Ну, мои ноты... англійскіе романы... (въ сторону) меня же запираютъ въ крѣпость... теперь я просто несчастная! (смотря на картины) Боже мой! перья - то мои, я думаю, всѣ переданы... не знаю, о чемъ думаютъ наши родные... выдать молодую дѣвушку за повѣсу... конечно, миленькаго... но за то съ такимъ характеромъ... съ такимъ поведеніемъ... и хоть бы нашлась тогда одна сострадательная душа, чтобъ посовѣтовать, чтобы сказать мнѣ то, что я повторяю теперь каждую минуту.

№ 2.

Не вѣрьте, милыя созданья,
Бѣгите прочь отъ всѣхъ мужчинъ.
Они готовятъ вамъ страданья,
И васъ не стонетъ ни одинъ,
Да, да, конечно, ни одинъ;

Когда влюбленный увѣряетъ,
Что страстно, истинно влюбленъ,
Что жить не можетъ, умираетъ —
Вы помните, что бредитъ онъ.
Кивнувъ головою, взгляните,
И улынувшись ему,
Поравнодушите скажете:
Вѣдь я не опру ни кому,
Да, да, да, да, ни одному!

А если юнал подруга
Признается въ любви своей,
И скажетъ вамъ: вышла я друга,
Вы, погрозивъ, скажите ей:
Не вѣрьте, милыя созданья,
Бѣгите прочь отъ всѣхъ мужчинъ:
Вашъ другъ готовитъ вамъ страданья
А счастья будетъ ни въ снѣгъ;

И васъ не стоять на одинъ
Да, да, конечно, ни одинъ!

Я В Л Е Н І Е Ш.

Лимбургъ, (въ мундиръ коменданта), Клара и Полицейскій.

Полицейскій (Кларъ) Вотъ г. комендантъ. (Уходитъ).

Лимбургъ. Очень радъ ва ъ видѣть, сударыня; милости просимъ. Я приказалъ, чтобы мнѣ тотчасъ дали знать, какъ вы прїѣдете, но у меня столько дѣла, столько арестантовъ, ввѣренныхъ моему надзору — извините — теперь я къ вашимъ услугамъ.

Клара. Кажется, напротивъ, сударь, я къ вашимъ... и ожидаю...

Лимбургъ. Э, полноте! (приказывая). Отнести всѣ эти вещи въ третью комнату второй башни, что надъ потаенною дверью, въ 107-й Но. (Кларъ) Она очень покойна.

Клара. А какъ-же моя горничная?...

Лимбургъ. О, не беспокойтесь; въ приказѣ сказано: разлучить ее съ вами и отправить обратно въ Берлинъ... Вы, сударыня, замужемъ?

Клара. Къ-несчастью!

Лимбургъ. И, вѣрно, супругъ вашъ молодъ, любезень..!

Клара. Чудовище!

Лимбургъ. Стало быть, вы несчастливы?

Клара. Вы вообразить не можете!

Лимбургъ. Чтѣ, оиъ вѣтрень? Смотря на васъ, трудно этому повѣрить... Игрокъ, шалуиъ?

Клара. Все, только чѣмъ можно быть.

Лимбургъ. Но вѣрно благородень?

Клара. О, да! что касается до... чести, храбръ... оиъ только и дурень съ женою...

Лимбургъ. Развѣ этого мало? Эго не прѣстительно!

Клара. Не правда-ли?

— Лимбургъ. Тѣмъ-болѣе, что если заключить по вашимъ словамъ и по тому, что мнѣ писали, такъ это по его неотступной просьбѣ министръ далъ повелѣніе арестовать васъ.

Клара. Какъ? такъ это онъ? мой мужъ? Ну, онъ, онъ, разумѣется, онъ! Я узнаю его по этому... я его и прежде ненавидѣла, а теперь...

Лимбургъ. Да чего-жъ еще больше? Мнѣ васъ душевно жалю; я начинаю принимать въ васъ истинное участіе; такъ мнѣ сказали неправду, описавъ васъ женщиною вѣтреною... а вы, какъ я вижу, жертва несправедливости.

Клара. Ужъ именно жертва... Что-же дѣлать? надо взять какія-нибудь мѣры... Скажите мнѣ, какъ здѣсь проводить время: я боюсь умереть съ тоски.

Лимбургъ. Мы станемъ стараться, сколько будетъ отъ насъ зависѣть, развлекать васъ: будете ходить гулять.

Клара. Можно гулять?

Лимбургъ. Два раза въ день.

Клара (*указывая на садъ*). Въ саду!

Лимбургъ. Да... то есть, по двору.

Клара. По двору!

Лимбургъ. Да, вдоль и поперекъ, какъ угодно!

Клара. Очень пріятно... Ну, а еще какія есть у васъ удовольствія?

Лимбургъ. Еще?... можно спать... пойти въ свою комнату, читать...

Клара. Какъ? Это все можно? такъ здѣсь прелесть какъ хорошо!

Лимбургъ. Да вѣдь это только съ дамами такъ учтиво обходятся, а то...

Клара (*съ досадою*). Проводите меня, сдѣлайте милость, въ мою комнату.

Лимбургъ (*вышима часы*). Извольте, извольте... Впрочемъ, вы имѣете право пробыть еще четверть часа со мною, если только это вамъ пріятно.

Клара (*съ ироніей*). Конечно... но я боюсь очень завеселиться съ перваго дня, мнѣ надо съ расчетомъ пользоваться удовольствіями...

Лимбурггъ. Какъ вамъ угодно... такъ я сей-часъ позову тюремщика, сторожей и часовыхъ... (*зоветъ знаками солдата*) часовые на постахъ?... Караулъ въ ружьѣ?... Подъемный мостъ, пушки — все исправно?

Клара. Ужъ не для меня ли все это? Къ чему такія церемоніи? а если это для страха, такъ увѣрю васъ... (*съ насмѣшливой учтивостью*) довольно взглянуть на одного изъ вашихъ... чтобъ испугаться.

Лимбурггъ. Благодари, дуракъ... и проводи.

Солдатъ. Покорно благодарю!

(*Слышенъ рогъ*).

Клара. Это чтó значить?

Лимбурггъ. Знакъ, что везутъ арестанта, котораго я ожидаю, и этотъ человекъ достоинъ всякаго сожалѣнія, если правду о немъ пишутъ.

Клара. Какъ его имя?

Лимбурггъ. Онъ самъ вамъ его скажетъ... Иногда вы можете проводить съ нимъ время... Напримеръ, за обѣдомъ: вы будете пить обѣду у коменданта, и если новый арестантъ это заслуживаетъ, я приглашу его къ себѣ сегодня-же вечеромъ.

Клара. Сегодня вечеромъ? Но какъ-же я покажусь ему?... Я такъ въ дорогѣ устала; мое лицо должно быть...

Лимбурггъ. Оно прекрасно! (*усмѣхался*) Къ тому-же, здѣсь... нельзя желать правиться.

Клара. О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!... Клянусь вамъ... Я всѣхъ мужчинъ ненавижу.. (*весело*) Дя зачѣмъ же пугать собою... Я думаю, что переменя платье и шляпку...

Лимбурггъ (*также*). Да, шляпку другую, можно!

Клара. У меня есть чудесная. Въ которомъ часу у васъ ужинають?

Лимбурггъ. Часа черезъ два.

Клара. О, такъ еще успѣю одѣться.

Лимбурггъ. Въ два часа, разумеется.

Клара. А кто жъ меня одѣнетъ?

Лимбурггъ (*кличетъ*). Часовой!

Клара. Какъ часовой?

Лимбурггъ (*сурово*). Позвать женщину, которая назна-

чена служить имъ... (*Клара*) Вы будете ею довольны; будьте увѣрены, что я обо всемъ забочусь.

Клара. Да вы прелюбезнѣйшій человекъ: вы приняли такое участіе въ моемъ положеніи... Я бѣгу одѣваться — Прощайте, г. комендантъ. (*Подойдя къ льстнице*) Неужто сюда?

Лимбургъ. Да-съ.

Клара. Ужасная льстница: мнѣ никогда не взойти по ней...

Лимбургъ. Другаго хода нѣтъ въ вашу комнату.

Клара. Нѣтъ! ну, нечего дѣлать! (*насмѣливо*) Если у васъ здѣсь и во всемъ такія удобства, вы можете похвастать, г. комендантъ... (*присѣдал*) Прощайте, г. комендантъ!

(*Уходитъ*).

Я В Л Е Н І Е IV.

Лимбургъ, потомъ Гаспаръ (*въ платьѣ тюремщика*).

Лимбургъ. Экая вѣтреная голова!... Чтѣ-жъ тутъ удивительнаго, что ее муженекъ...

Гаспаръ (*держая его за рукавъ*). Хорошъ-ли?

Лимбургъ. То-есть такъ хорошъ, что превзошелъ всѣ мои ожиданія; ты, просто, братецъ, отвратителенъ.

Гаспаръ. О! о!... льстите — къ чему-же... А конечно, я самъ чувствую, что я, должно-быть, могу пугать людей... Замѣьте, что я еще молчу пока — боюсь прежде времени охрипнуть... Найти бы только мнѣ кличку...

Лимбургъ. Да, и надо, чтобъ имя твое соответствовало наружности (*прискивал*). Гакъ-тингъ-тиръ-кофъ, на-примѣръ.

Гаспаръ. Позвольте позвольте: Гакъ-тингъ-тиръ-кофъ? Заучу непременно.... Привезли и супруга, и прямо на гауптвахту, то есть, къ садовнику.... Чтѣ за красавецъ! вотъ ужъ парочка, только бы жить имъ да поживать, жалъ ихъ и разсадить-то. (*Шепчетъ*.) Гакъ-тингъ-тиръ....

Лимбургъ. Такъ я бѣгу и приведу его сюда. (Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е V.

Гаспаръ (одиночъ твердитъ про себя.) Гакъ-тингъ-тирѣ-кофѣ.... Гакъ-тингъ-тирѣ-кофѣ.... Гакъ-тингъ-тирѣ-кофѣ.... Ха, ха, ха! Вотъ ужъ позабавлюсь.... Гакъ-тингъ-тирѣ-кофѣ.... Гакъ-тингъ-тирѣ-кофѣ.... Главное дѣло не робѣть и помнить кто я такой: Гакъ-тингъ-тирѣ-кофѣ.... Вотъ и комендантъ съ арестантомъ.... Кажется, по правилу, тюремщикъ не долженъ показываться, пока его не потребуютъ.... Гакъ-тингъ-тирѣ-кофѣ. (Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е VI.

Адольфъ, Лимбургъ.

Адольфъ. Я увѣренъ, что это какая нибудь ошибка... Сходство въ имени, и вы сами увидите....

Лимбургъ. Въ повелѣніи очень четко написано: Адольфъ Рюмбергъ. Да и вспомните-ка хорошенько, вѣрно есть что нибудь.... должны, наиримѣръ....

Адольфъ. Долги — много было, да я всё заплатилъ.

Лимбургъ. Не было ли дуэля?

Адольфъ. Десять.... въ нашемъ званіи... но всё они кончились очень счастливо.

Лимбургъ. Ну, вѣрно, какой-нибудь старый родственникъ....

Адольфъ. Недавно схоронилъ послѣдняго.... У моей жены, правда, есть дядя, почтенный, всѣми уважаемый министръ.... развѣ онъ?... Да, нѣтъ, невозможно. Я самъ всегда повѣрялъ ему свои горести.... онъ всегда сожалѣлъ меня, и даже обѣщала дать повелѣніе, чтобы мою дрожайшую половину....

Лимбургъ. А, вы женаты?

Адольфъ. Къ-несчастью!

Лимбургъ. И не уживаетесь?

Адольфъ. Попробуйте сами.

Лимбургъ. Вѣдь она не такъ хороша собою?

Адольфъ. Первая красавица въ Берлинѣ.... не знаю самъ, для чего насъ женили.... одно—мы любили другъ друга.... даже больше нежели любил.... шесть мѣсяцевъ.... это должно было-бы продолжаться всю жизнь, но скоро я увидѣлъ характеръ....

Лимбургъ. Гордый!... Суровый?...

Адольфъ. Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ; если хотите, у нея очень миленькій характеръ.... но такія странности, вздоры.... и правъ....

Лимбургъ. А, несговорчивый, капризный!

Адольфъ. Нѣтъ, нѣтъ.... совсѣмъ не то.... а вспыльчива, вздорлива.... напримѣръ, когда я говорю ей дѣло....

Лимбургъ. А это случается?

Адольфъ (удивленный). Иногда.... Чему-же вы смѣетесь?... Она рѣшительно меня не любила, ни въ чемъ не слушалась и во всемъ противорѣчила.. безпрестанно ѣздилла по баламъ, вечерамъ, занималась одними нарядами, иногда весь день нигдѣ ея не отыщешь.... Если я заговорю съ хорошенькою женщиной — бранится, похваляю хорошенькую — пачетъ ворчать.... а сама съ удовольствіемъ слушаетъ молодыхъ вѣтренниковъ... наконецъ, вы не повѣрите, она завела свою особую половинку.... особую, понимаете, и съ тѣхъ поръ ни.... (шепчетъ ему на ухо) честью вамъ говорю.

Лимбургъ. Послѣ этого и жалѣть нечего такой женщины.... Она, какъ я вижу, и зла, и кокетка, и....

Адольфъ. Не правда, не правда.... Зачѣмъ же ее такъ.... Нѣтъ, она всегда вела себя....

Лимбургъ. А!... ну, это дѣло другое.... Но все же съ такою женщиной жить вамъ нельзя; стало, вы теперь должны быть очень-довольны, что разстались.

Адольфъ. Разумѣется.... (смѣясь) только гораздо лучше было-бы ее привезти сюда, вмѣсто меня.

Лимбургъ. Будьте покойны: я напишу министру и докажу ему....

Адольфъ. Обяжете!

Лимбургъ. Я даже и надѣюсь этого, что ее привезутъ сюда на ваше мѣсто.

Адольфъ. Вотъ было-бы дѣльно!

Лимбургъ. А пока вы можете пользоваться полною свободой.... У насъ прекрасный садъ.... свѣжая зелень.... есть даже и общество.... между прочимъ премолоденькая, премилая дама, которую привезли передъ вами.

Адольфъ. И хорошенькая?

Лимбургъ. Добрая такая, съ прекрасными чувствами!

Адольфъ. Да это чудесно!... Бѣдняжка, вѣрно уѣхала отъ ревниваго мужа....

Лимбургъ. Да, что-то въ этомъ родѣ.... Вы можете ее видѣть, если хотите.... Она сейчасъ сюда выйдетъ....

Адольфъ. Сейчасъ?... Неужели?... Миѣ будетъ очень пріятно съ нею познакомиться.

Лимбургъ. Я надѣюсь, что вы себѣ ничего не позволите такого.... да, правда, до того ли вамъ: вы такъ несчастны и благоразумны!

Адольфъ. Даже не по лѣтамъ.... (Нетерпѣливо.) Что-жъ она нейдетъ, не то, чтобы я ужъ очень хотѣлъ ее видѣть, а все таки....

Лимбургъ. Это и видно... однако миѣ пора... такъ если она придетъ сюда, ужъ вы, пожалуйста, займите ее.

Адольфъ. Будьте покойны!... (Лимбургъ уходитъ).

Я В Л Е Н И Е VII.

Адольфъ (одинъ).

Молоденькая женщина... Я чувствую удивительную охоту поволочиться.... или это арестъ производитъ такое расположение.... только я способенъ.... чрезвычайно способенъ, да просто влюблюсь.... романъ, романъ ...

Но 3.

Ну, какъ не согласиться въ томъ,

Что въ жизни, при судьбѣ жестокой,

Неволя съ женщиной вдвоемъ
 Милѣй свободы одинокой.
 Романъ начертанъ въ головѣ,
 И я увѣренъ, въ этой сказкѣ,
 Что въ самой первой же главѣ
 Начало поведетъ къ развязкѣ.

(*Осматривался*).

Да, это шорохъ женскаго платья.... Странно, какъ шорохъ этотъ приятенъ. (*Подходитъ къ лѣстницѣ*.) Оборотилась.... небольшого роста.... но талія прехорошенькая.... вѣрно, что-нибудь приказываетъ: подняла рученку.... какая бѣленькая, пухленькая.... я такъ тронуть ея несчастиемъ.... Что-жь она такъ долго?... А, идетъ, идетъ....

Я В Л Е Н І Е VIII.

Адольтъ и Клара.

Клара (*входя*). Посмотрю.... и если этотъ арестантъ.... (*Увидя его*.) Ахъ!...

Адольтъ. Возможно ли?

Клара. Опъ!

Адольтъ. Она!

Клара. Какъ, это вы?...

Адольтъ. Ну, да, я, сударыня.

Клара. Вы, конечно, пріѣхали сюда полюбоваться моею горестью.... увеличить ее....

Адольтъ. Нѣтъ-съ, я арестованъ, и....

Клара (*радостно*). Арестованы?... ахъ, расскажите пожалуйста!...

Адольтъ. По секретному повелѣнію....

Клара. Стало, также какъ и я?...

Адольтъ (*недовольный*). Только я бы желалъ знать, кому я этимъ обязанъ.

Клара (*очень-серіозно*). А! я сейчасъ скажу вамъ.... Вы обязаны этимъ.... мнѣ, сударь. (*Смѣется и присѣдаетъ*).

Адольтъ. Вамъ?... Позвольте благодарить васъ. (*Раскланивается*).

Клара (*приспѣдал*). Не за чтѣ, (*Сердито*). Чтѣ касает- ся до меня, я не имѣю надобности спрашивать, кому я обязана своимъ положеніемъ....

Адольфъ. Мнѣ, сударыня!...

Клара (*обидчиво*). Позвольте благодарить васъ....

Адольфъ. Не за чтѣ! я хотѣлъ вамъ сдѣлать пріят- ный сюрпризъ....

Клара. Вы смѣетесь? Но знаете ли вы, что это посту- покъ низкій.

Адольфъ. Вы говорите о своемъ?

Клара. И я такъ сердита.... Я вовсе не шучу, сударь, и чтобы доказать вамъ, я откровенно скажу, что луч- шимъ утѣшеніемъ въ моемъ несчастіи было....

Адольфъ (*скоро*). Не быть со мною?

Клара. Извините, что да, но вѣдь мы здѣсь не для комплиментовъ...

Адольфъ. Сдѣлайте милость, не церемоньтесь.... я уга- далъ и передалъ ваши мысли комсиданту, только что прі- ѣхалъ.... по-крайней-мѣрѣ, сказалъ я ему, я буду здѣсь спокоенъ: я ея не увижу!...

Клара. Словомъ, вы прекрасно меня отрекомендовали....

Адольфъ. Въ разлукѣ съ тѣми, кого любимъ, един- ственное утѣшеніе говорить о нихъ.

Клара. Я это испытала.... когда сказала ему о васъ.... сказала хорошее....

Адольфъ. Ну-съ, освободясь отсюда, вы скоро надѣ- тесь видѣть красавца, полковника?

Клара. А вы, красавицу баронессу?

Адольфъ. Какъ только буду свободенъ.

Клара. Полковника.... я буду принимать каждый день.

Адольфъ. Вашъ.... просто глупецъ....

Клара. Ваша.... просто грубіянка.

Адольфъ. Я ужасно люблю грубіянокъ.

Клара. Я обожаю глупцовъ.

Адольфъ (*въ сторону*). Есть-ли возможность жить съ этой женщиной?

Клара. Онъ также несносенъ, какъ и въ Берлинѣ!

Адольфъ (*громко*). И эта горничная, которую я терпеть не могу.

Клара. Прелестная дѣвушка, я никогда ее не оставлю.... А ваша охота.... ваши двадцать-четыре лошади....

Адольфъ. Такъ будетъ же сорокъ четыре....

Клара (*съ стороны*). Онъ, просто, противный...

Адольфъ (*съ стороны*). Вздорлива, сварлива до.... оставить ее....

Клара. Уйги лучше....

Я В Л Е Н І Е IX.

Тъ же и Гаспаръ.

Гаспаръ (*загораживая дорогу*). Куда, куда? (*Протяжно*). Куда?

Клара. Ахъ, какой страшный! Неужто же и къ себѣ нельзя пойти?

Гаспаръ. Часъ не тотъ!... и—къ себѣ нельзя....

Адольфъ. Но г. тюремщикъ.... я думаю, что я всегда имѣю право....

Гаспаръ. Не выходить отсюда, и не выйдете до г. коменданта.

Клара (*плачетъ съ досады*). Ужъ это просто жестокости.... Тиранство!.. не позволять....

Адольфъ. Ну, полно, я увѣренъ, что ты вовсе не такъ строгъ, какъ кажешься.

Гаспаръ (*съ стороны*). Подумаешь, что онъ меня знаетъ.

Адольфъ. И ты мнѣ позволишь воротиться. (*Вышима кошелекъ*).

Гаспаръ. Неумолимъ!

Клара (*ласково*). Я буду просить тебя до тѣхъ поръ, пока ты позволишь.

Гаспаръ. Неумолимъ!

Адольфъ. Стало, съ тобою нечего дѣлать?

Гаспаръ. Слушаться и ненавидѣть меня, если это доставляетъ вамъ удовольствіе.

— Адольфъ. Благодарю за позволеніе, и не примину имъ воспользоваться.

— ГАСПАРЪ. Сдѣлайте милость.

Адольфъ. Г. тюремщикъ!

ГАСПАРЪ. Не отвѣчаю, ни слова не скажу больше.

КЛАРА. Мы не будемъ въ проигрышъ.

— Адольфъ. Послушай.

ГАСПАРЪ. Чего-съ.... то есть.... Нѣтъ, не отвѣчаю и возвращаюсь къ своему посту.

Адольфъ. Лучшая вещь, какую онъ только можетъ выдумать.... Несносная фигура....

Я В Л Е Н І Е X.

Адольфъ и Клара.

Адольфъ. Очень пріятно! хочешь—не хочешь, должны-быть вмѣстѣ....

КЛАРА. Вамъ досадно? (*смѣясь*). И это ужъ меня утѣшаетъ.

Адольфъ. Каковъ характерецъ!

КЛАРА (*дразня Гаспара, говоритъ грубымъ его голо-сомъ*). Не отвѣчаю!

Адольфъ. Если возможность все это вынести?

КЛАРА (*также*). И возвращаюсь къ своему посту. (*Идетъ къ своей арфѣ, на другой конецъ комнаты*).

Адольфъ (*на другомъ концѣ*). По-счастію, со мною есть книга.

КЛАРА (*отворяя футляръ*). Вотъ прекрасный случай сдѣлаться человѣкомъ ученымъ: вы еще молоды, и мно-гому-бы еще надобно поучиться.

Адольфъ. Ужъ конечно не вамъ быть моимъ учите-лемъ!

КЛАРА. Почему-же? И если бы только я захотѣла взять на себя трудъ.... (*смѣясь*). Вотъ хорошо, я ключъ-то потеряла!

— Адольфъ. Я удивляюсь, какъ-съ вашей головой, вы всего не растеряли!

— Кларк! Ну, ужь о головѣ-то, пожалуйста, не говорите. Вѣрно у васъ не лучше моей. Ахъ! вотъ новый романсъ, совсѣмъ новый. (Въ сторону). Будто не слышитъ!.. Пустяки, слышитъ! (Вслухъ). Романсъ, который пѣла женщина, огорченная своимъ мужемъ.... (въ сторону) искося на меня поглядываетъ.... (вслухъ) мужемъ, безпрестанно ей.... (въ сторону) поднимаетъ голову.... (вслухъ) безпрестанно ей досаждающимъ.... (въ сторону) ногой топнуть..

No 4.

Романсъ.

Я предалась ему душою,
И полнымъ счастьемъ жила,
Но счастье было все мечтою —
Я имъ обманута была.
Въ васъ нашихъ чувствъ нѣтъ полонны,
Вы только любите себя,
Безчеловѣчные мужины!
Безчеловѣчные мужья!
Всѣ ваши клятвы только блестки,
Не стоятъ ровно ничего —
Не говорю ужъ нашей слезки —
Не стоятъ вздоха одного!

Вотъ ужъ истина! (Говоритъ). Служаетъ — не перевернуть ни листочка!

No 5.

Жена любить ихъ, и къ тому же
Терпѣть, молчать всегда должна,
А почему — спроси у мужа?
«Да потому, что ты жена!»

Разсудительно.

Советъ жены для мужа шутка
Не ей, а мужу разсуждать....
(Улыбаясь).

Да жаль, что у мужей разсудка
Не могутъ жены отыскать.

— Адольфъ (обиженный, не сводя глазъ съ книги)
Вы увидите, что нѣтъ ни одного мужа....

КЛАРА. Ни одного таки, ни одного; я никого не включаю...

АДОЛЬФЪ. Какъ благородно!

КЛАРА. И справедливо!

АДОЛЬФЪ. Лучше читать.

КЛАРА. Лучше пѣть.... (Серіозно). Боже мой! если я его обидѣла—надо это поправить.

Но 6.

(Поетъ).

Съ такимъ, какъ мы, созданьемъ робкимъ
Мужчины властвуйте однимъ:
Предъ сердцемъ страстнымъ, нѣжнымъ, кроткимъ,
Повѣрьте мы не устоимъ.
Одна любовь всему основа.

(Подходитъ къ нему ближе; Адольфъ поворачиваетъ нѣсколько голову на ея сторону).

Ну, прикажите, и сейчасъ,
Я сдѣлать все для васъ готова....

(Адольфъ поднимаетъ на нее глаза, она, перемывишь тонъ).

И все, все, все — напротивъ васъ.

АДОЛЬФЪ (съ стороны). Пѣть, это ужъ черезъ-чуръ....
(Вслухъ). Сударыня.... такъ пѣть-же, ничего-съ!... (Въ сторону). Вотъ еще, показать ей, что я обижаюсь....

КЛАРА. Мнѣ показалось, что вы меня звали....

АДОЛЬФЪ. Неправда-съ.... я.... и недумалъ, я читаю.... я замѣтилъ только, что вы перестали пѣть.

КЛАРА (Улыбаясь самодовольно). А, это доставляетъ вамъ....

АДОЛЬФЪ. Надежду, что я буду читать гораздо спокойнѣе. (Принужденно переворачиваетъ листы книги, не читая).

КЛАРА. Очень-учтиво!

АДОЛЬФЪ. Очень.... очень!... Наконецъ я хотѣлъ-бы знать, я сударыня, какими средствами вы изволяли выхлопотать мой арестъ?

Клара. Я въ свою очередь желала бы знать, какое средство было употреблено съ вашей стороны?

Адольфъ. Очень-простое: я отправился къ дядюшкѣ....

Клара. И я тоже была у него....

Адольфъ. Мы такъ далеко сидимъ другъ отъ друга, что кричать надобно.

Клара. Такъ подвиньтесь.

Адольфъ. Вы правы.... такъ вы говорите, что....

Клара. А! вы опять отпустили свои волосы....

Адольфъ. Да; какъ вы находите: идти это ко мнѣ?

Клара. И очень!

Адольфъ. Эта шляпка къ вамъ чрезвычайно пристала... прелесть!

Клара. Въ самомъ дѣлѣ? Такъ и вы были у дядюшки.... Ну, и сказали ему про меня?

Адольфъ. Ужасно много дурнаго.

Клара. Чего вовсе не чувствовали?

Адольфъ. Извините, я никогда не говорю чего нечувствую.... Ну, а вы что про меня говорили?...

Клара. Про васъ?... Ну, что вы человѣкъ ужасный, что составляете несчастіе всей моей жизни....

Адольфъ. Немножко прибавили.

Клара. Напротивъ; видите, я также какъ и вы откровенна; я даже увѣрила его — я въ этотъ день была ужасно зла на васъ — увѣрила, что я начинаю къ вамъ чувствовать ненависть.

Адольфъ. Ненавидѣть? Ого!.... Сильно немножко!.. Нѣтъ, я доходилъ только до антипатіи.

Клара. И она еще не прошла?

Адольфъ. Вотъ это-то и хорошо, что не прошла.

Клара. Прощайте, сударь....

Адольфъ. Мое почтеніе!... Со всѣмъ этимъ, мы осуждены видѣться каждый день....

Клара. Да! что дѣлать.

Адольфъ. И это можетъ продолжиться?

Клара. Всю жизнь!

Адольфъ. А если мы станемъ ссориться?...

КЛАРА. Ни къ чему не послужить: участь наша будетъ еще скучнѣе.

АДОЛЬФЪ. Да, это точно... такъ можно жить политически.

КЛАРА. Политически? можно.

АДОЛЬФЪ. Будемъ видѣться....

КЛАРА. Изрѣдка...за обѣдомъ.

АДОЛЬФЪ. На гуляньѣ....

КЛАРА. Да, пожалуй и на гуляньѣ — и только никакъ не больше... здравствуйте, су.. прощайте, сударь.

АДОЛЬФЪ. Конечно.... Ну, а если вы сдѣлаетесь нездоровы....

КЛАРА. Ахъ, да.... если съ вами что-нибудь случится....

АДОЛЬФЪ. Тогда?

КЛАРА. Тогда....

АДОЛЬФЪ. Ну, тогда сближаются....

КЛАРА. И не разлучаются....

АДОЛЬФЪ. Рассказываютъ свои страданія.

КЛАРА. И утѣшаютъ другъ друга.... Ну, и больше ничего, остановимся на этомъ.

АДОЛЬФЪ. Извольте, извольте.... а жаль, право — впрочемъ нельзяже заставить насильно любить себя.

КЛАРА. Конечно.... И такъ, сударь....

АДОЛЬФЪ. И такъ, сударыня....

ДУО.

Но 7.

АДОЛЬФЪ.

Жить не любя.

КЛАРА.

Жить не любя.

АДОЛЬФЪ.

Я поклялся.

КЛАРА.

Клянусь и я.

Вмѣствъ.

Жить не любя, жить не любя!

АДОЛЬФЪ.

Но только вѣчно уваженъе....

КЛАРА.

Ну, иногда и угожденье....

АДОЛЬФЪ.

Довѣренность должна ли быть?

КЛАРА.

Другъ друга только не любить.

АДОЛЬФЪ.

Подъ часъ не грѣхъ и приласкаться,

О томъ, о семъ поговорить....

А иногда—поцѣловаться?

КЛАРА (*подумавъ*).

Другъ друга только не любить.

(*Онъ хочетъ ее поцѣловать*).

КЛАРА.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

АДОЛЬФЪ.

Изъ уваженья,

И ручку только.... какъ нибудь?...

КЛАРА.

Ну, такъ и быть, изъ угожденья.

(*Адольфъ цѣлуетъ*)

Тихонько, чуть, чуть....

АДОЛЬФЪ.

Чуть, чуть, чуть.

А такъ, хоть изрѣдка, да въ губки?

КЛАРА (*сердито*).

Еще что?...

АДОЛЬФЪ.

Тамъ, когда-нибудь....

Вѣдь безъ любви, а такъ, для шутки....

КЛАРА.

Для шутки.... только.... чуть....

АДОЛЬФЪ.

Чуть, чуть!

(*Адольфъ едва успѣваетъ ее легко поцѣловать, Клара увертывается*).

Жить не любя.

КЛАРА.

Жить не любя.

АДОЛЬФЪ.

Я поклялся.

КЛАРА.

Клянусь и я!

ОБА.

Жить не любя! Жить не любя!

АДОЛЬФЪ.

Съ тобой я скуку забываю.

КЛАРА (обида).
АДОЛЬФЪ.

Съ тобой, прошу, и что за ты?

Привычка....

КЛАРА.

Да, ну, я прощаю....

Впередъ... (грозя).

АДОЛЬФЪ.

Всегда ужъ будетъ вы.

КЛАРА.

Тебѣ дай волю только, знаю....

АДОЛЬФЪ (также).

Тебѣ? прошу, и что за ты?

КЛАРА.

Привычка....

АДОЛЬФЪ.

Да, и я прощаю.

Впередъ... (грозя).

КЛАРА (присѣдая).

Всегда ужъ будетъ вы.

АДОЛЬФЪ.

Сейчасъ же я примусь учиться,
Чтобъ никогда, никакъ не сбѣгся
Не вы, а ты?

КЛАРА.

Не ты, а вы.

АДОЛЬФЪ.

Да, да, не вы?

КЛАРА.

Не ты.

АДОЛЬФЪ. А! Королю не хороше
...ошофоз аз, ошофоз аз! Не ты!...

Жить не любя.

КЛАРА.

Жить не любя.

АДОЛЬФЪ.

Я поклялся.

КЛАРА.

Клянусь я.

Вмѣстѣ.

Жить не любя! Жить не любя!

АДОЛЬФЪ. Послушай, милая Клара, объяснимся хороше
шенько, впередъ...

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Лимбургъ (вдали).

Лимбургъ (входитъ въ ту минуту, когда Адольфъ
стоитъ, схвативъ талію Клары). Я къ вамъ!... А! гмъ!
Странное обращеніе людей, которые прежде никогда не
встрѣчались...

КЛАРА. Скажите лучше, сударь, странное приключеніе.
Это мой мужъ!...

АДОЛЬФЪ. А это моя жена!

ЛИМБУРГЪ. Э! полноте шутить.... такая шутка не
кстати, особливо въ такомъ мѣстѣ, гдѣ благопристой-
ность....

КАРА. Да когда это сущая правда.

ЛИМБУРГЪ. Вы еще хотите увѣрить меня: право, не
хорошо, не хорошо! Я бы никакъ не повѣрилъ, чтобы
особа, которую я такъ уважаю.... Вы, вѣрно, забыли, что
говорили о своемъ мужѣ. По портрету, который вы мнѣ
описали, я никакъ не могу признать его въ такомъ ми-
ломъ, любезномъ, благородномъ молодомъ человѣкѣ. Не

хорошо, не хорошо! А какъ вы описывали свою жену, такъ можетъ-ли быть, чтобы.... Э! не хорошо, не хорошо!...

КЛАРА. Что-жь мнѣ дѣлать, если это точно оны?

АДОЛЬФЪ. Клянусь же вамъ, что жена!

ЛИМБУРГЪ. Да нѣтъ же, нѣтъ, не повѣрю: я понимаю, что это такое.... вообразили, что я такъ легковѣренъ.... нѣтъ, сударь, нѣтъ, сударыня, нѣтъ, нѣтъ!... Я этого не хочу и слышать, и никогда не позволю, чтобы въ такомъ почтенномъ мѣстѣ....

АДОЛЬФЪ. Да выслушайте!

ЛИМБУРГЪ. Ничего не хочу слышать.

КЛАРА. Сперва узнайте.

ЛИМБУРГЪ. Все знаю!

КЛАРА (*тихо*). Вотъ ужь прѣя ой...

АДОЛЬФЪ (*въ сторону*). Дичь несеть, ну, пусть его вздоръ мелеть.

Но 8.

ЛИМБУРГЪ.

Извѣстно буди вамъ сайинь,
Что въ заикъ, гдѣ я комендантомъ,
Есть мѣсто только лишь однимъ
Послушнымъ, скромнымъ арестантамъ.

АДОЛЬФЪ.

Откинувъ похвалы и лесть

(*Указывая на Клару*)

Вы удивитесь арестанту.
Конечно принесть оны честь,
И господину коменданту.

ЛИМБУРГЪ.

Здѣсь наблюдается престрого

За тѣмъ, чтобъ тайно не болтать,

А вслухъ, и то не очень много...

АДОЛЬФЪ и КЛАРА (*про себя*).

А больше на ухо шептать.

ЛИМБУРГЪ.

Поутру можете быть вмѣстѣ,
А ввечеру... и безъ огня
На ключъ запрутъ...

АДОЛЬФЪ И КЛАРА.

И тоже вмѣстѣ?

ЛИМБУРГЪ.

Нѣтъ, порознь, милые друзья!

*(Адольтъ и Клара подаютъ свади другъ другу руки,
Адольтъ цѣлуетъ руку Клары, Клара отвѣчаетъ ему
пожатіемъ).*

АДОЛЬФЪ И КЛАРА.

Вотъ это лишняя статья!

ЛИМБУРГЪ.

И такъ прошу, моя красотка,
Вести себя какъ панъ велятъ;
Я все узнаю: здѣсь рѣшотка
И стѣны даже говорятъ.

АДОЛЬФЪ И КЛАРА *(съ стороны)*.

Учите вѣрно говорить!

ЛИМБУРГЪ *(усидя, что Адольтъ
хочетъ поцѣловать
Клару, вскрикиваетъ)*.

Что вижу я! О, поношенье!
Да видно онъ, пріятель, франтъ!
Такое сдѣлать преступленье
И въ замкѣ, гдѣ я комендантъ!

Я В Л Е Н І Е XII.

ТѢ ЖЕ И ГАСПАРЬ *(съ своей алебардой)*.

ЛИМБУРГЪ.

Сю минуту разлучите.
Приказъ немедля исполнять!

АДОЛЬФЪ и КЛАРА.

Да где же видано, скажите,
Жену у мужа отнимать?

ЛИМБУРГЪ.

Вотъ имъ оказывай услуги....

ГАСПАРЪ.

Скаж те, что за суета?

ЛИМБУРГЪ (*указывая на нихъ*).
Любовинки, а не супруги!

АДОЛЬФЪ и КЛАРА.

А вы живая клевета!

ЛИМБУРГЪ.

А? какова лхая пара?

АДОЛЬФЪ.

Поймите-же: я ей супругъ...
Прощай, дружокъ милый, Клара!.

КЛАРА (*сквозь слезы*).

Прощай, Адольфъ, прощай, мой другъ!

АДОЛЬФЪ.

Тебя я выче же увижу.

КЛАРА.

Тебъ сейчасъ я напишу.

АДОЛЬФЪ и КЛАРА (*Лимбургу*).

А васъ я просто ненавижу.

ЛИМБУРГЪ (*приказывая*).

Прошу покорно, я сплчу!

ГАСПАРЪ (*тронутый, со слезами*).

Точь-въ-точь два голубя воркуютъ,
Ужь я бы ихъ не разлучалъ....

ЛИМБУРГЪ (*Гаспару*).

Все шутка, вѣдь тебѣ толкуютъ,

Я самъ бы ихъ расцѣловалъ.

(Строго).

Сейчасъ извольте, не то силой....

АДОЛЬФЪ и КЛАРА.

Должны мы быть разлучены,

Не забывай меня, другъ милый!

ЛИМБУРГЪ (въ восторгъ, въ сторону).

Они другъ въ друга полюбены!

(Адоल्фа и Клару уводятъ. Они прощаются издали знаками и посылаютъ поцѣлуи).

АДОЛЬФЪ и КЛАРА.

Любить тебя клянуся вѣчно!

ЛИМБУРГЪ.

По разнымъ башнямъ развести.

АДОЛЬФЪ.

Жестокій!

КЛАРА.

Злой!

Вмѣстѣ.

Безчеловѣчный!

АДОЛЬФЪ (посылая поцѣлуй).

Прости!

КЛАРА (тоже).

Прости!

АДОЛЬФЪ (тоже).

Прости!

КЛАРА (тоже).

Прости!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ГАСПАРЬ и ЛИМБУРГЪ.

ЛИМБУРГЪ. Ну, что, Гаспарь?

Гаспаръ (плачетъ). А что, сударь?

Лимбургъ. Слышала ты ихъ?

Гаспаръ. Съ превеликимъ удовольствіемъ.

Лимбургъ. Вотъ человѣческое-то сердце....

Гаспаръ. На долго-ли только это?

Лимбургъ. Это-то и надо узнать.... Я приготовилъ одно испытаніе, которое должно убѣдить меня: истинны ли это чувства.... Они оба добры и нѣжны.... Голова была виновата, такъ я атакую сердце и увижу, будетъ-ли оно меня слушаться.... Я увѣренъ, что Клара скоро будетъ подговаривать....

Гаспаръ. Просто сказать, соблазнять меня.... и давеча, какъ она взглянула, да почала просить.... глазенки-то такіе, да голосокъ-то такой... Ну, какъ тутъ откажешь.... Да не будь я, другой бы не устоялъ.

Лимбургъ. Ну, ужъ я позволяю тебѣ соблазняться, только чтобъ это не вредило моему плану....

Гаспаръ. И г. Адольфъ, вѣрно, также начнетъ меня ловить на удочку, то есть на кошелекъ.... онъ и давеча, какъ вытасилъ такой кошелечекъ хорошенькій, аккуратненькій такой.... Ну, какъ тутъ откажешь? Да не будь я, другой бы не устоялъ. Съ одной стороны черные глазки, съ другой красненькій кошелечекъ.... Она такая полненькая, кошелечекъ тоже такой толстенный....

Лимбургъ. Ахъ ты, старый, этакой!

Гаспаръ. Человѣкъ бо есть.... а это такія двѣ вещицы....

Но 9.

И духу отказать не станеть,
Увидишь хоть издадека,
Къ однимъ сердечко такъ и тянеть
Къ другому тянется рука.

ЛИМБУРГЪ.

Которыя жъ сильнѣе ласки?

ГАСПАРЪ.

Отвѣтъ на это недалекъ:

Да, въ молодые годы, глазки,

А въ наши съ вами — кошелекъ!

Лимбургъ. Ахъ, ты старый!...

Гаспаръ (*вслушиваясь*). Позвольте-ка. (*Тихо*) Такъ и есть, она вотъ у этой двери.... не смѣть, бѣдзяжка, войти.... зоветь меня.... дрожить-то какъ....

Лимбургъ (*тихо*). Я уйду. (*Вслухъ, строгимъ голосомъ*). Слышишь же, Гакъ-тингъ-тиръ-кофъ, не допускать никакого сообщенія между арестантами, ни какого.... Смотри-же!

Я В Л Е Н І Е XIV.

Гаспаръ и Клара.

Клара (*слыша послѣднія слова Лимбурга*). Варваръ! (*Гаспару*). Я таки нашла средство выйти изъ своей комнаты.

Гаспаръ (*въ сторону*). Не мудрено: дверь нарочно оставили незапертою.

Клара. Г. тюремщикъ! Сдѣлайте милость, не откажите мнѣ.... вотъ кольцо....

Гаспаръ. Кольцо?

Клара. Конечно, это очень-слабый знакъ моей благодарности; но, послушайте, другъ мой, вы мнѣ можете оказать большую услугу.... Этотъ молодой человекъ.... онъ очень-жалокъ, и я увѣряю васъ, что онъ достоинъ всякаго участія.... Ему непременно надо.... видите-ли, я вамъ буду очень-обязана.... Отдайте ему это письмо.

Гаспаръ. Письмо?

Клара. Маленькая записочка и даже незапечатанная.

Гаспаръ. Ну, если это маленькая записочка и незапечатанная.... Полно, можно-ли, чтобы мнѣ въ отвѣтъ не попасть послѣ.

Клара. Никто, никто не узнаетъ.... Берите же, берите.... (*Подаетъ ему письмо и перстень*).

Гаспаръ (*держитъ въ рукахъ то и другое*). Нѣтъ, ужъ я возьму только.... (*Смотритъ на перстень*).

КЛАРА (вз сторону). Что мнѣ дѣлать, онъ отказывается?

ГАСПАРЬ (шутя). Письмо и отдаю назадъ кольцо....

КЛАРА. Какъ? вы не хотите....

ГАСПАРЬ. Ничего больше, какъ оказать вамъ услугу.... (Вз сторону). Сбился, надо опять войти въ свою роль.... Ужъ извольте, такъ и быть, я отнесу записку.... Я увѣренъ, что въ ней нѣтъ ничего противъ безопасности государства.... Отнесу, ничего!...

КЛАРА. Ахъ, г. тюремщикъ, я не знаю какъ благодарить васъ; будьте увѣрены, что я никогда.... А никакъ нельзя его видѣть?

ГАСПАРЬ. Что вы, что вы, пожалуйста-ка къ себѣ....

КЛАРА. Иду, иду.... (Идетъ сзади его къ комнатѣ, здѣ мужъ).

ГАСПАРЬ. Куда-же вы?

КЛАРА. Сюда.... сюда, къ себѣ....

ГАСПАРЬ. Въ эту-то сторону?

КЛАРА. Я шла къ тому, кого я столько разъ отъ себя отдавала... котораго я хочу видѣть сегодня, хотя бы мнѣ стоило это жизни!

ГАСПАРЬ. Ба, ба, ба!

КЛАРА. Вы не вѣрите? Взгляните на меня, на мои слезы....

ГАСПАРЬ. Все это хорошо, только ступайте къ себѣ....

КЛАРА. Не забудьте хоть записочки-то.

ГАСПАРЬ. Ужъ если я общалъ, такъ сдѣлаю.

КЛАРА. Не сердитесь, мой голубчикъ, умоляю васъ. (Вз сторону). Онъ получить мое письмо, и я теперь нѣсколько спокойнѣе.

Я В Л Е Н І Е XV.

Гаспаръ (одинъ, плача).

Милашка!... Ну, вотъ и другой скачетъ по лѣстницѣ....
летитъ черезъ четыре ступени.

Я В Л Е Н І Е XVI.

Гаспаръ и Адольфъ.

Адольфъ (въ сторону). Онъ одинъ!... Хорошо.... (Гаспару). Другъ мой!... тамъ, на-верху, мнѣ совсѣмъ нельзя оставаться: ея окошко совсѣмъ въ другую сторону; я взлѣзалъ на крышу, авось, не увижу ли ее — ничего небывало!... хоть бы въ одной башнѣ.... больше не прошу.

Гаспаръ (покуда Адольфъ смотритъ изъ окна, въ ту сторону идъ Клара). Бѣдняжка! лазить по кровлямъ, рисковать сломить себѣ шею, чтобъ только посмотрѣть на жену.... А въ Берлинѣ.... въ одномъ домѣ.... они.... ахъ! Боже мой!

Адольфъ (въ сторону). Ее не видно.... (Вслухъ). Ну, что-жь?... можно?...

Гаспаръ. Терпѣніе!... По передъ тѣмъ, какъ мы дадимъ вамъ другую комнату, что скажете вы. (Осматриваясь кругомъ). Если у меня тутъ.... Тсъ!... къ вамъ записочка.... тсъ!

Адольфъ. Отъ нея!... Ахъ, другъ мой! избавитель!... Ради Бога!...

Гаспаръ. Тсъ! тише, я пропалъ, если г. комендантъ.... тсъ!...

Адольфъ. Не бойся ничего. (Беретъ письмо и читаетъ). «Милый Адольфъ, я такъ тронута твоимъ участіемъ, которое ты принялъ въ судьбѣ моей....» (Гово-

ритъ). Очень-естественно!... (Читаетъ). «Она заставила меня почувствовать, сколько я виновата предъ тобою.... Надѣюсь, что я совершенно исправлюсь....» (Говоритъ). Милашка! (Читаетъ). «Совершенно исправлюсь.... Боюсь одного, что долго мнѣ не представится случая къ тому....» (Говоритъ). Я самъ боюсь тоже.... (Читая). «Повѣрь, что только одна безразсудность моя....» (Говоритъ). Ахъ, нѣтъ, моя!... (Читая) «была виною, а не мое сердце....» (Говоря). Мое готово разорваться.... Не могу читать.... не могу кончить. (Плѣчетъ письмо и прячетъ за пазуху). Сто разъ перечитаю его, когда буду наверху. Другъ мой, я сойду съ ума, взбѣшусь, да, я способенъ на все.... Нужно освободить ее изъ этой темницы, соединить ее со мною.... Сто тысячъ франковъ твои, если поможешь мнѣ въ этомъ. (Во время чтенія Гаспаръ безпрестанно упрасиваетъ его читать не громко: Тсъ!..)

ГАСПАРЪ. Сто-тысячь франковъ!... Гмъ!...

АДОЛЬФЪ. Двѣсти тысячъ!... Хочешь расписку....

ГАСПАРЪ (однимъ тономъ). А служба?... а если провѣдаютъ?... А палки?...

АДОЛЬФЪ. Ты отправишься съ нами, не покинешь насъ.

ГАСПАРЪ (тоже). А совѣсть?... вѣдь она за-мужемъ.

АДОЛЬФЪ. За мною.

ГАСПАРЪ (продолжаетъ, дѣлая видъ, что его не слушаетъ). Правда, мужъ-то ея вѣтрогонъ.... поступилъ съ нею дурно.... но....

АДОЛЬФЪ. Это я! я! я! Я сдѣлалъ ее несчастною, но съ нынѣшняго дня, я посвящу всю жизнь мою для ея счастья.

ГАСПАРЪ. Такъ она жена ваша! Да полно, правда-ли?

АДОЛЬФЪ. Божусь!... Общаешься?... тебѣ жаль насъ....

ГАСПАРЪ (притворяясь, что растроганъ). Нѣтъ, нѣтъ, сударь!

Адольфъ. Нѣтъ, вижу, что жалко.

Гаснаръ (*обарачиваясь, чтобъ скрыть смѣхъ*). Не правда-съ.

Адольфъ. Ты плачешь...

Гаснаръ (*смѣясь, въ сторону*). Не думалъ такъ хорошо сыграть.

Адольфъ. Ну, что?

Гаснаръ. Что, нужно признаться, что передъ вами трудно устоять!... Рискую всею — бѣгу съ вами.

Адольфъ (*бросался ему на шею*). Ахъ, другъ мой!

Гаснаръ. Слушайте меня... напередъ посмотримъ....

Адольфъ (*оглядываясь во всю сторону*). Да, да, посмотримъ.... никого.

Гаснаръ. Другаго средства нѣтъ сна ти вась, какъ черезъ это окошко, которое выходитъ на ровъ, а ровъ-то сажени въ три.

Адольфъ. Я перескачу черезъ него.

Гаснаръ. Положимъ, да только ни она, ни я не перескочемъ.

Адольфъ. Правда! Чтѣмъ намъ дѣлать?

Гаснаръ. Нужна лѣстница подлиннѣе... у меня есть такая... мы сойдемъ, а тамъ взберемся по ней на валъ.

Адольфъ. Ну, мы на валу.

Гаснаръ. Ну, мы еще совсѣмъ не на валу, а будемъ тамъ.... тамъ найдемъ потайную дверь.... ключъ у меня....

Адольфъ. Откроемъ потайную дверь....

Гаснаръ. Тамъ трое часовыхъ....

Адольфъ. Мы убьемъ ихъ....

Гаснаръ. Нѣтъ, не то, не то.... мы не убьемъ ихъ...

Адольфъ. Хорошо! не убьемъ ихъ.

Гаснаръ. Мы дадимъ имъ денегъ.

Адольфъ. Сколько они захотятъ.

ГАСПАРЬ. Я отведу васъ къ своему сыну; лошади ужъ будутъ готовы, одна для васъ, другая для меня, и мы...

АДОЛЬФЪ. За границей.

ГАСПАРЬ (*удивясь*). За границей?... тогда мы будемъ въ безопасности. Не станемъ же терять ни минуты... Скоро совсѣмъ смеркнется; арестанты должны быть подь замкомъ.

АДОЛЬФЪ. А Клара?

ГАСПАРЬ. Я иду за нею.... подождите здѣсь.

№ 10.

Чтобы не быть мнѣ только бити...;

АДОЛЬФЪ.

Слушай....

ГАСПАРЬ.

Потише, мы шумимъ!

АДОЛЬФЪ.

О, ночь! мою будь защитой,
Любовь хранителемъ моимъ!

(Гаспарь уходитъ за Кларой. Смотря въ открытое окно).

Ахъ, какъ прекрасна вся природа....

Какъ я дышу спокойно вновь!..

Намъ улыбается свобода,

Насъ ждетъ счастливая любовь!

Я В Л Е Н І Е XVII.

АДОЛЬФЪ, ГАСПАРЬ и КЛАРА (*въ ночномъ чепчикѣ, съ ларчикомъ и свѣчей*).

КЛАРА и АДОЛЬФЪ.

И такъ, окончены страданья...

Предъ нами счастье и любовь....

(Бросаются въ объятія).

Радость, страхъ и ожиданье
Всю мою волнуяють кровь.

КЛАРА.

Сердце бьется все сильнѣе....

АДОЛЬФЪ.

Радость съ страхомъ пополамъ....

ГАСПАРЪ.

Берите лѣстницу скорѣе,

Она вотъ здѣсь....

АДОЛЬФЪ *(снимая сюртукъ)*.

Сейчасъ подамъ!

КЛАРА.

Адольтъ! потише, берегнись!

ГАСПАРЪ.

Я здѣсь останусь на часахъ....

Ну, что?

КЛАРА.

Смотри, не ушибися!

АДОЛЬФЪ *(съ большою лѣстницей)*.

Небойся.... полно, что за страхъ!

ГАСПАРЪ.

Ступайте тише, сколько можно...

Ну, что, плетъ?...

АДОЛЬФЪ.

Само-собой....

ГАСПАРЪ.

Жену возьмите осторожно,

Тамъ въ двадцать футовъ ровъ съ подой.

АДОЛЬФЪ.

Ахъ, для нея въ нопхъ объятяхъ

Воды не страшно и огня!

Я В Л Е Н И Е XVIII.

Прежние, Лимбургъ, стража, люди съ факелами.

Лимбургъ. Схватить вѣроломнаго тюремщика, въ кандалы его!

Гаснаръ (*притворно*). Пощадите, г. комендантъ!

Клара (*удерживая Гаснара*). Мы одни виноваты....
Пощадите его.... накажите насъ....

Гаснаръ (*въ сторону*). Какое у нея доброе сердце!

Лимбургъ. Послушайте: сейчасъ ко мнѣ прискакалъ курьеръ съ уведомленіемъ, что дѣйствительно, вы жены.

Клара. Вотъ видите-ли?

Лимбургъ. Меня уведомляютъ также, но какому поводу вы содержитесь здѣсь.... Вань дядюшка, увѣрившись, что вы виноваты оба, другъ предъ другомъ....

Клара. Правда, я была виновата....

Адольфъ. А я, я развѣ не былъ виноватъ?

Лимбургъ. Хотѣлъ сначала заставить васъ обоимъ раскаяться; наконецъ перемѣнилъ гнѣвъ на жалость, смягчилъ жестокий приговоръ, но которому вы здѣсь узниками, рѣшился наказывать только одного изъ васъ....

Адольфъ. Меня....

Клара. Подождите, дайте кончить г. коменданту.

Лимбургъ. Въ полной увѣренности, что вы не можете быть счастливы вмѣстѣ.

Клара. Ахъ, Боже мой! Вотъ еще!

Адольфъ. Подождите, дайте кончить г. коменданту.

Лимбургъ. Онъ прислалъ ко мнѣ формальную бумагу о разводѣ.... и первый изъ васъ, который докажетъ ему свое послушаніе, подписавъ разводную, будетъ тотчасъ освобожденъ....

Адольфъ. Разводъ!... Никогда!... ни что въ мирѣ не заставитъ меня согласиться на него.

КЛАРА. И я.... ни за что....

АДОЛЬФЪ. Но если нѣтъ другаго средства возвратить обществу, семейству, счастию молодую жепщину, тогда я согласенъ на все; я хочу, чтобъ она подписала, требую.... приказываю даже, но только съ тѣмъ, чтобы она тотчасъ была освобождена.

КЛАРА (*потерявшись*). Адольфъ! другъ мой! Нѣтъ, сударь, я не подпишу, ни за что не подпишу.... (*ласково*). Адольфъ.... не подумай, чтобъ это было непослушаніе.... самъ разсуди: ты такъ молодъ, счастливъ по судьбѣ и изъ-за меня потеряешь все это.... подпиши и поѣзжай!... не забудь только Клары, которая будетъ утѣшаться твоимъ счастиемъ и тѣмъ, что ты ее любишь.... Адольфъ.... я не приказываю тебѣ, а прошу.... у ногъ твоихъ.

АДОЛЬФЪ (*нѣсколько разъ хотѣлъ прервать ее*). Нѣтъ, нѣтъ — этого невозможно: я не подпишу.

КЛАРА (*плачетъ*). Дружочекъ мой.... для меня.... прошу тебя.... подпиши.

АДОЛЬФЪ (*обнимая ее*). Поѣзжай, Клара; поѣзжай, другъ мой!

КЛАРА (*тоже*). Ни за-что, ни за-что на свѣтъ....

АДОЛЬФЪ. Взгляни на меня!

КЛАРА. Адольфъ!

АДОЛЬФЪ (*въ восторгъ*). О, не разлучусь... никогда, никогда!... вмѣстѣ... здѣсь и на всю жизнь (*раздираетъ бумагу*).

КЛАРА (*тоже*). Вмѣстѣ на всю жизнь!

АДОЛЬФЪ (*отдавая клочки бумаги*). Не угодно-ли отослать министру, вмѣсто отвѣта?

ЛИМБУРГЪ (*въ восхищеніи*). Какъ? вы согласны остаться лучше въ тюрьмѣ?...

АДОЛЬФЪ. Чѣмъ жить другъ безъ друга.

КЛАРА. Навсегда оставимъ свѣтъ и его удовольствія...

Адольфъ. Любовь (*смотря на Клару*) и дружба (*смотря на Лимбургя*). Вѣдь вы вѣрно намъ въ ней не откажете?

Лимбургъ. Ну, если опять у васъ затѣются ссоры?

Клара. Никогда, никогда, никогда! (*Цѣлуетъ Адольфа и кладетъ свою голову на его грудь*).

Лимбургъ. Вѣрю, вѣрю!... Такъ ужъ дайте же мнѣ васъ еще болѣе обрадовать: вы можете возвратитися въ Берлинъ!

Адольфъ (*удивясь*). Какъ?

Клара (*тоже*). Неужели?... вы не обманываете?

Лимбургъ. Да, да; вы свободны оба... это была одна шутка дружбы и любви вашего дядюшки... Эта крѣпость — старый замокъ Лимбургъ, стараго друга вашего дядюшки; тюремщикъ, добрый Гаспаръ, мой вѣрный, старый слуга, сторожа — мои люди...

Адольфъ. Клара... наша вѣчная благодарность должна...

Клара. Ахъ, дядюшка, дядюшка... какъ я васъ поцѣлую въ Берлинѣ... а вы... (*Лимбургя*).

Лимбургъ. Если вы находите, что обязаны и мнѣ чѣмъ-нибудь, такъ въ благодарность пріѣзжайте всякій годъ въ этотъ день праздновать со мною счастье двухъ милыхъ моихъ арестантовъ...

Клара. Да, Адольфъ?

Адольфъ, (*жметъ ему почтительно руку, говоря съ чувствомъ*). Конечно, да!

Лимбургъ, (*тронутый*). Я доволенъ... а ты, Гаспаръ...

Адольфъ (*какъ бы вспомя*). Клара! мы его и забыли.

Клара (*нѣжно*). Голубчикъ, Гаспаръ...

(*Адольфъ вынимаетъ кошелекъ*).

Гаспаръ (*въ слезахъ*). Вотъ они... никто не устоитъ кромѣ... не возму, не возму!...

Хоръ.

Лимбургъ и Гаспаръ.

Забудьте, что было — вражды, укоризны;
Урокъ нашъ не должно одинъ забывать!

Адольфъ и Клара.

Забудемъ, что было — вражды, укоризны,
Урокъ намъ не должно одинъ забывать.

Всѣ.

И въ радостяхъ полныхъ въ счастливѣйшей жизни....

Лимбургъ и Гаспаръ.

Меня, старика, васъ прошу вспоминать.

Адольфъ и Клара.

Мы будемъ съ любовью о васъ вспоминать

Адольфъ и Клара.

(Къ публикѣ, держась за руку).

Теперь мы къ вамъ оба и съ просьбою старой:

Нежданно ливались опять мы сюда,

Такъ нова встрѣча съ Адольфомъ и Кларой

Была ли пріятна для васъ, господа?

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА.

ВОСПОМИНАНІЯ О Ѳ. Ѳ. КОКОШКИНѢ.

Не-совсѣмъ справедливо говорить, что *похвалы и пощадія усопшимъ равно полезны для живущихъ*. Кажется, вѣрнѣе бы сказать: «Про мертвыхъ приятно говорить хорошее!» Попытаюсь и я бросить нѣсколько цвѣтовъ на гробъ Ѳ. Ѳ. Кокوشкина. Не пишу его некрологи, не стану разбирать душевныхъ качествъ покойнаго.... *Какъ человекъ*, можетъ быть, и онъ заплатилъ общую дань слабостямъ *человѣчества!*... Я любилъ въ Кокوشкинѣ добраго пріятеля, я поклонялся страсти его къ драматическому искусству и, мои воспоминаія о *бывшемъ Директорѣ* Московскаго Театра не будутъ излишними въ изданіи, исключительно посвященномъ театру.

Покойный Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокوشкинъ любилъ театръ страстно, любилъ театръ для театра, и былъ самымъ ревностнымъ, самымъ усерднымъ служителемъ его. Первый проблескъ таланта никогда не встрѣчалъ въ немъ безчувственной холодности, такъ часто, съ-разу убивающей еще несозрѣвшее дарованіе (*). Тутъ божественная

(*) Я самъ былъ этого свидѣтелемъ: «Однажды, при мнѣ, явился къ Ѳ. Ѳ. человекъ, желавшій занять на Московскомъ Театрѣ трагическія роли; нашъ Директоръ благосклонно заставилъ его читать стихи; кажется, изъ *Донескаго*, и это было на-порядкѣ. «Мы съ *Донскимъ?*» спросилъ я. — «Нѣтъ, это комикъ и *комикъ* будетъ замѣчательный!» отвѣтилъ Кокوشкинъ. Такъ угадалъ онъ *Орлова*, неподрассеяемаго въ роли *Осипа* (въ *Ревизорѣ*) и друг. Соч.

искра не гасла подъ пепломъ отъ притѣсненій, грубыхъ замѣтокъ, неприличныхъ выходокъ и оскорбительныхъ опасеній къ принятію піесы!

Кокоскинъ, умный и свѣтскій человѣкъ, раздувалъ изъ одной искры свѣтлое пламя своею предупредительностью, своимъ любезнымъ обхожденіемъ, самыми осторожными совѣтами: такъ исправленная піеса шралась, почти всегда съ успѣхомъ, и публика, благодаря вѣрному вкусу Директора, не лишалась автора новичка, ею въ послѣдствіи любимаго. Кокоскинъ не только *встрѣчалъ* талантъ съ *распростертыми объятіями*, онъ *самъ и* *калъ* его неусыпно, и отыскавши, такъ сказать, ухаживалъ за нимъ, какъ искусный садовникъ за цвѣткомъ другаго климата, съ тѣмъ, чтобъ пересадить его на родную почву.

Такъ подарилъ онъ насъ Александромъ Пвановичемъ Писаревымъ (*).

Съ самаго выпуска изъ Университетскаго Пансіона (**), Писаревъ, живучи въ Москвѣ, по счастливому для меня случаю, занялъ квартиру въ одномъ домѣ со мною; мы скоро сблизились и подружились; еще дѣтскія произведенія поэта показали, чего должно ожидать отъ него.

Молодой человѣкъ хотѣлъ служить въ Петербургѣ, по Департаменту, но Кокоскинъ успѣлъ самъ и черезъ меня склонить его на службу въ Конторѣ Московскаго Театра. Драматическое искусство привилось къ душѣ пылкаго, обласканнаго юноши, и Писаревъ, изъ котораго со-временемъ вышелъ бы, можетъ-быть, Русскій Скрибъ, во всей красотѣ своей заблесталъ на Московскомъ Театрѣ (***) .

Приведемъ другой примѣръ неусыпныхъ стараній Кокоскина усовершенствовать московскую сцену. Я всегда

вспомнилъ бы о немъ, когда бы онъ не умеръ такъ рано.

(*) Какъ не пожалеть, что сочиненія Писарева до сей поры еще не собраны, а между-тѣмъ у насъ *опять* печатаютъ же Нахимова!

(**) Изъ рукъ великаго мастера воспитывать, А. А. Прокоповича Антоискаго, которому Россія обязана *Жуковскимъ*! Соч.

(***) Самъ Грибѣдовъ, потомъ Араповъ, Загоскинъ, Ф. Ф. Ивановъ, Ротчевъ, Редкинъ, С. В. Смирновъ и многіе другіе тоже были обязаны *начальной* своею известностію Кокоскину; онъ-же *предугадывалъ* и въ Ленскомъ (говоря со мною) хорошаго подвѣтника. Соч.

уѣзжалъ изъ Москвы на лѣто въ деревню; однажды опъ, разговаривая со мною, въ своей директорской ложѣ, о любимомъ предметѣ (разумѣется, что это было въ антръ-актѣ), наконецъ сказалъ мнѣ: «Какъ бы я желалъ, В. П., приобретать новые таланты для нашего театра! Ты бываешь въ губернскихъ городахъ, на ярмаркахъ... потрудись, отыщи!...» (*)

По приѣздѣ моемъ въ Курское помѣстьѣ (въ 50-ти верстахъ отъ Ромень) я отправляюсь на Ильинскую Ярмарку, отъ-печего-дѣлать иду въ театръ и, между *разглагольствующими* изъ труппы антрепренера Штейна, встрѣчаю на сценѣ... кого?... Михаила Семеновича Щепкина!!! Не вѣрю глазамъ! Да какъ это? уродливый сарай, занавѣсъ въ лохмотьяхъ, кое-какъ намелеванныя кулисы, грязный, неровный полъ, оркестръ не всегда вникающій въ мелочныя подробности бе-каровъ и бе-молей, господа и госпожи «какіе-то уроды съ того свѣта», говоря стихомъ Грибоѣдова—и Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ!... Альфа и омега вмѣстѣ!... Михаилъ Семеновичъ игралъ въ пьесѣ *Опытъ Искусства*, въ трудной роли: то мужчиною, то женщиною. Въ тысячи видахъ этотъ Протей заблесталъ передо мною, какъ драгоценный алмазъ, всѣми своими гранями!.. Возвратясь на квартиру, въ бѣленую мою хатку, я не могъ уснуть во всю ночь, и съ первымъ разсвѣтомъ послалъ просить къ себѣ Щепкина. Михаилъ Семеновичъ приходитъ, мы знакомимся; я завожу рѣчь о замѣчательномъ его талантѣ, именемъ Кокоскина предлагаю ему вступить въ Московскую труппу и.... безкорыстный артистъ, изъ любви къ искусству и чести принадлежать сословію Императорскихъ Актеровъ, за самое умеренное жалованье (едва ли не за тысячу рублей въ годъ) соглашается отправиться съ письмомъ моимъ къ Кокоскину, а отъ Штейна, съ бенефисами, Михаилъ Семеновичъ получалъ, конечно, болѣе шести тысячъ!

(*) Такое же порученіе и мнѣ было дѣлано: я доставлялъ театру покойнаго Афанасьева и С...ва, но въ этомъ послѣднемъ была неудача. *Быстрорѣкій.*

Г. Щенкинъ въ обѣихъ столицахъ съ перваго взгляда оправдалъ мои о немъ сужденія. Но я не позволяю себѣ гордиться: вся честь приобрѣтенія для русской сцены такого таланта принадлежитъ Кокоскину. Я могъ легко ошибиться, но Кокоскинъ, знающій совершенно свое дѣло; директоръ, писатель и замъ превосходный актеръ, одинъ могъ вполне оцѣнить Щенкина; онъ умѣлъ усадить, на сценѣ, талантъ его, открыть ему обширное поприще, всѣми зависящими отъ Директора средствами.

Будущій историкъ русскаго театра, конечно, вылететь этотъ лавровый листъ въ заслуженный вѣнокъ покойнаго. Можно смѣло сказать: Кокоскинъ посвящалъ почти всю свою жизнь къ достиженію одной цѣли—совершенствованію вѣренную его попеченію московскую сцену. Кто не помнитъ его почти ежедневныхъ вечеровъ? (*) На нихъ Феодоръ Феодоровичъ собиралъ все принадлежавшее къ театру. Тутъ любители драматическіе, авторы и актеры сливались въ одно; всѣ эти части соединялись въ прекрасное цѣлое, радушіемъ хозяина (**). На одномъ изъ этихъ-то вечеровъ слышали мы, въ первый разъ, монологи комедіи, *Горе отъ ума*, изъ устъ самого Грибоѣдова. При стихахъ:

Кричала женщины ура!

И въ воздухъ чепчики бросали,
мы сами, общимъ хоромъ, чуть не закричали *ура!* Мы готовы были схватиться за свои шляпы и фуражки и бро-

(*) То-же можно сказать и объ *утрацѣ* Кокоскина: въ это время онъ самъ бывалъ школяромъ, учителемъ, экзаменаторомъ своихъ людей спеническихъ; но всегда не одинъ, всегда съ другими: безъ сторукаго сужденія, онъ почти не дѣлалъ шагу—я это знаю! Въ послѣдніе годы его жизни, рѣдкое утро я не заходилъ къ нему. Тутъ определялось условіе кому и какъ быть у него въ театрѣ, на сценѣ, на репетиціи зрителемъ и пр. Въ ложѣ Директора, иногда, сужденія наши бывали неосторожно-звучны, и сосѣдъ Кокоскину, по театру, Князь Н. Б. Юсуповъ, ставилъ это въ вину ему; но Юсуповъ былъ несправедливъ.

Б — кій.

(**) Перѣдко, въ числѣ этихъ гостей, я встрѣчалъ знатоковъ и любителей театр — началъ вѣка Екатерины Великой, близкихъ къ

сить ихъ съ восторгомъ передъ безсмертнымъ авторомъ, на воздухъ. Печальны мои воспоминанія! И Грибодовъ, эта столь-ярко блеснувшая звѣзда на горизонтѣ нашей словесности — закатилась!

Не скучный вистъ господствовалъ на вечерахъ Коконкина: сцены нами-же нерѣдко представляемыя, чтеніе новыхъ сочиненій, разборы, сужденія, споры литературные составляли ихъ сущность:

«Du choc des opinions jaillit la vérité!»

Въ одинъ вечеръ, у меня съ Писаревымъ зашла рѣчь о Расиновой Фигеніи (въ переводѣ Г. Лобанова; я *надсаживалъ* грудь за русскіе стихи:

«И весла безполезны

Напрасно пѣвля недвижны моря бездны...»

Я находилъ, что они счастливѣе Французскіяхъ:

«... et la rame inutile

Fatigua vainement une mer immobile.»

Писаревъ стоялъ за звучную иперболу Расина, а я возражалъ, что une rame qui fatigue un: mer есть фигура, которую можно простить одному Расину; его гений, скованный приличіями, не могъ освободить себя отъ тошнившихся на сценѣ виконтовъ и маркизовъ. «Желаю одного», довершилъ Коконкинъ, вслушавшись въ наше преніе: «желаю отъ-души, чтобы на русской сценѣ являлись почаще, какъ оригинальныя, такъ и переводныя пьесы, за которыя у меня возгарались бы всегда подобныя вашимъ диспуты.»

Сумарокову и Майкову; таковы, напримѣръ, были: Ф. Ив. Карцевъ, студировавшій еще при юности Московскаго Университета, Князь Борисъ Григорьевичъ Шаховской, хозяинъ своего театра, Князь Ив. М. Долгорукій, актеръ и поэтъ и пр. У вѣтъ этихъ людей Коконкинъ учился, или лучше, самъ изучалъ ихъ.

(*) Въ послѣдній разъ я встрѣтилъ Грибодова у С. Д. Печасна. «Другъ!» сказалъ я ему, «еще бы *Горе отъ ума!*» — Душа моя темница, отвѣчалъ онъ, «и я написалъ трагедію изъ нашей Рязанской Исторіи, ты прочтешь ее первый.» Но эти слова его были послѣдними со мною. В — скій.

Въ красивой колоніи Федора Федоровича, Бедринъ, мы часто проживали по недѣлямъ, готовя праздники, на которые съѣзжалась Москва. Днемъ игры, вечеромъ танцы на открытомъ воздухѣ.... Прогулки по иллюминированному саду, близъ озера. Все это конечно, было, прелесть! Но для меня восхитительнѣе, что и среди разнообразія забавъ, Федоръ Федоровичъ стремился къ одной и той же избранной имъ цѣли.

Кто бывалъ на одномъ изъ этихъ праздниковъ, тотъ, вѣроятно, помнитъ, какъ звученъ и хорошъ показался намъ монологъ *Пирра*, въ устахъ первокласснаго артиста нашего, Мочалова; (*) особенно стихи:

«.... Судьба сему герою
Претгла въ жизни зрѣть пылающую Трою,
Отъ коей черный дымъ на нашъ несется станъ.»

Когда онъ указалъ на Трою вдаль, за водою озера, *дѣйствительно* пылающую, когда этотъ *Пирръ* стоялъ подъ чистымъ небомъ, близъ зеленѣющаго холма надъ отцомъ его, среди раскинутыхъ по иллюминированному саду палатокъ Греческаго стана, тогда здѣсь уже не было *условной иллюзии* со сцены искусственной. Чистая натура на Бедринскомъ Озерѣ, при талантѣ Мочалова, могла ли не воспламенять будущихъ трагиковъ!

Кокошкинъ хорошо зналъ все это, предугадывалъ ощущенія и никогда не выпускалъ изъ вида мысли господствующей въ душѣ его.

Самое озеро, казалось, отвѣчало желаніямъ хозяина.

Проснувшись по-утру, поэтъ, гостившій у Кокошкина, подходитъ къ окну: другіе берега, другія воды!...

По срединѣ слылись два, три острова, тамъ, къ саду приросъ большой пластъ земли съ густымъ кустарникомъ.... При этой магической переменѣ природы, могъ ли поэтъ не перенестись въ волшебный міръ фантазіи?

Съ грустью вспоминаю я одну изъ прогулокъ нашихъ съ А. И. Писаревымъ, въ красивой шляпкѣ, по зеркаль-

(*) Котораго? Тогда, кажется, игрывалъ еще отецъ П. С. Мочалова, актеръ-классикъ! Б — цкій.

нымъ водамъ озера, позлащеннымъ закатомъ солнца... Чуть дышащій вѣтерокъ, приносящій намъ съ берега ароматы цвѣтовъ, унылыя трели соловья, говоръ лѣса навѣвали на душу меланхолю; въ молчаніи скользимъ мы по волнамъ, едва колыхающимся.... Вдругъ Писаревъ почти импровизируетъ свои прекрасныя «Стихи на Бедринское Озеро»; изъ души восторженнаго поэта выливались звучныя выраженія:

«Безвѣстность влаги подо мною,
Безвѣстность жизни предо мной!»

Стихи эти, какъ бы предсказали Писареву, что его жизнь, полная надеждъ и прекрасныхъ ожиданій, скоро, преждевременно угаснетъ!...

Обратимся къ Кокошкину.

Московская сцена, какъ роскошный цвѣтникъ, заестрѣлась въ его время талантами. Поэтической страсти Федора Федоровича къ драматургій, мы обязаны полнымъ развитіемъ талантовъ М. Д. Львовой-Синецкой, П. С. Мочалова, Сабуровыхъ и другихъ; незабвенный Рязанцевъ, веселый комикъ Живокини, Лавровъ, П. Г. Степановъ, Н. В. Рѣпина, вступили на свое блестящее поприще при Кокошкинѣ. Благотворный жаръ души Директора согрѣвалъ все вокругъ него....

По моему мнѣнію, чтобы съ пользою занимать почетное мѣсто, во всякомъ другомъ родѣ службы, достаточно ума, познаній, честности; для начальника театра этого мало. Если онъ холоденъ, скажу даже, не страстенъ къ искусству, этотъ холодъ растространяется на все его окружающее.... все леденѣтъ, все безжизненно!! Авторъ, актеръ, декораторъ, машинистъ, балетъ, музыка, словомъ, все, принадлежащее къ представленію, необходимо нуждается въ одобреніи публики. Кто-же, какъ не Директоръ, долженъ изыскивать способы, чаще привлекать въ театръ, этого раборчиваго судью сценическихъ дарованій?

Кокошкинъ, знакомый въ лучшемъ кругу столицы, не упускалъ къ тому случая; благодаря его неуныннымъ стараніямъ — довести московскіе спектакли до возможной степени совершенства, мы не рѣдко видали въ театрѣ само-

го Начальника столицы, этого почтеннѣйшаго вельможу, издавна покровителя всѣхъ трудящихся для пользы и славы отечества! Степанъ Степановичъ Апраксинъ, (*) Князь Н. Б. Юсуповъ, П. И. Дмитриевъ увлекали за собою отборную публику, и за-частую большой Петровскій Театръ не имѣлъ даже мѣста для зрителей. Могли ли, послѣ этого, артисты не отвѣчать пламенному рвенію Директора, чтобъ удостоиться вниманія людей просвѣщенныхъ?

Справедливость требуетъ сказать, что при Осдоре Осдоровичѣ, расходы театра не всегда отвѣчали приходамъ; хозяйственная часть по дирекціи была не въ совершенствѣ, дирекція имѣла долги!..

Но кто будетъ строго судить за это покойнаго? Театръ—не контора негодянта, гдѣ лишне-истраченная копѣйка влечетъ за собою убыль въ рубляхъ. Дирекція должна не однимъ этимъ исключительно заниматься; театр, сынъ роскоши народной, скоро превратится въ жалкій балаганъ! Почти безъ границъ великолѣпіе необходимо для храма Талин и Мельномены; издержки—его стихія! Это такъ хорошо извѣстно, что наши театры, при всѣхъ своихъ средствахъ, кажется и теперь получаютъ дополнительные суммы.

Говоря о храмѣ Талин и Мельномены, здѣсь кстати упомянуть, что и самый Петровскій Театръ, съ его висячими ложами, съ одною изъ обширнѣйшихъ залъ въ Европѣ, это великолѣпное зданіе, достойное первоначальной столицы, сооружено при Кокошкинѣ, (**), на обгорѣлыхъ

(*) На собственномъ театрѣ котораго Кокошкинъ, какъ исподражатель тогда трагикъ, составилъ себѣ намять незабвенную.

Б — цкій.

(**) Почтенный авторъ статьи не упоминалъ еще о необыкновенномъ Московскомъ лѣтнемъ *воздушномъ театрѣ*, устроенномъ Кокошкинѣмъ въ *Нескучномъ*; о его же намрѣніи устроить театр *простонародный*, на которомъ являлись бы пѣссы, сочиненныя именно только для народа, каковы наприм. *Мельникъ*, *Абсисмола*, *Встрѣча Пезванскихъ*, Кн. Шаховскаго, *Мельникъ и Збитенщикъ* и *Вобль Плавильщика* и пр. Театръ этотъ, какъ пер-

развалинахъ, столь долго печалившихъ наши взоры! Полагаю, многіе согласятся со мною во всемъ на-счетъ незабвенныхъ заслугъ Федора Федоровича. Важна потеря его для Московскихъ Театровъ!

В. ГОЛОВИНЪ.

Статья эта сообщена въ редакцію Репертуара Г-мъ Быстрорѣцкимъ, которому принадлежатъ замѣчанія, сдѣланныя въ выноскахъ. *Ред.*

вая ступень, для просвѣщенія черни, долженъ былъ имѣть особенную, самую недорогую плату за входъ, и быть *дѣйствительнымъ* только въ праздничное время. Не сказано, также, о покупке Кокошкиныхъ дома для школы, у родственника моего, Гр. Ф. А. Толстова; въ этомъ дѣлѣ принималъ непосредственное участіе, по неотступной просьбѣ Федора Федоровича, я, и сдѣлалъ дѣло.

Б — цкій.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПИСЬМА.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

(Къ Князю А. А. Шаховскому).

Каждый разъ, когда въ Александринскомъ Театрѣ даютъ новую пьесу, я вспоминаю объ васъ, Князь, и о прошломъ времени, въ которое вы были душою и духомъ русской сцены, т. е. оживляли ее непрерывно вашими новыми произведеніями, одушевляли молодыхъ артистовъ вашею страстною любовью къ театру и сообщали ему жизнь, движеніе, дѣятельность, которые отражаясь благотѣльно на публику, возбуждали въ ней вниманіе къ отечественной сценѣ. Вамъ очень хорошо извѣстно, что я никому не льщу, а потому могу сказать съ яло, публично, что нѣтъ и не было человѣка, который-бы превзошелъ васъ въ привязанности къ театру и въ безкорыстной для него дѣятельности! Четверть столѣтія ваше имя не сходило почти съ афишъ; четверть вѣка, нѣсколько поколѣній артистовъ пользовались вашими совѣтами; четверть вѣка вы были Архимедовымъ рычагомъ въ этой многосложной машинѣ! Невозможно требовать, чтобы вы въ продолженіе вашей дѣятельности могли *всѣмъ угодить*, чтобы вы никогда *не ошибались*, и не увлекались иногда по-человѣчески, *предубѣжденіемъ*. Это общая всѣмъ участь: только глупцы никогда не ошибаются, а хитрецы никогда не увлекаются страстью. Но и врагъ вашъ долженъ сознаться, что вы сдѣлали чрезвычайно-много для искусства и для драматической литературы — и теперь, когда вы перестали дѣйствовать, можно сказать

лвно, что въ Исторіи на васъ отразятся лучи славы *перваго основателя* русскаго театра, Волкова, и *перваго основателя* русской драматургіи—Сумарокова! Ваше мѣсто завидное въ исторіи литературы, Князь!

Старинные артисты и старинные любители театра не могутъ забыть, когда вы послѣ окончанія отечественной войны, (въ которой вы сами, по долгу русскаго дворянина, принимали дѣятельное участіе), возвратились въ Петербургъ, съ жадностью бросились снова въ свою естественную стихію, въ театръ, и оживили и артистовъ и публику образованіемъ *молодой труппы*. По вашимъ стараніямъ, этой труппѣ отданъ былъ, для представленій, такъ называемый тогда, *Кушелевскій Театръ*; (*) изъ старыхъ актеровъ играли только, по временамъ, лучшіе, какъ для образца, такъ и для правильнаго хода пьесъ. Вы тогда предугадали многіе таланты, которые въ-послѣдствіи украшали и нынѣ украшаютъ нашу сцену. Выборъ пьесъ въ *молодой труппѣ* былъ отличный.... Новое поколѣніе авторовъ пишетъ, пишетъ, пишетъ.... а до сихъ поръ не дописалось до такой комедіи, какова ваша комедія: *Липецкія Воды*. Тутъ и завязка и развязка, и легкій языкъ, и характеры. Она имѣла такой успѣхъ на сценѣ, какого не имѣла ни одна нынѣшняя комедія, кромѣ *Гоге отъ ума*, незабвеннаго Грибовдова (котораго вы также любили и умѣли въ пору оцѣнить). Однако-жь вы не побоялись отдать ее *молодой труппѣ*! Правда, въ-вашей комедіи, вмѣстѣ съ молодой труппой игралъ Яковлевъ, (роль Славскаго) и К. И. Ежова играла старуху, т. е. роль, въ которой она была

(*) На мѣстѣ нынѣшняго зданія Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, находился тогда (также построенный полукругомъ), домъ Графа Кушелева, въ которомъ былъ устроенъ театръ. На немъ ивнецкая труппа давала свои представленія. Домъ Графа Кушелева былъ налѣ-роля въ миніатюрѣ. Тутъ былъ театръ; Г. Фельетъ давалъ отличныя маскаралы, въ прекрасныхъ конвентахъ, посѣщаемыя высшимъ обществомъ. На этихъ маскаралахъ богато костюмировались и танцовали. Въ этомъ же домѣ былъ лучший Французскій трактиръ, ресторатора Тардина, были магазины, и проч. и проч.

неподражаема! Но и она, хотя уже была не новою артисткою, была еще въ молодыхъ лѣтахъ, и, такъ сказать, подъ пару *молодой труппы*. Не помню съ точностью, когда это было, въ 1815 или въ 1816 году! — Всѣ мѣста въ Кушелевскомъ Театрѣ были всегда заняты, и тутъ пріобрѣли себѣ первую извѣстность господа: Брянскій, П. И. Сосницкій, Боченковъ, Величнинъ и Рамазановъ, госпожи: М. И. Валберхова, Е. П. Сосницкая (дочь знаменитаго комика Воробьева), А. Е. Асенкова, мать незабвенной В. П. Асенковой. Публика съ такою жадностью наслаждалась представленіями *молодой труппы*, что нѣкоторыя піесы напримѣръ: *Липецкія Воды*, надлежало давать нѣсколько дней сряду. Сколько я могу припомнить, играли на этомъ театрѣ: *Вертопраха*, *Разскащика*, *Препятствія* (полнаго заглавія не помню); оперетки: *Добрый Лука*, *Русалка*, *Любовная почта*, и т. п. Комедіи разыгрываемы были въ совершенствѣ! Брянскій, въ роляхъ свѣтскихъ людей, среднихъ лѣтъ, (напримѣръ, Графа Пронскаго въ *Липецкихъ Водахъ*), моряковъ, благородныхъ помѣщиковъ и негоціантовъ, П. И. Сосницкій, въ роляхъ вертопраховъ, франтовъ, молодыхъ свѣтскихъ людей, Величнинъ и Рамазановъ въ роляхъ комическихъ, или буффо, каждый въ своемъ родѣ, М. И. Валберхова въ роляхъ молодыхъ кокетокъ и свѣтскихъ женщинъ, Е. П. Сосницкая въ роляхъ наивныхъ дѣвицъ, свѣтскихъ барышень, молодыхъ жень, К. И. Ежова, какъ мы уже сказали, въ роляхъ старухъ, и единственная Русская субретка, не оставившая послѣ себя на сценѣ наслѣдницъ, А. Е. Асенкова, составляли такое цѣлое (*ensemble*) и такъ были хороши отдѣльно, каждый въ своей роли, что ни въ одной изъ Европейскихъ столицъ не было лучшей труппы, какъ наша *молодая труппа*. Многочисленные путешественники, возвратившіеся изъ Парижа подъ прославленными русскими знаменами, т. е. русская гвардія и множество гражданскихъ чиновниковъ, бывшихъ при арміи, съ восторгомъ утверждали то, что признавали знатоки театра, а именно, что намъ въ этомъ отношеніи не кому было завидовать!

Въ наше время *водесиль*, замѣнилъ комедію и оперетку

жу (*) (*Oréga-Comique*). Есть прекрасные водевили Гг. Писарева, Булгакова, Коровкина, Каратыгина, Ленского и некоторых других, но, сюжеты свои эти писатели брали и берут, почти всегда, съ французскаго или просто *передъплывають* французскіе водевили на русскіе правы, т. е. Мусье Корбо, переименовывають въ Пантелея Сидоровича, а Парижъ въ Москву или Петербургъ! Оригинальныхъ водевилей, очень и преочень не много, и нѣтъ ни одного, который бы приближался, на примѣръ, къ вашему *Казаку Стихотворцу!* Нѣтъ ни одной комедіи, (*Горе отъ ума* всегда въ сторонѣ), которая могла бы не только сравниться, но даже приблизиться къ вашимъ *Липецкимъ Водамъ* и *Аристофану*. Вашъ *Аристофанъ*, до сихъ поръ не оцененъ по достоинству, или правильнѣе, *вовсе не оцененъ*, а это произведеніе первостепеннаго достоинства, созданіе высокое! И теперь, когда пишу къ вамъ эти строки, не могу удержаться отъ смѣха, вспоминая некоторые мѣста изъ *Аристофана*, оставшіяся у меня въ памяти, послѣ перваго представленія! Можетъ ли быть болѣе комисма и глубокаго смысла, какъ въ отвѣтѣ Ксантіны Аѳинскому гражданину, на счетъ правъ жены! Ксантіна ищетъ вездѣ Сократа, чтобъ вѣднѣться въ него. «Помилуй, онъ философъ!» говоритъ ей гражданинъ.— «Онъ мужъ мой!» отвѣчаетъ Ксантіна. Этимъ все сказано! А богатый казначей, или казначей Аѳинскій, который на утѣшенія пріятеля, успокоивающаго его надеждою на защиту друзей, восклицаетъ: «Друзья!... всѣ подлецы!» Надобно замѣтить, что это говоритъ человѣкъ, котораго вся заслуга состоитъ въ богатствѣ и хлѣбосольствѣ. Вообще въ *Аристофанѣ* сердце человѣческое разобрано по жилочкѣ! Тутъ неподдѣльная натура! Скажу вамъ, по крайнему моему убѣжденію, что я не знаю даже ни одной оригинальной нынѣшней пьесы, которая бы доставила мнѣ столько удовольствія, какъ вашъ *Посый Стернъ!* Какъ это было тогда кстати! Подражатели Карамзина пускались путешествовать изъ Москвы въ Рязань или Нижній Нов-

(*) Какъ образцы этихъ оперетокъ называемъ: *Красную Шапочку*, *Жюконда* и т. п.

городъ, и ороша слезами (тогдашній слогъ) страницы своего путевого журнала, приходили въ восторгъ отъ простодушія наивности небывалыхъ пастушекъ и пастушковъ, рыдали на взрыдъ, при каждомъ восхожденіи и захожденіи солнца! *Новый Стеригъ* разогналъ слезливую фалангу сентиментальныхъ геросевъ!... Но зачѣмъ припоминать всѣ ваши пьесы?... Я желалъ бы лучше видѣть ихъ снова на афишѣ. Нынѣшніе *великіе музы* въ литературѣ скажутъ, можетъ-быть, что эти пьесы не имѣли бы теперь успѣха! Не правда! Одну вашу маленькую пьеску давали въ Царскосельскомъ Лицеѣ, по случаю выпуска изъ него воспитанниковъ, а многочисленная публика, составленная изъ людей высшей образованности, была чрезвычайно довольна. Только и слышно было: вотъ какъ въ старину у насъ писали! Вотъ народное! А вашъ *Казакъ Стихотворецъ* на домашнемъ театрѣ произвелъ удивительный эффектъ въ самомъ высшемъ кругу! Нѣтъ, я увѣренъ, что ваши пьесы имѣли бы снова успѣхъ, если бѣ были возобновлены и хорошо обставлены, и онѣ доставили бы истинное наслажденіе любителямъ искусства. Первое представленіе комедіи Г. Гоголя: *Женитьба*, доказало, что не взирая на представленіе такихъ пьесъ, какъ *Петербургскія квартиры*, *Титулярные Советники* и т. п., изящный вкусъ у насъ еще не погибъ, и что раекъ не преодолевъ ложъ и кресель! Особенно у насъ требуется теперь *народности*, и эта жажда, послѣ долгаго пребыванія въ пустынѣ, удовлетворяется изрѣдка только драмою, а изъ оригинальныхъ комедій одна *Ревизоръ* Г. Гоголя имѣлъ настоящій успѣхъ, хотя и въ *Ревизорѣ* характеры не списаны съ натуры, а созданы воображеніемъ автора. Но комедія забавна, и *своя*, и потому заслужила успѣхъ. На поприщѣ драмы у насъ теперь только три дѣлателя: Н. А. Полевой, П. Г. Ободовскій и Н. В. Кукольникъ. П. Г. Ободовскій занимается болѣе переводами, но въ *Скопий-Шуйскомъ* и въ *Боярынь XVII столѣтія* онъ выказалъ прекрасный, оригинальный талантъ. Н. В. Кукольникъ, писатель съ отягченнымъ талантомъ и воображеніемъ, никакъ не *хочетъ покориться условіямъ сцены*, требующей извѣстнаго расчета времени извѣстнаго со-

чтенія эффектовъ. Пьесы его имѣютъ неоспоримое достоинство, но длинноты монологовъ, длинныя разговоры, и растянутасть въ дѣйствіи вредитъ имъ на сценѣ. Въ чтеніи онѣ гораздо лучше. Н. А. Полевому досталась пальма первенства. Въ краткое время онѣ постыгнувъ сцену и превозмогъ всѣ ея трудности. Почти всѣ его пьесы имѣли блистательный успѣхъ, и всѣ до одной имѣютъ большое достоинство. *Елена Глинской* повредила Шекспировская фантазмагорія и растянутасть, или правильнѣе, расторженность пьесы, въ которой дѣйствіе, какъ въ драмахъ Шекспировыхъ, переносится быстро, за тридцать земель. Но женскій характеръ, именно *Елены Глинской*, созданъ прекрасно! О *Парашѣ Сибирячкѣ* и говорить нечего! Это chef d'oeuvre Н. А. Полеваго! Признаюсь, я самъ не могъ удержаться отъ слезъ! Превосходная пьеса! У Н. А. Полеваго есть оригинальный комизмъ, но онѣ, кажется, не хочетъ имъ пользоваться. Въ сценѣ юдычаго, въ *Парашѣ Сибирячкѣ* и въ маленькой комедіи *Дочь и Откупъ*, удивительно какъ много неподдѣльнаго юмора и натуры! Я вѣрю, что Н. А. Полевой въ состояніи написать прекрасную комедію. Комедію же у насъ гораздо лучше разыграютъ нежели драму, потому что всѣ наши драмы только и держатся высокими дарованіями Василія Андреевича и Александры Михайловны Каратыгинныхъ! Не будь ихъ, упали бы не только Полевой, Кукольникъ и Ободовскій, но провалились бы и Шекспиръ, и Шиллеръ! *Солдатское сердце*, соч. Н. А. Полеваго, пьеса истинно прекрасная, упала съ перваго представленія, потому что въ ней не играли В. А. Каратыгинъ и А. М. Каратыгина!— Позвольте, Князь, сказать вамъ откровенно, что самая важная ваша ошибка, одна, можетъ быть, которая останется въ памяти, это ваше заблужденіе, во время оно, на счетъ дарованія В. А. Каратыгина и А. М. Каратыгиной (урожденной Колосовой)! Я помню это время. Я пользовался тогда особенною вашею благосклонностію, хотя и говорилъ вамъ всегда правду, потому что уважалъ всегда и уважаю вашъ талантъ и ваши заслуги. Мы съ Грибодовымъ никакъ не могли одержать побѣды надъ вами! Вы предпочитали Г. Брянскаго, Каратыгину и дѣвицу

Дюрь (бывшую въ замужствѣ за Петромъ Андреевичемъ Каратыгинымъ) Александръ Михайловичъ Каратыгиной! Бывало, мы спорили до слезъ—по напрасно! Нѣтъ сомнѣнія, что и Г. Брянскій, и дѣвица Дюрь обладали прекраснымъ талантомъ, но сравнивать ихъ съ Каратыгиными было невозможно. Правда, В. А. Каратыгинъ тогда былъ не то, что теперь, ибо въ каждомъ искусствѣ есть постепенность и до верха совершенства надобно дойти по тернистому пути труда и науки. Однако-жь и тогда В. А. Каратыгинъ былъ гениемъ, понималъ совершенно свои роли, и вся его ошибка состояла въ томъ, что онъ, не надѣясь еще на собственные силы, слѣдовалъ иногда стариннымъ преданіямъ о *декламаціи и жестахъ*. Но онъ скоро увидѣлъ свою ошибку, и я помню, что первый его расколъ, который вамъ не понравился, состоялъ въ томъ, что онъ отказался *кантировать* стихи, т. е. *читать на распѣвъ*, какъ тогда было въ обычаѣ, и какъ читалъ сперва самъ Тальма, какъ читали всегда Дмитревскій и Яковлевъ. Это былъ *законъ*, который В. А. Каратыгинъ ниспровергнулъ силою своего таланта, и вмѣсто *напѣва* или *кантированія* Александрійскихъ стиховъ, создалъ свою собственную дикцію, которая, какъ всякое нововведеніе, возбудило противъ себя сопротивленіе въ артистахъ. Вы, какъ представитель драматургін XVIII вѣка, вы также придерживались старины и, увлекаясь прежними понятіями объ искусствѣ, не хотѣли видѣть въ игрѣ В. А. Каратыгина *побѣды генія надъ рутинной*, а видѣли одно сопротивленіе *правиламъ*. В. А. Каратыгинъ *не хотѣлъ*, а вы полагали, что онъ *не умѣлъ*! Вотъ въ чемъ вся ошибка! Александра Михайловна Каратыгина, послѣ удаленія Г-жи Марсь изъ Большаго Французскаго Театра (Théâtre Français) не имѣетъ *равной* себѣ артистки въ цѣломъ мірѣ! Это не преувеличеніе, но такая истина, какъ и та, что нѣтъ въ мірѣ артиста равнаго В. А. Каратыгину. Но для таланта В. А. Каратыгина, есть, по крайней мѣрѣ, *что нибудь*, а таланту А. М. Каратыгиной вовсе негдѣ развернуться на нашей сценѣ. Мы всегда видимъ только по нѣскольку драгоценныхъ алмазовъ изъ сокровища, которымъ обладаетъ А. М. Каратыгина; знаемъ, чувствуемъ и по-

нимаемъ всю цѣну этого сокровища, но съ сожалѣніемъ сознаемъ, что у насъ нѣтъ мѣста, гдѣ было бы можно разсыпать его передъ нами, т. е. у насъ нѣтъ піесъ, въ которыхъ бы А. М. Каратыгина могла выказать всю силу своего великаго таланта! Въ драмѣ она превосходна, но сила ея въ *высшей комедіи, въ роляхъ свѣтскихъ барынь*. Это самая трудная роль въ драматургіи, потому что страсти должно выказывать подъ покровомъ свѣтскихъ приличій, душевный пламень облекать тонкою корою разсудка, и негодованіе выражать ироніей! Такія роли существуютъ во французской драматургіи, но на русской сценѣ онѣ теряютъ большую часть своего достоинства, а русскихъ піесъ съ подобными ролями у насъ нѣтъ. Я помню, что вы предпочитали также М. П. Валберхову А. М. Каратыгиной. М. П. Валберхова артистка съ прекраснымъ талантомъ, но все же не Каратыгина! Время показало вашу ошибку, Князь, и вы, какъ умный человѣкъ, вѣрно не разгнѣваетесь на меня, что я вспоминаю старину, можетъ быть, не совсѣмъ пріятную для васъ. Но въдъ изъ *воспоминаній* и составляется *исторія*, а у васъ столько заслугъ, что одна, двѣ ошибки не въ-счетъ! Мнѣ чрезвычайно хотѣлось бы увидѣть А. М. Каратыгину въ роли *Делевой*, въ вашихъ *Липецкихъ Водахъ*! Помните, Князь, что я говорю вамъ объ А. М. Каратыгиной въ то время, когда у насъ, на французской сценѣ есть Г-жа Алланъ, во всѣхъ отношеніяхъ первоклассная актриса, въ роляхъ высокой комедіи!

← Смерть В. Н. Асенковой нанесла жестокій ударъ нашему водевилю. Нѣтъ спора, что Н. В. Самойлова, умная актриса, поетъ прекрасно, но она имѣетъ особый родъ, и В. Н. Асенкова все таки не заменима. Ловкость и веселость ея поддерживали всѣ водевили! Кромѣ Н. В. Самойловой и сестры ея, я не могу назвать ни одной водевильной актрисы, изъ молодыхъ. Премилыя личики—и только! Но при этомъ случаѣ, проливаю *театральныя слезы* о томъ, что у насъ вовсе не даютъ оперетокъ, т. е. піесъ, которыя даютъ въ Парижѣ, въ *Opéra-Comique*. Родъ этотъ я обозначилъ вамъ въ примѣчаніи. У насъ есть оперная трушна, которая даетъ всѣ *большія оперы* (*Opéra-seria*),

даваемые первую Итальянскою группою въ мірѣ, т. е. группою Парижскаго Итальянскаго Театра, и ложный патриотизмъ увѣряетъ насъ, въ журналахъ, что наша оперная группа не хуже Итальянской Парижской группы!!! Я же, увѣряю васъ, Князь, что до прибытія знаменитой Пасты въ Петербургъ, я не имѣлъ понятія о партіи *Нормы*! О *Танкредѣ* я получилъ понятіе тогда еще, когда престяная Боргондіо была у насъ. О другихъ операхъ Россіи, объ операхъ Доницетти и Беллини я сужу только по пѣнію Г-жи Меласъ, во время существованія у насъ Итальянской группы и по отрывкамъ, а съ Галеви и Мейерберомъ познакомили меня Г-жа Гейнефеттеръ и Г-жа Бишонъ. Что за прелесть роль *Жидоски*, это доказала намъ одною сценою Корнелія Фальконъ, въ бенефисъ Г. Алана. Вы, можетъ быть, не повѣрите, Князь, до какой степени доходить у насъ патриотическій энтузіазмъ, въ нашихъ, такъ называемыхъ, доморощенныхъ дилетантахъ! Одинъ изъ нихъ до того прогнѣвался на меня, за мое сужденіе о Г. и Г-жѣ Петровыхъ, сужденіе, впрочемъ, самое умѣренное, что отослалъ мнѣ обратно Сѣверную Пчелу, которую получалъ отъ меня безвозмездно, по пріязни, и расторгъ со мною знакомство! Виноватъ ли я, что мои уши, слышавшія, во время оно, лучшихъ пѣвцовъ въ мірѣ, не могутъ находить наслажденія въ пѣніи нашей оперной группы! Если я въ этомъ виноватъ, то неумышленно. Музыка — единственная страсть, которая осталась во мнѣ во всей пылкости юношескихъ лѣтъ. Прекрасное женское пѣніе приводитъ меня въ восторгъ, въ самозабвеніе! Но для этого недостаточно одного *голоса*, т. е. органа, надобно еще искусства, чувствованій, жара и страсти, а у насъ, рѣшительно, нѣтъ ни одной пѣвицы, обладающей всѣми этими качествами. У насъ поютъ оперу точно такъ, какъ читаютъ книгу въ своемъ кабинетѣ! Главное, чтобъ пропѣть всѣ нѣты, а какъ—это все равно! Не знаю, думаютъ ли о томъ, что стараніе композитора стремилось къ тому, чтобъ пѣніемъ выразить страсть или положеніе дѣйствующаго лица! Вѣдь человекъ не инструментъ! У Г-жи Петровой прекрасный органъ, чистый контральто, ло одушевленія въ ней чрезвычайно мало, а къ сожалѣнію,

съ нѣкоторыхъ поръ и голосъ ея что-то страждеть. О молодыхъ пѣвицахъ еще нельзя судить рѣшительно, но вообще средства ихъ не обширныя. Г. Петровъ, превосходный баритонъ, также не имѣеть въ своемъ пѣніи Итальянскаго одушевленія. Г. Леоновъ, ролей Торопки, въ Аскольдовой Могилѣ, вдругъ вышелъ изъ толпы, и сталъ на виду. У него очень-пріятный голосъ, родъ тенора, впрочемъ, голосъ болѣе *головой* (*voix de tête, faussette*), и въ Торопкѣ онъ истинно хорошъ, но въ *большихъ операхъ* великихъ мастеровъ — онъ совершенно другой человѣкъ. О молодыхъ пѣвцахъ, прибывшихъ недавно изъ Италіи, я еще не хочу судить. Подождемъ! Но вообще, для меня непостижимо, какъ можно браться за партіи, писанныя для Малибранъ, Пасты, Каталани, Гризи, Персіани, Рубини, Тамбурини, безъ ихъ средствъ и таланта, и еще непостижимѣе, какъ можно утверждать, что наша опера такъ-же хороша, какъ Парижская, потому только, что у насъ даютъ тѣ же самыя оперы, что въ Парижѣ!!!!

Мнѣ кажется, что у насъ, съ нашими средствами, могла бы существовать *комическая опера*, т. е. то, что Парижане называютъ этимъ именемъ. У насъ могли бы разыгрываться превосходно оперетки, въ родѣ *Жоконда* и *Красной Шапочки* и т. п., и въ этой труппѣ Надежда Васильевна Самойлова и братъ ея, Василій Васильевичъ Самойловъ имѣли бы почетныя мѣста. Съ госпожею и господиномъ Петровыми, съ молодыми пѣвицами, съ Леоновымъ, эта труппа имѣла бы отличный успѣхъ, не имѣя нужды работать до упаду, работая не по силамъ. Этотъ родъ, т. е. *оперетка*, удивительно какъ пріятны, и Парижане не могутъ никакъ разстаться съ своею *Opera-Comique*! И у насъ этотъ родъ имѣлъ всегда множество любителей. Музыка въ этихъ опереткахъ легкая, пріятная, удобоисполнимая, и легко бы удовлетворила людей безъ претензій на высокія познанія въ музыкѣ. Этотъ родъ у насъ принялся бы превосходно, и театръ всегда былъ бы полонъ. Теперь въ Парижѣ стали играть, съ величайшимъ успѣхомъ, всѣ оперетки, привлекавшія публику за тридцать или за двадцать пять лѣтъ предъ симъ, и я увѣренъ, что *Жоконда* и у насъ имѣлъ бы снова успѣхъ

Помните ли, Князь, съ какимъ удовольствіемъ посѣщала публика театръ, во время представленія этихъ оперетокъ у насъ, и какъ покойный Кавосъ, которому нашъ театръ такъ много обязанъ, сопротивлялся введенію *большихъ оперъ* на нашу сцену, чтобъ, какъ онъ говорилъ, не компрометировать нашихъ артистовъ! Добрый Кавосъ былъ совершенно правъ! Единственные наши композиторы, господа Глинка и Верстовскій, гораздо лучше бы сдѣлали, если бъ писали небольшія *народныя* оперетки по силамъ и средствамъ нашихъ артистовъ и по мѣрѣ терпѣнія нашей публики. Пусть бы оперетка продолжалась *часа два*, не болѣе, пусть бы была наполнена народными мотивами, безъ притязаній на ученость, и дѣло шло бы успѣшно! Титовъ списалъ себѣ почетное мѣсто въ исторіи нашей музыки, и право, было бы хорошо, если бъ не шагая за Мейерберомъ и Галеви, наши композиторы думали болѣе о насъ, нежели о безсмертіи! Говорятъ, что М. И. Глинка писалъ свою оперу *Русланъ и Людмила* для будущихъ вѣковъ! Такъ зачѣмъ-же насъ, современниковъ, звали въ театръ?

Но всего до адѣе мнѣ то, что наши водевилисты не умѣютъ найти національныхъ сюжетовъ! Сердцу больно читая безпрестанно въ афишахъ: *передѣланный, переведенный, взятый съ французскаго!* Ахъ, Боже мой, неужели у насъ нѣтъ уже на столько *изобрѣтенія*, чтобъ мы не могли выдумать *завязки* водевиля! Куда ни оглянись, вездѣ сюжетъ для *водевиля* или для *шутки!* Вѣдь и мы такіе же люди, какъ Французы, такъ же милы, любезны, добры, просты, смѣшны, т. е. и у насъ есть тоже, что въ цѣломъ мірѣ, въ цѣломъ человѣчествѣ, а наши писатели не хотя взглянуть на русскій міръ и на русское человѣчество, черпаютъ безпрестанно свой умъ и свои остроты изъ Франціи! Если бъ мнѣ шло о жизнь и о благосостояніи, я не подписалъ бы своего имени подъ *переводомъ водевиля!* Ну, что это за литературный трудъ? Берульки.... игрушка! Вы помните бывшаго сотрудника «Сѣверной Пчелы» и водевилиста, который въ «Сѣверной Пчелѣ» подъ каждымъ извѣстіемъ о качеляхъ и подъ переводными статейками въ *смѣси*, выставилъ полное свое

мя и прозваніе! Такому великому писателю прощительно, когда онъ свои плохіе переводы водевилей называетъ самъ *трудами своими, плодами своего ума!* Но истинному литератору, перевесть водевиль—забава, и съ самостоятельнымъ талантомъ должны непременно *сочинять*, а не брать съ чужаго. П. А. Каратыгинъ, Г. Ленскій и Г. Коровкинъ въ состояніи *сочинить* русскій народный водевиль, стоитъ только захотѣть, да присѣсть. Но *передьлки* и *переводишки* безталантныхъ, ищущихъ славы на афишахъ, избаловали даже талантливыхъ писателей, и они также пустились въ *передьлки* и *переводы*, потому-что это легко. Забавно, что у насъ дошло до того, что *переводы* и *передьлки* доставляютъ названіе *сочинителя*, и вотъ и Г. Н. Н. называется *сочинителемъ!!!*

Слезно плачу и умоляю: первое, чтобъ наши драматурги помышляли болѣе *о сценѣ* и писали драмы народныя, не длинныя, безъ семимильныхъ разговоровъ и огромныхъ монологовъ; второе, чтобъ наша *большая опера* или *Opera-Seria* превратилась въ *Opera-Comique*, т. е. чтобъ вмѣсто длинныхъ, тяжелыхъ, *ученыхъ* и *трудныхъ* оперъ, у насъ давали легкія оперетки; третье, чтобъ наши писатели писали комедіи и водевилы съ натуры и чтобъ брали примѣръ съ Грибоѣдова, съ васъ и Н. П. Хмѣльницкаго, писателей *современныхъ*, а потому и заслужившихъ жить въ *потомствѣ!*

О. БУЛГАРИНЪ.

ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКОВЪ.

ГЕТЕ И ГРАФИНЯ ШТОЛЬБЕРГЪ.

(Статья Генрика Блаза).

Въ XVIII вѣкѣ существовало чувство, котораго мы нынѣ болѣе не знаемъ; въ то время можно было имѣть съ умной женщиной связь совершенно-умственную, письменную, если могу такъ выразиться, и никто не думалъ находить этого дурнымъ, даже самъ мужъ, котораго перваго посвящали въ тайны переписки. Это была привязанность, которую не легко опредѣлить, дружба, если хотите, но болѣе нѣжная, болѣе теплая, любовь, которая считала себя только дружбой, наконецъ что-то такое, что, въ мѣрѣ умственномъ, напоминало вѣкѣ рыцарства. Вели журналъ другъ для друга, писали другъ къ другу тысячи бездѣлицъ, которыя нынѣ возбуждаютъ въ насъ улыбку, и плѣняли въ то время. Впрочемъ это нисколько не препятствовало другой любви; если мысль была занята, сердце было занято только въ-половину, а чувства оставались свободными; и потомъ, новая переменна страсти каждый разъ составляла особый эпизодъ, которымъ романъ украшался и разнообразился. Этому-то смѣшанному чувству, которое впрочемъ есть не что иное, какъ чувство Петrarки къ Лаурѣ, отрѣшенное отъ мистицизма XV вѣка, обязаны мы недавно-изданными «Письмами Гете къ Гра-

финѣ Августѣ Штольбергѣ» (*). Удивительное дѣло! Гете и Графиня Штольбергъ никогда не были знакомы лично, и никогда другъ съ другомъ не выдавшись, завели самую дружескую переписку!

Влюбленному Гете непременно надобно было отыскать гдѣ-нибудь нѣжную, сочувствующую душу, всегда готовую принимать тайны его радости или горя, или, лучше сказать, исповѣдь этой непрерывной переходчивости, въ какой находились его собственные чувства, волнуемая то сомнѣніемъ, то вѣрою въ самихъ себя. Безъ третьяго лица, посторонняго въ дѣлѣ, но дающаго совѣты свои немного на-манеръ театральныхъ наперсниковъ, романъ не былъ-бы полонъ. А любовь съ Гете не могла быть ничѣмъ инымъ, какъ романомъ, у котораго свое изложеніе, своя менѣ или болѣе сложная завязка, своя счастливая или несчастная, но всегда заранѣе предвидимая завязка. Бѣдная дѣвушка, по слабости своей попавшаяся въ сѣти, умереть съ горести, какъ Фредерика, или попытается утѣшить себя замужествомъ, какъ эта Лили, исторія которой должно теперь занять насъ. Чтѣ касается до него, до самого Гете, вы увидите, онъ выйдетъ цѣль и невредимъ, и извлечетъ изъ своего приключенія сюжетъ для драмы или для поэмы. Гете, какъ человекъ XVIII вѣка, не упуститъ такого прекраснаго случая анализировать самого-себя; съ самой первой минуты онъ располагаетъ такъ, чтобы и умъ не дремалъ въ немъ въ то время, когда занято чувство; между-тѣмъ-какъ сердце дѣйствуетъ, умъ наблюдаетъ, и наблюденія, собранныя со всею тщательностію, выразятся потомъ въ первомъ героѣ романа или драмы. Вотъ чтѣ называется дѣйствовать по методу, и анализировать страсть по-философски! Сестра двухъ братьевъ Штольберговъ, молодая графиня Августа, какъ нельзя лучше годилась для той роли, какую назначалъ ей Гете въ своемъ романѣ. Такъ-какъ здѣсь дѣло шло вовсе не о томъ, чтобы любить ее или заставить полюбить себя, то совершенное незнакомство,

(*) Gôthe's Briefe an die Gräfin Auguste zu Stolberg, однинъ томъ, въ 18 т., д. Штуттгардъ, у Котты.

въ какомъ позѣ и графиня жили до того времени между собою, не могло быть нисколько помѣхою; еслибъ даже случилось и иначе, то непредвидѣнная и самая любопытная сторона этого приключенія непременно должно была обратиться въ выгоду Гете. Въ-самомъ-дѣлѣ, вообразите себѣ эти знаки рыцарской привязанности, скрѣпленные именемъ уже знаменитымъ, эти письма, которыя, за недостаткомъ убѣжденія, одушевлены гениемъ (убѣжденіе минутное, которому нельзя противоборствовать) и все это, подъ прикрытіемъ двухъ, нѣжно-любимыхъ братьевъ, застасть дѣвушку среди мирныхъ и однообразныхъ занятій провинціальной жизни, и, послѣ-того, скажите, неужели этимъ нельзя воспламенить дремлющее воображеніе, особенно если предположимъ, что дѣвушка отъ природы имѣетъ живую, романтическую голову? Въ этой игрѣ ума и самые ловкіе люди попадались въ-про-сакъ. Вымыселъ и ложь легко забываются; приятно думать и говорить про-себя, что васъ угадали, и въ этомъ туманѣ души, гдѣ смѣшиваются ложь и правда, идеальное и положительное, отвлеченность и существенность, открываются новые горизонты, оживляемые и населяемые по-произволу. Не согласятся съ нами, можетъ-быть, по затѣя Гете, рѣшающагося писать къ молодой женщинѣ, которой онъ никогда не видалъ, которую зналъ только по ея братьямъ, должна была увѣнчаться усѣхомъ уже по одной смѣлости и оригинальности ея. Коль-скоро возбуждена была симпатія, оставалось узнать, какъ эта симпатія выразится. Женщина сколько-нибудь легкомысленная, пылкая, какая-нибудь Беттина, на-примѣръ, непременно бы предалось по-эту со всею страстію. Графиня Августа, какъ женщина хорошо-воспитанная, какъ свѣтская дама, увѣренная въ самой себѣ, приняла этотъ вызовъ гения съ дружескою улыбкой, и установившіяся въ слѣдствіе этой переписки сношенія между ними были таковы, что отъ нихъ родилась глубокая привязанность, — привязанность, которая, послѣ многихъ лѣтъ, угасла по-видимому для того только, чтобъ пробудится въ душѣ графини съ новою силою, подъ вліяніемъ религіи.

Собрание писемъ молодого Гете къ графинѣ Августѣ открывается объясненіемъ ex-ab-urto, такимъ пламеннымъ, такимъ страстнымъ, что переходитъ даже за предѣлы своего назначенія. Съ первыхъ строкъ фантазія художника измѣняетъ себя въ своемъ порывѣ: «Милая... но я лучше никакъ не стану называть васъ: что-бы значило названіе друга, сестры, супруги или невѣсты, что-бы значило даже такое названіе, въ которомъ заключался бы смыслъ всѣхъ этихъ словъ, передъ тѣмъ невыразимымъ чувствомъ? и пр.» Такъ могъ-бы писать Вертеръ или Сень-Прё; очевидно, въ такомъ началѣ скрывается расчетъ на эффектъ, театральное движеніе, которое съ перваго раза превращаетъ въ романическій интересъ интересъ совсѣмъ другаго рода, какой могли себя обѣщать. Къ чему же иначе эти пламенные воззванія къ незнакомой музѣ? Къ этому божеству, для котораго онъ не находитъ названія въ словорѣ любви, Гете будетъ писать — угадайте, о чемъ? О своей страсти къ хорошенькой Франкфуртской дѣвушкѣ! Теперь, для уясненія дѣла, необходимо вывести намъ лицо, остающееся въ тѣни: мы говоримъ о настоящей героинѣ этихъ писемъ Гете къ графинѣ Штольбергъ, объ этой *Лили*, которую любилъ онъ; попытаемся рассказать очаровательный романъ ея, прибѣгая то къ пособію переписки, о которой идетъ здѣсь рѣчь, то къ воспоминаніямъ, какія оставилъ самъ Гете въ сорокъ-третьемъ томѣ своихъ полныхъ сочиненій.

Зимой 1774 года, друзья Гете, горя петербургскимъ представителемъ своимъ знакомымъ молодого поэта, уже знаменитаго, наперерывъ другъ передъ другомъ приглашали его на вечера, дорожа честью показать его свѣту, котораго любопытство тѣмъ-болѣе было возбуждено, что Гете до того времени жилъ очень-уединенно. Разъ, одинъ изъ друзей повезъ его на вечеръ къ нѣкому Г-ну Шенеману, дилеттанту par excellence, который горѣлъ петербургскимъ видѣть у себя автора «Страданій молодого Вертера». Въ ту минуту, когда вошелъ Гете, молодая дѣвушка, хозяйка дома, сѣлась за фортепьяно. Это была Лили. Играли, пѣла-ли она въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, за тѣмъ послѣдовавшихъ — сомнѣваюсь, чтобы Гете могъ

когда-нибудь знать это, и когда Лили, оставая фортепьяно, осыпаясь привѣтствіями и восторгами, подошла къ своей матери, которая представила ее Гете, молодой поэтъ былъ уже влюбленъ. Лили имѣла въ себѣ что-то такое обворожительное, дѣтское, что невольно плѣняло съ перваго раза; — ловкія движенія, смѣлая поступь; — вы бы сказали, что это маленькая волшебница, еслибъ видѣли, съ какой граціей повертывала она свою лебединую шейку, между-тѣмъ какъ хорошенъкая ручка играла густыми доконами ея русыхъ волосъ. Единственная дочь родителей, страстно любившихъ ее, она, по своему богатству и красотѣ, составляла предметъ исканій самой знатной молодежи франкфуртской. Съ перваго раза она произвела и на Гете тоже обаятельное вліяніе, которому никто не въ силахъ былъ противиться. Къ исчисленію ея качествъ прибавлю я, что она, должна-быть, была отъявленная кокетка; достаточнымъ доказательствомъ тому служилъ самый тонъ смиренной кротости и робкаго убѣжденія, съ какимъ Гете силится спятъ съ нею всякое подозрѣніе съ этой стороны. Какъ бы то ни было, страсть Гете скоро нашла сочувствіе. Двадцати-пяти лѣтъ отъ роду, съ его добрымъ лицомъ и прекрасной наружностью, Гете, хоть онъ былъ уже знаменитъ, могъ однакожъ легко обойтись безъ пособія своей знаменитости, чтобы плѣнить сердце хорошенъкой дѣвушки; изъ этого не должно заключить однакожъ, чтобы въ числѣ первыхъ причинъ, побудившихъ Лили предпочесть молодого автора «Страданій Вертера,» не таилось это маленькое чувство тщеславія, въ которомъ не признаются даже и самимъ-себѣ.

Въ стихотвореніяхъ, изданныхъ по смерти Гете, находимъ мы слѣдующую піесу, внушенную первыми тревогами рождающейся страсти:

КЪ БЕЛИНДѢ.

Зачѣмъ такъ необходимо влечешь ты меня въ это царство роскоши? Благородный юноша, развѣ я не былъ счастливъ въ мои дни уединенія? Забытому въ сносѣ мирномъ приютѣ, когда я, при свѣтѣ луны, проводилъ въ мечтахъ золотые часы безмятежнаго счастья, въ то время душъ моихъ знакомъ уже былъ твой милый

образъ. А теперь ужели я тотъ-же человекъ, я, котораго ты удерживаешь при свѣтѣ лампы передъ карточнымъ столомъ, я, который неподвижно стою тамъ передъ лицами, часто невыносимыми? Теперь пѣтушья песня не манитъ меня въ поле; гдѣ ты, мой ангелъ—тамъ для меня любовь и радость, гдѣ ты—тамъ природа.

Вскорѣ съ обѣихъ сторонъ возникла потребность свиданій. Гете приходилъ въ гости къ ея матери, и когда они случайно оставались одни, Лили пускалась разсказывать ему о своихъ дѣтскихъ радостяхъ и печалахъ, и тогда, среди этихъ милыхъ разговоровъ, проскользало признаніе въ какой-нибудь слабости; такъ, напримѣръ, сознавались, что чувствуютъ себя отъ природы одаренными какъ-будто какою-то силою магнетизма, которую — продолжали признаваться — еще недавно употребили въ дѣло — признаніе, отъ котораго тѣмъ-болѣе нельзя было удержаться, что прощенье была уже на устахъ. Вечеромъ влюбленные встрѣчались въ концертахъ, въ спектакляхъ, на раутахъ. «Мои отношенія къ ней, говоритъ Гете, были отношенія молодаго человека къ прекрасной и любезной свѣтской дѣвушкѣ. Только я замѣтилъ, что прежде не подумалъ о требованіяхъ общества, объ этомъ безпрестанномъ ухаживаньи, отъ котораго я никакъ не могъ удержаться. Непреодолимая сила влекла насъ другъ къ другу; мы не могли жить, невидя одинъ другаго; но, увы! сколько часовъ, сколько дней испорченныхъ и потерянныхъ отъ одного того только, что она была окружена людьми!» Кончилась зима, съ ея удовольствіями, ея скукою, настала весна, съ ея загородными прогулками: весной свиданія умножились и, благодаря этому, узы, соединившія эти два сердца, сплелись еще тѣснѣе. Чудесная дача, принадлежавшая дядюшкѣ Лили, и находившаяся за Франкфуртской заставой, въ Оффенбахѣ, была обѣтованною землею, куда стремились оба. «Очаровательные сады, террасы, выходяшія на Маннъ, вездѣ открытый видъ и восхитительные ландшафты; здѣсь было чѣмъ плѣнить всякаго, кто былъ проездомъ или жилъ въ этомъ мѣстѣ; влюбленный не могъ-бы вообразить другаго Эдема для любви своей.» Такое очаровательное мѣсто, оживленное присутствіемъ божества, не могло не привлечь Гете. Цѣлыя недѣ-

ли жилъ онъ тогда въ Оффенбахѣ, нанимая квартиру у одного шелковаго фабриканта и сочинителя комическихъ оперъ, ремесленника по званію, артиста по склонности, присутствіе котораго, по страсти къ музыкѣ Лили, было необходимою въ домъ ея дядюшки. Этотъ артистъ по призванію, превосходный впрочемъ человекъ, раздѣлявшій отъ - всего - сердца любовныя страданія молодыхъ людей, музыкой своей доставлялъ имъ минуты самыхъ счастливыхъ свиданій. Какъ-скоро являлся онъ вечеромъ, тотчасъ сажали его за фортепьяно, и между-тѣмъ-какъ онъ занятъ былъ музыкой, Гете и Лили до глубокой ночи наслаждались блаженствомъ тайной бесѣды. Гете, въ благодарность за услуги этого превосходнаго человека, написалъ ему либретто для оперы. Меньше этого онъ, вѣрно, ничего не могъ сдѣлать.

И всегда приходилъ вечеромъ поздне, и если тамъ были гости, я все таки тѣмъ не менѣе замѣчалъ, какое на все впечатлѣніе дѣлалъ приходъ мой. Какъ-бы мало времени ни оставался я, я всегда заботился о томъ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь быть ей полезнымъ, и никогда не уходилъ отъ нея безъ какого-нибудь съ ея стороны порученія: такой образъ услужливости казался мнѣ всегда самымъ величайшимъ счастьемъ для человека въ подобныхъ сколько обстоятельствегахъ, и я очень удивляюсь, какъ сильно, хотя и итѣмпо, изображается это въ старинныхъ рыцарскихъ романахъ. Что она имѣла владѣнію неограниченную власть — въ этомъ я ни сколько не скрываюсь, и конечно она очень могла позволить себѣ такое тщеславіе: въ подобныхъ встрѣчахъ побѣдитель и побѣжденный торжествуютъ въ одно время, и могутъ любоваться другъ другомъ съ одинакимъ чувствомъ гордости. — Какъ ни опрочетчиво иногда предлагалъ я свои услуги, но тѣмъ-болѣе это имѣло свое дѣйствіе. Я всегда находилъ нашего виртуоза съ огромнымъ запасомъ готовыхъ музыкальныхъ пѣсень; съ своей стороны я также приносилъ разныя новости, частію своей, частію чужой работы, и такимъ образомъ поэтическіе и музыкальные цвѣты у насъ не переводились. Если днемъ разныя дѣла не позволяли мнѣ видѣться съ нею, то прекрасныя вечера, на открытомъ воздухѣ, унижали для насъ случаи быть вмѣстѣ. Вотъ между-прочимъ одно воспомина- для влюбленныхъ очень интересно: — Разъ ввечеру мы долго гуляли въ паркѣ, при очаровательномъ блескѣ луны; проходили по домамъ всѣхъ гостей ея, и простившись съ нею, я не чувствовалъ никакой охоты спать, и рѣшился пуститься на новую прогулку. Желая итереснѣе быть въ удивленіи, съ моими думами и мечтами, я отправился на большую Франкфуртскую дорогу и съѣхъ на ска-

мѣйку, въ безмолвіи самой счаровательной ночи, подъ лазурнымъ сводомъ усіянныхъ звездами неба, чтобы принадлежать только ей и самому себѣ.»

За этими минутами счастливыхъ мечтаній, въ которыя любить онъ говорить самому себѣ: «Я сплю, но сердце мое бодрствуетъ,» слѣдуютъ волненія и бури, часы нетерпѣнія и унынія. Тогда пробуждается въ немъ воспоминаніе о его милой Августѣ, объ этой высокой душѣ, которую избралъ онъ себѣ въ повѣренныя, и Гете снова возвращается къ своимъ письмамъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, что было бы съ нимъ, который такъ не любитъ страданія, безъ этого избраннаго сосуда, назначеннаго для того, чтобы принимать избытокъ чувствъ, которыми переполнена душа его? Гете сказалъ въ одномъ мѣстѣ, что онъ написалъ «Вертера» для того только, чтобы избавиться отъ горячки сентиментальности, которая овладѣла всей Германіей. Если не ошибаюсь, то въ этомъ же значеніи должно принимать и его письма къ Августѣ. И въ нихъ я вижу тоже стремленіе къ освобожденію, освобожденію отъ любви, которая приковала его къ Лили, и отъ которой силится онъ разрѣшиться, какъ разрѣшается въ драмѣ отъ деспотически-гнетущей его идеи. Притомъ для этой существенно-объективной природы любовь могла-ли быть чѣмъ-нибудь инымъ, какъ не идеей? Тщетно восторгается онъ до самозабвенія, тщетно его отрывистый неровный слогъ избличаетъ, порой, волненіе и тревогу: подъ наружнымъ любовникомъ всегда является поэтъ. Въ ту минуту, когда вы болѣе всего хотите вѣрить въ эти терзанія сердца, въ эту тревогу страсти, неожиданная строка, слово, забытое при перевертываніи страницы, пробуждаютъ васъ и въ безпорядкѣ водворяютъ порядокъ. Такимъ-образомъ, вы видите, какъ онъ вдругъ останавливается въ самомъ разгарѣ страсти, и прямо переходитъ къ строкамъ, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: «Не забудьте пробѣжать второй томъ «Iris» если онъ попадется вамъ подъ-руку; въ томъ многое найдете обо мнѣ.» Что болѣе всего для меня портитъ въ Гете романтическое лицо, это совершенное спокойствіе, какое онъ внушаетъ о себѣ съ самаго приступа. Какъ ни кажется

онъ вамъ влюбленнымъ, безумнымъ, пожираемымъ сомнѣніями и страданіями, повѣрьте, что всегда послѣдуетъ рѣшительный кризисъ, когда интересы его положенія и интересы сердца столкнутся вмѣстѣ, и разумокъ, холодный, безстрастный разумокъ, возьметъ верхъ надо вѣтъ-

Привязанность, какую Гете и Лили питали другъ къ другу, достигла своей апогеи: положеніе трудное, въ которомъ, какъ извѣстно, страсти не легко поддерживаются. Ужь если разъ достигли до вершины, надобно спускаться внизъ, и прозаическіе переговоры о женитьбѣ, семейныя разсужденія и заботы должны были нанести первый ударъ этой юной, до того времени беззаботной любви. Лили любила большой свѣтъ; всюду уважаемая по своему значенію и дарованіямъ, хорошенькая дочь Франкфуртскаго банкира привыкла господствовать въ кругу общества, охотно принимая его угожденія и ласкательства. Наклонность молодой дѣвушки къ свѣтскимъ удовольствіямъ прежде всего испугала родителей Гете. Старый юристъ и его жена, воспитанные въ суровыхъ преданіяхъ древняго германскаго дворянства, спрашивали себя, какъ эта молодая, разсѣянная, вѣтряная дѣвушка будетъ приучать себя къ простому, правильному образу жизни, принятому въ ихъ домѣ? Въ-особенности сестра Гете, Корнелія Шлюссеръ, возстала противъ этого союза силою всей своей власти, какую имѣла она надъ умомъ ея брата. Изъ нѣдръ маленькаго городка, гдѣ она съ мужемъ вела довольно-скучную жизнь, эта женщина, не очень чувствительная отъ природы, не переставала поражать сердце молодаго Гете съ тѣмъ ожесточеніемъ, къ какому сестры бываютъ способны въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Въ это время (въ Апрѣлѣ 1775 года) во Франкфуртъ пріѣхали два брата Штольберги. Молодой Графъ Фридерикъ Леопольдъ, пораженный прямо въ сердце парю чудныхъ глазъ, которые не могли принадлежать ему, предпринялъ, въ сообществѣ съ братомъ своимъ Христіаномъ и Графомъ Гаугвицемъ одно изъ тѣхъ меланхолическихъ странствованій, безъ которыхъ, какъ извѣстно,

молодыхъ людей, разогрѣтыхъ виномъ. Вдругъ г-жа Гете, которая за-минуту передъ-тѣмъ вышла, чтобы сходить въ погребъ, вошла въ комнату, съ новымъ запасомъ въ рукахъ—драгоценными и рѣдкими остатками счастливыхъ годовъ, которыя сохраняютъ съ величайшею заботливостію,—и поставивъ на столъ бутылки, которыхъ пурпуровая влага придавала тотъ-же цвѣтъ и самому стеклу, сказала: «Настоящая кровь тирановъ—вотъ она; упивайтесь ею, сколько угодно, только, ради-Бога, не заставляйте трещать мою голову отъ вашихъ грозныхъ рѣчей.»—Да, господа,—воскликнулъ Гете, поднявъ свой стаканъ,—матушка говорить правду, и повѣрьте, что самый величайшій тиранъ на свѣтѣ этотъ тотъ, котораго кровь она вамъ предлагаетъ; къ нему надобно подходить съ осторожностію, потому-что онъ владѣетъ неодолимыми чарами, и духъ его васъ околдуетъ. Ласковый, вкрадчивый, самовластный деспотъ,—назовите мнѣ тирана болѣе ужаснаго! Первые глотки его крови васъ приманиваютъ; чѣмъ-болѣе пьете, тѣмъ-болѣе пробуждается жажда; за каплей непременно слѣдуетъ другая, точно ожерелье изъ рубиновъ, на которое смотришь—и боишься, чтобы не разорвать его.» Очевидно, что при такихъ дружескихъ сношеніяхъ, у нашихъ молодыхъ людей не могло быть секретовъ другъ отъ друга. Юность, поэзія и въ помощь къ нимъ старое вино—долго ли до откровенности? А притомъ изъ четырехъ двое были влюблены—Леопольдъ и Гете; Леопольдъ—беспокойный, пылкій, восторженный, въ томъ кризисѣ страсти, когда любовь, изгнанная изъ сердца, подымается въ голову и испаряется дымомъ; Гете, менѣе тревожный, менѣе бурный, изучающій самого себя въ другихъ, и уже любящій болѣе писать, нежели говорить....

За нѣсколько дней передъ отъѣздомъ своимъ въ дальнѣйшій путь, Штольберги предложили Гете ѣхать съ ними. Романическое странствованіе по ледникамъ швейцарскимъ какъ нельзя лучше отвѣчало сентиментальному расположенію духа, въ какомъ находился влюбленный поэтъ, и потому онъ принялъ предложеніе безъ отговорокъ. «Въ такомъ городѣ, какъ Франкфуртъ, писалъ онъ самъ, безпрестанный прибой и отбой иностранцевъ, пріѣзжающихъ

со всѣхъ сторонъ и разтѣзжающихся во всѣ концы земнаго шара, скоро возбуждаютъ охоту къ путешествіямъ. Уже нѣсколько разъ приходило мнѣ въ голову постраствовать по свѣту; предоставляю судить другимъ, какъ долженъ былъ я принять предложеніе Штольберговъ въ такое время, когда мнѣ предстоялъ на разрѣшеніе серьезный вопросъ — испытать, могу ли я дѣйствительно обойтись безъ Лили, въ такое время, когда тревожное, безпокойное состояніе мѣшало мнѣ заяться какой-нибудь важной работой.» Отецъ Гете съ восторгомъ принялъ проектъ этого путешествія, ожидая отъ него счастливаго результата — того, что Вольфгангъ освободится отъ очарованій сирены; онъ даже уговорилъ своего сына проѣхать въ Италію, и въ особенности убѣждалъ его, чтобы онъ не боялся слишкомъ надолго продлить свое отсутствіе. И Гете уѣхалъ изъ Франкфурта — не прощаясь съ Лили!

Въ дорогѣ Гете скоро перемѣнилъ мнѣніе на-счетъ своихъ спутниковъ. До Дармштадта все шло какъ нельзя лучше; только здѣсь обнаружались нѣкоторые признаки несходства нравовъ. Молодые Графы Штольберги, принадлежавшіе, по происхожденію своему, къ одной изъ первѣйшихъ фамилій Сѣверной Германіи, не позволяя себѣ ни дерзкаго, ни оскорбительнаго обращенія, въ тоже время допускали въ дружескихъ сношеніяхъ своихъ какую-то безграничную свободу, нетерпимость чужихъ мнѣній, что, разумѣется, должно было оскорблять такого человѣка, какъ Гете, который привыкъ къ вѣжливости средняго сословія, къ этикетной скромности добрыхъ Франкфуртцевъ. Въ особенности Леопольдъ, когда случалось ему заводить рѣчь о превосходствѣ любимой имъ женщины и о безнадежности любви своей, не терпѣлъ никакого спора, и будучи безпрестанно въ раздражительномъ состояніи, считалъ личною обидою всякое сравненіе его страсти, его любви съ страстію и любовію Гете. Напрасно, сидя въ коляскѣ, катившейся въ Мингеймъ, Гете силится убѣдить восторженнаго юношу въ томъ, что и другіе могли испытать подобныя страданія, — Леопольдъ слышать ничего не хотѣлъ, такъ-что братъ его Христіанъ, равно какъ

и Графъ Гаугвицъ, должны были вступаться въ разговоръ, чтобы положить конецъ ссорѣ двухъ влюбленныхъ. Тема эта, съ большими или меньшими вариациями, повторялась безпрестанно. Разъ, послѣ трактирнаго обѣда, за которымъ не было недостатка въ винѣ, Леопольдъ вдругъ встаетъ среди вакхическихъ криковъ, и предлагаетъ гостъ за здоровье любимой имъ женщины; потомъ, когда всѣ выпили свои бокалы, онъ восклицаетъ: — «Теперь, господа, бокалы наши, освященные такимъ именемъ, не должны болѣе служить ни на что, и наполнить ихъ снова значило бы профанировать ихъ.» Съ этими словами онъ выбрасываетъ свой бокалъ за окно; собесѣдники слѣдуютъ его примѣру. «Мы повиновались ему, пишетъ Гете; но въ ту минуту, когда бокалъ мой разлетѣлся въ дребезги, мнѣ вдругъ показалось, что меня схватилъ за воротникъ Меркъ.» Это мифистофелическое призваніе Мерка на такую пирушку служить самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что съ сей минуты изъ души Гете исчезло всякое очарованіе на-счетъ Графовъ Штольберговъ. При самомъ началѣ путешествія, Гете встрѣтился съ Меркомъ въ Дармштадтѣ, и злой критикъ, знакомый съ нимъ очень-хорошо, видя, что онъ пускается въ путь съ этими молодыми безумцами, предсказалъ то, что случилось.

Въ Цюрихѣ Гете разстался съ своими спутниками, чтобы сдѣлать визитъ Лафатеру. Еще прежде (въ 1774-мъ году) Женевскій философъ и молодой авторъ «Вертера» видѣлась на берегахъ Рейна; но это свиданіе было минутное; послѣ него ничего не осталось, кромѣ пламеннаго желанія съ обѣихъ сторонъ—когда-нибудь свидѣться снова. Гете, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, намекаетъ на эту встрѣчу за *table d'hôte*, и рассказываетъ, какъ онъ, сидя между Лафатеромъ и Базедовомъ, оплеталъ пулярку, между тѣмъ какъ его сосѣди, по правую и по лѣвую сторону, спорили объ одномъ богословскомъ вопросѣ (*). Какъ бы то ни было, сношенія его съ Лафатеромъ начинаются только съ этого, втораго, свиданія. «Первымъ,

(*) Und er behaglich unterdessen
Hatt einen Hahnen angefressen.

единственнымъ предметомъ нашего разговора, пишетъ Гете, была Лафатерова *Физиономика*. «Въ это время Лафатеръ окончательно обдѣлывалъ его знаменитое твореніе. Видя, что къ нему такъ охотно прѣхалъ великій поэтъ, онъ рѣшился немедленно посвятить его во всѣ тайнства своей системы, сообщилъ ему всѣ свои рисунки, рукописи, и до того воспламенилъ его, что Гете на всю свою жизнь пристрастился къ силуэтамъ, и эта страсть обратилась у него въ горячку, которая въ-послѣдствіи сдѣлалась только перемежающеюся, но никогда его не покидала.

Между-тѣмъ жажда романическихъ впечатлѣній, потребность забытія самого себя, вскорѣ увлекаютъ Гете далѣе. Въмѣсто Штольберговъ, которыхъ онъ оставилъ на дорогѣ, явился новый спутникъ. Спутникъ этотъ—молодой человѣкъ двадцати лѣтъ, происхожденіемъ Пфемецъ, живущій въ Швейцаріи, какъ въ источникѣ реформатскаго ученія, котораго онъ долженъ сдѣлаться проповѣдникомъ, любящій природу и хорошіе стихи, пришелся болѣе по сердцу Гете. И вотъ два молодые друга пускаются странствовать вмѣстѣ, вмѣстѣ взбираются они по вѣковѣчнымъ свѣгамъ, вмѣстѣ плаваютъ по озерамъ, вмѣстѣ посѣщаютъ Кантоны, и вездѣ приняты какъ нельзя лучше, благодаря рекомендательнымъ писмамъ Лафатера. Такъ прошло съ мѣсяць времени; въ одно прекрасное утро, на вершинѣ Сенъ-Готара, въ голову Гете пришла мысль — спуститься въ долины Ломбардіи. Не знаю, можетъ быть я и ошибаюсь, но мнѣ кажется, въ жизни бывають такія обстоятельства, что умъ нашъ, уже рѣшившись на что-нибудь, именно въ эту минуту чувствуетъ себя болѣе перѣшительнымъ, нежели когда-нибудь. Въ это мгновеніе, сила, которая должна рѣшить послѣдствіе, уже не въ насъ, но въ прошедшемъ, котораго побужденія снова оживаютъ и заставляютъ насъ имъ повиноваться. Для примѣра я укажу на Гете въ эту минуту. Находясь между Италіей и Германіей, готовый перейти черезъ черту, отдѣляющую страну поэтическую отъ страны родной, онъ колеблется и остается въ перѣшности. Не видите ли вы здѣсь борьбы между умомъ и чувствомъ, между пламеннымъ воображеніемъ, которое

стремится въ неизвѣданный эдемъ и сердцемъ, кокорое чувствуетъ измѣненіе своей родной стихіи? Въ этотъ разъ, по-крайней-мѣрѣ, сердце возьметъ верхъ. Образъ Лили, на время изгладившійся, вдругъ возстаетъ среди этой суровой природы; Гете вспомнилъ о залогѣ любви, который получилъ онъ во дни счастья (*) и въ первый разъ отъ самаго Франкфурта вынулъ онъ обожаемый талисманъ, къ которому тутъ-же написалъ слѣдующіе прекрасные стихи:

«Воспоминаніе мнущаго блаженства, слабый сувениръ, который я пишу еще на своей шеѣ, такъ тебѣ суждено было служить для насъ болѣе кривыми узами, нежели узы сердецъ нашихъ? Ты являешься мнѣ для того, чтобы продлить быстрые промелькнувшіе дни любви?»

«Какъ ни бѣгу я отъ тебя, Лили, бѣгу черезъ чуждыя земли, черезъ дальніе лѣса и долины, я влеку за собой узы! О, сердце Лили не должно было исчезнуть изъ моего сердца такъ-скоро!»

«Такъ птичка, разорвавъ нитку, которой была она привязана, прилетаетъ въ родные лѣса, влеча за собою остатокъ той нитки — позорный свидѣтель ея вѣны; и что-бы она ни дѣлала, отнынѣ она уже не птица небесная, рожденная польной, — она была чьей-нибудь плтвицей!»

Послѣ этого, Гете ничего не могъ сдѣлать, какъ только взять мѣсто въ почтовой каретѣ — и возвратиться въ Германию.

Когда онъ пріѣхалъ во Франкфуртъ, дѣла уже были не въ томъ положеніи, въ какомъ онъ ихъ оставилъ. Родители Лили, и прежде не-весьма радовавшіеся этому союзу, воспользовались выгоднымъ положеніемъ, въ какое поставилъ ихъ Гете своимъ внезапнымъ отъѣздомъ изъ Франкфурта, и старались убѣдить Лили въ томъ, что она не должна упорствовать въ своемъ словѣ, которое, черезъ такой поступокъ ее жениха, совершенно ей возвращено. Бѣдная Лили не хотѣла ничему вѣритъ, что ей ни говорили, и только плакала. Ни мало не убѣждаясь наружностію, не обвиняя ни сколько своего жениха, она простила ему отъ всего сердца, и всѣми мѣрами старалась

(*) Золотое сердечко, на шнуркѣ, сплетенномъ изъ волосъ.

отыскать законныя причины въ оправданіи его поступка, который наконецъ приписывала она какому-нибудь капризу беспокойной души, раздраженной досадами всякаго рода, какому-нибудь припадку странности или безумія, свойственнаго гениямъ, особенно влюбленнымъ и въ двадцать лѣтъ отъ роду. «Я люблю его, говорила она завсегда, и если онъ не пересталъ любить меня, готова слѣдовать за нимъ хоть въ Америку.» Слова эти были пересказаны Гете; они тронули его, однакожъ не въ такой мѣрѣ, чтобы заставить его одинъ разъ на всегда рѣшиться—быть счастливымъ. Это лихорадочное раздраженіе было ему довольно по сердцу; онъ любилъ, когда другіе слушали, какъ онъ страдаетъ. Прекрасный порывъ на Сепъ-Готтордѣ не оставилъ слѣдовъ; это было ничто иное, какъ блескъ молніи, какъ мгновенная веньшка чувства. Притомъ проѣзжая черезъ Гейдельбергъ, онъ видѣлся съ своей сестрой, которая, разумѣется, не скупилась на убѣжденія, и потомъ, по приѣздѣ его, письма этой своенравной женщины, которая, по видимому, въ этомъ маленькомъ романѣ занимаетъ не послѣднее мѣсто, только болѣе и болѣе поселяли нерѣшимость въ головѣ его. И дѣйствительно, пока продолжалось его отсутствіе, онъ скорѣе вѣрилъ въ разлуку, нежели въ совершенный разрывъ. На Цюрихскомъ озерѣ, на сѣгахъ Сепъ-Готтардскихъ, его воспоминанія, мечты, надежды, были въ полномъ разгарѣ. Когда онъ воротился—все перемѣнилось, и если правда, что для двухъ любящихся безпрепятственное свиданіе послѣ разлуки есть рай небесный, то и то правда, что ни съ какими муками ада нельзя сравнить положенія двухъ любящихся существъ, когда они чувствуютъ при свиданіи, что ихъ разлучаетъ какая-то неумолимая сила. Сшедшись съ Лили, Гете долженъ былъ видѣть въ окружающихъ ее туже принужденность, болѣе раздражительную, болѣе тяжелую, и съ самаго перваго дня послѣ свиданія онъ почувствовалъ, что Лили навсегда для него потеряна.

Съ этой эпохи дѣйствительно начинается періодъ тревоги и грусти, одинъ изъ тѣхъ кризисовъ юности, который можно сравнить съ кипѣніемъ бродящаго вина. Подобно молодому вину, юная кровь очищается въ это вре-

мя отъ паровъ, которыми она проникнута, и готовится потомъ къ благородному старѣнью. Этотъ переходъ отъ юности къ зрѣлому возрасту, родъ нравственной горячки, въ борьбѣ съ которой изнемогають многіе умы, тѣмъ-болѣе здѣсь любопытенъ для изученія, что вы знаете напередъ, чѣмъ онъ разрѣшится. Безпрестанно колеблемый между мыслию объ этой любви, отъ которой онъ не можетъ рѣшиться отказаться, и заботою о своей будущности, которой рисковать боится, онъ отъ Лили переходитъ къ «Эгмонту»: на цѣлую недѣлю запирается въ своемъ кабинетѣ, пишетъ первый актъ, который читаетъ своему отцу; потомъ, не будучи въ силахъ выдержать, онъ бѣгаетъ вездѣ чтобъ только взглянуть на нее, и если въ театрѣ, въ концертѣ, на балѣ, глаза его встрѣтятъ взоръ Лили, если эта бѣленькая ручка, такъ хорошо стянутая перчаткой, слегка коснется его руки, сердце его таетъ, и—онъ снова падаетъ въ безуміе. Среди тревогъ, терзаній, несчастій, можно сказать, единственный ангель-хранитель, который направляетъ стопы его на семь морѣ бурь и волшеній—это Графиня Штолбергъ, его милая Августа, которую любить онъ всею любовью, какъ любятъ женщину — которой никогда не видали. Онъ пишетъ ей письмо за письмомъ; то страстный, какъ Вертеръ; то иѣжный, преданный, какъ братъ, онъ весь въ своихъ письмахъ: грусть, досада, отчаяніе, однимъ-словомъ, все, что оживляетъ въ душѣ его этотъ угасающій пламень, все это отражается въ его маленькихъ запискахъ, набросанныхъ наскоро, на кончикѣ стола, на колышкахъ, какъ случится. Вотъ почему переписка эта, сама по себѣ не имѣя большой литературной важности, имѣетъ всю занимательность романа, если вспомнимъ, какія страсти въ ней высказывались.

25-го Июня, 1775 года.

«Хочу писать къ тебѣ, Августа, милая сестра, хотя очень чувствую, что въ томъ состояніи, въ какомъ я нахожусь, и поля тебѣ едва-ли бы я нашелся, что сказать. И такъ я приступаю. Какъ отъ меня до тебя далеко! Все таки надо надеяться, что явось когда-нибудь мы и свидимся.

«Когда все гнететъ меня, я мысленно обращаюсь на сѣверъ, гдѣ живетъ моя милая сестра, туда, за двести миль отъ меня.

Вчера вечеромъ, ангель мой, какъ мнѣ хотѣлось быть у ногъ твоихъ, сжать твои руки! Съ этою мыслию я заснулъ, и сегодня утромъ проснулся съ нею. Чудная, кроткая душа, ты, которая въ сердцѣ своемъ носишь небо, мнѣ ждуть еще жестокия бурн! Ничего, лишь бы только хотъ на мгновеніе успокоиться на твоемъ сердцѣ! Это молъ мечта, молъ единственная цѣль среди столькихъ страданій. Я такъ часто ошибался въ женщинахъ.... Милая Августа, зачѣмъ не могу я прочесть въ твоихъ взорахъ! Кладу перо.— Не разлюби меня!

Чѣмъ-болѣе чувствуетъ онъ, что Лила не будетъ ему принадлежать, тѣмъ сильнѣе жаждетъ сблизиться съ Августой. Этой безпокойной натурѣ необходимо женское сердце, которое могло-бы, если не замѣнить утраченное божество, то, по-крайней-мѣрѣ, служить сосудомъ, куда могли бы испаряться всѣ эти смѣшанныя, пылкія чувства, которыя задушили-бы его, если-бъ имъ не было исхода. Такъ-какъ Гете очень-хорошо знаетъ, что между окружающими его не найдти ему такого сердца, онъ уничтожаетъ пространство и обращается въ другое мѣсто. Впрочемъ эта отдаленность, не только не вредитъ, но набрасываетъ нѣкоторую поэтическую тѣнь, неопредѣленность какую-то, которая очень гармонируетъ съ положеніемъ души. Женщина, которой никогда не видали, существо, съ которымъ ввели насъ въ сношенія обстоятельства дружескія и поэтическія, скажите, — не заманчивый ли это идеаль? И, если правда, что у людей высшей природы, всякой образъ, хранимый воспоминаніемъ, нечувствительно очищается и съ теченіемъ времени отдѣляется отъ малѣйшей тѣни, въ какой небесной лазури, въ какомъ прозрачномъ эфирѣ должно носиться это видѣніе. Этотъ образъ, созерцаемый мыслию и чувствомъ?

Оффенбахъ, 9-го Августа.

Августа, Августа, успокоительная вѣсточка отъ тебя, дружеское пожатіе руки! Сколько грусти и волненія! Здѣсь, въ комнатѣ молодой дѣвушки, которая составляетъ мое несчастье, не будучи въ томъ несколько виновата, здѣсь, Августа, я потъ уже съ-четыре-часа держу въ рукахъ письмо твое, и читаю его. Оно писано 2-го іюня. Ты просишь въ этомъ письмѣ отвѣчать тебѣ, хоть одно слово, слово отъ сердца; потъ ужъ 5-е августа, а я еще не писалъ.... Письмо, я писалъ, начатое письмо лежитъ на столѣ у меня, но, сердце мое, нуужели я долженъ послать его къ тебѣ, Августа, и

тебѣ долженъ передать горечь, которая въ немъ содержится? Какъ говорить тебѣ о Фредерикѣ, когда въ его несчастьи я оплакиваю только свое? Вѣрь мнѣ, Августа, онъ мѣнѣ меня страдаетъ. Тщетно я цѣлыхъ три мѣсяца рыскалъ по свѣту, тщетно всеми моими чувствами старался впиться въ тысячи новыхъ предметовъ, ангель мой, я опять въ Оффенбахѣ, также простъ, какъ ребенокъ, также свободенъ, какъ попугай въ своей клеткѣ, а ты, Августа, ты отъ меня такъ далеко! Сколько разъ обращался я на смерть! Ночью, сидя на террасѣ, на берегу Майна, я думаю о тебѣ. Такъ далеко! Такъ далеко! Кончится тѣмъ, что у меня закружится голова, и я не нахожу возможности писать къ тебѣ. Но на этотъ разъ я не оторвусь отъ письма до-тѣхъ-поръ, пока не постучатся ко мнѣ въ дверь, не позовутъ меня. А между-тѣмъ, ангель мой, очень часто, въ минуты самыхъ сильныхъ терзаній сердца, очень часто восклицалъ я, призывалъ тебя: «Утѣшься! утѣшься!» Терпѣвнѣ, и мы достигнемъ своего, и ты будешь счастлива въ своихъ братьяхъ, а мы въ самихъ себѣ. Эта страсть будетъ для насъ вихорь, раздувающій пламя; она научитъ насъ, черезъ эту самую крайность, всегда смотреть за собою, быть смѣлыми, рѣшительными, добрыми, и мы будемъ подвинуты туда, куда не достигаетъ дремлющее чувство! Не страдай за насъ, будь тверда. Дай намъ слезу, пожатіе руки, взглядъ твой, отри глаза эти твоей милой ручкой... Одно слово сильное — и мы воспрянемъ.

«Но эту разъ въ день переѣзжаю я предположенія. Ахъ, какъ мнѣ было хорошо съ твоими братьями! Я казался спокойнымъ и страдалъ за Фредерика, который былъ болѣе меня достоинъ сожалѣнія, хотя моя болѣзнь была сильнѣе. А теперь, совершенно одинъ!

«Въ нихъ я имѣлъ тебя, милая Августа, потому-что по любви — вы одно лицо. Августа была съ нами, и мы съ нею. А теперь ничего, кромѣ писемъ твоихъ. Твоихъ писемъ! они жгутъ мое сердце. А между-тѣмъ, когда я открываю ихъ въ благопріятную минуту, вотъ какъ теперь, напримѣръ, они успокаиваютъ меня. Но, увы! очень-часто, когда мое сердце глухо и слѣпо, эти буквы, начертанныя самою вѣжкою дружбою, становятся для меня совершенно мертвы. Ангель мой, какое ужасное положеніе — безчувственность! Ходить ночью ощупью, не небо ли это въ сравненіи съ состояніемъ слѣпнаго? Прости мнѣ этотъ безпорядокъ письма и все прочее. Я столько счастливъ, что могу такъ поговорить съ тобою, столько счастливъ, что могу сказать: «Она будетъ держать въ рукахъ эту бумагу, она! бумагу, до которой я касаюсь, на которой я пишу.» Обожаемое дитя мое! Однако и никогда не могу быть совершенно несчастливымъ. Еще два слова. Теперь я не останусь здѣсь надолго; мнѣ надобно снова пуститься въ дорогу, — уѣхать, — куда?...»

Слѣдуетъ четыре строки точекъ, послѣ чего онъ отвѣчаетъ:

«Эта пустота означаетъ, что я цѣлую четверть часа спялъ погруженный въ мысли свои и въ это время умъ мой облетѣлъ кругомъ свѣта. Горькая судьба не позволяетъ мнѣ избрать середины: я долженъ быть или прикованъ къ одной точкѣ, или служить игралищемъ буйнымъ вѣтрамъ! Какъ вы счастливы, преобразившіеся странники, которые съ тихою и полною радостію каждый вечеръ стряхаете пыль съ ногъ вашихъ, и, какъ боги, веселитесь послѣ дневныхъ трудовъ своихъ... Здѣсь течетъ Мавиъ; какъ-разъ на противоположной сторонѣ простирается Бергенъ, по холму, позади Корнфельда. Ты слышала о Бергенскомъ дѣлѣ? (*) По лѣвую сторону отъ меня сѣрый, непріятный Франкфуртъ, отнынѣ пустой для меня; по лѣвую руку маленькія деревушки, которыя льются по горѣ; внизу садъ и терраса, выходящая на Мавиъ, а на столѣ у меня платокъ, корзинка, косынка. Ничего мы неждемъ верхомъ; въ одномъ мѣстѣ виситъ платье, въ другомъ часы, потому коробки, картонки съ чепчиками, со шляпками. Слышу ея голосъ! Она велитъ мнѣ подождать, пока одѣнется. Милая Августа, я описываю все, что происходитъ вокругъ меня, для того, чтобы черезъ это развлеченіе чувствъ избавиться, если можно, отъ мыслей, которыя меня давятъ. Анна очень удивилась, найдши меня здѣсь. Она спросила меня, къ кому я писалъ, я сказалъ, что къ тебѣ. Прощай, Августа, шип ко мнѣ. Братъ, вероятно, прислалъ тебѣ свои слухоты. Ради Бога, никому не показывай писемъ моихъ.»

Подъ этимъ письмомъ подписано «Der Unruhige» (Безпокойный). Не станемъ смѣяться надъ этою довольно-простодушною сентиментальностью; во времена Жанъ-Жака и его «Confessions» она сошла-бы съ рукъ. А къ-тому-же молодому студенту, который только что написалъ «Вертера» такая напыщенность сердца довольно къ-лицу; ее можно принять здѣсь какъ характеристическую черту эпохи, какъ особенность костюма въ данное время, хотя во всякомъ случаѣ эти тревоги должны возбудить опасеніе. Среди этихъ внутреннихъ диссонансовъ, сквозь эти

(*) 15-го Апрѣля, 1759 г. день достопримѣчательный, въ который Маршалъ де-Брольи, предводительствовавшій французскими войсками, разбилъ союзную армію, которою командовалъ Брунsvикскій Герцогъ Фердинандъ. Этотъ достопамятный день ознаменованъ былъ въ области моды особою прическою à la Bergen, которую дамы изобрѣли въ честь его.

тучи и бури пробивается свѣтлый лучъ, который устраняетъ всякое серьезное опасеніе. Больной и самъ знаетъ, въ минуты даже самыхъ сильныхъ припадковъ, что рано или поздно онъ изцѣлится. И такъ, это только кризисъ, но такой кризисъ, который по важности субъекта, сердце коего избралъ онъ себѣ театромъ, заслуживаетъ наблюденія и изученія. После столькихъ тщетныхъ попытокъ—найти Гете въ «Вертерѣ» не будетъ ли легко узнать «Вертера» въ Гете, изъ тѣхъ любопытныхъ писемъ, которыя предложимъ мы нашимъ читателямъ.

изъ сльдующей книжки.

КАКЪ ЕГО ЗОВУТЬ?

СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

1.

— Маша, я боюсь! Ай, посмотри, что это тамъ такое черное?... И молодая дѣвушка, закутанная въ красивую шубу, невольно схватилась за чугунныя перила узенькой, темной лѣстницы.

— Гдѣ, барышня? спросила слѣдовавшая за нею горничная.

— Вотъ тутъ, прямо....

— Ахъ, это дворовая собака. Не бойтесь, барышня, идите смѣло, она смиренная....

Собака подняла голову, какъ-бы обнюхивая проходившихъ.

— Ну, трезорка, лежи смиренно! сказала горничная, слегка ударивъ собаку по головѣ.

— Ахъ, Маша, если-бъ ты знала, какъ у меня сердце бьется... проговорила тихимъ голосомъ молодая дѣвушка, продолжая осторожно спускаться съ лѣстницы и придерживаясь за перила.

— Мы сейчасъ будемъ на дворѣ, отвѣчала горничная.

— Какъ здѣсь темно.... Маша, гдѣ ты? дай мнѣ руку.

— Извольте, Софья Сергѣевна.

Барышня и горничная вышли на дворѣ; первая остановилась на мгновеніе, оглядываясь съ страхомъ, и наконецъ спросила:

— Куда же теперь?

— На-право, черезъ дворъ, къ воротамъ. Да не бой-тись-же, барышня, смѣлѣе!

Скоро прошли онѣ дворъ и очутились на улицѣ.

Небо было чисто, темно-синяго цвѣта. Морозъ былъ сильный; снѣгъ трещалъ подъ ногами. По обѣимъ сторонамъ улицы тянулись громады каменныхъ домовъ, по которымъ освѣщенные окна усыпаны были какъ звѣздочки.

Лавки были закрыты; ворота вездѣ заперты. Все было тихо, только съ вѣчно-живаго Невскаго Проспекта неся протяжный гулъ. На улицѣ не было ни души.

Софья Сергѣевна стала еще болѣе бояться; она бросала по сторонамъ боязливые взоры, чувствовала, какъ, не-смотря на холодъ, щеки ея горѣли, и не смѣя ступить шагу, она невольно прижалась къ Машѣ.

— Пойдемте далѣе, барышня, авось кого-нибудь встрѣтимъ, сказала бойко горничная.

— Маша, ты не повѣришь, какъ мнѣ страшно....

— Полноте, Софья Сергѣевна, скорѣе; а не то маменька васъ схватится....

Софья Сергѣевна крѣпко прижавъ руку къ сердцу, по-слѣдовала за горничной.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, изъ котораго онѣ вышли, стояли двѣ колоды; у одной изъ нихъ почной извозчикъ, воспользовавшись отсутствіемъ хозяевъ, кормил лошадь, между-тѣмъ какъ самъ, закидывая руки подъ мышки, попрыгивалъ около сапей.

— Спроси его, сказала Софья Сергѣевна горничной, между-тѣмъ какъ сердце ея сильно билось.

— Нѣтъ, барышня, вамъ самимъ надобно.

— Да я не смѣю.... чтó онъ подумаетъ?...

— Свезти, что-ли, барыньки? спросилъ подбѣжавъ извозчикъ.

— Послушай, любезный, робко произнесла Софья Сергѣевна.

— Чтó прикажете?

— Скажи.... скажи.... какъ тебя зовуть?

— Меня? и извощикъ посмѣиваясь подошелъ ближе; Софья Сергѣевна со страхомъ спряталась за Машу.

— Ну, говори же, борода! Мы тебѣ на чай дадимъ, сказала сердито горничная.

— Ой ли? Ну, давайте...

— Дай ему скорѣе и уйдемъ, говорила Софья Сергѣевна голосомъ, едва внятнымъ.

— На, возьми, жадный, да говори скорѣе!

— Зачѣмъ, жадный? Нѣтъ, напрасно, матушка, говори извощикъ, разсматривая серебряную монету при свѣтѣ фонаря: намѣ дѣло извощикье, мужицкое; мы люди бѣдные... иной разъ ѣдешь, ѣдешь цѣлый день...

— Маша, уйдемъ...

— Да говори же, какъ тебя зовутъ?

— Андреюсъ, матушка, Андреюсъ... дай Богъ вамъ здравя и женишка...

Но Софья Сергѣевна его уже не слушала; она почти бѣжала назадъ, къ дому. Маша едва успѣвала слѣдовать за нею.

У самыхъ воротъ, Софья Сергѣевна чуть не столкнулась съ человѣкомъ, закутаннымъ въ енотовую шубу. Она вскрикнула съ испугомъ и отскочила назадъ, схвативъ Машу за руку. Свѣтъ отъ фонаря освѣтилъ лице ея.

— Боже! вскричалъ съ изумленіемъ незнакомецъ, и хотѣлъ подойти къ молодой дѣвушкѣ, но она пришла уже въ себя, скоро вскочила въ калитку и перебѣжала черезъ дворъ, прямо къ черной лѣстницѣ.

Есть время въ жизни молодой дѣвушки, отъ 16-ти до 20-ти лѣтъ, когда кануи 1-го генваря рисуется воображенію ея не одинъ рядъ удовольствій, подарковъ, сюрпризовъ, поздравленій, но еще множество неопредѣленныхъ, таинственныхъ надеждъ и ожиданій. Кончается старый годъ, и въ теченіе наступающаго, новаго, онѣ, можетъ-быть, перемѣняютъ имя дѣвицы, заключающее въ себѣ идею невинности, юности и чистоты сердечной, на другое имя, болѣе серіозное, болѣе важное, исполненное заботъ, попеченій и самоотверженія!... Къ имени, которымъ доселѣ только родные и коротко-знакомые называли ее, молодая дѣвушка мысленно думаетъ присоединить другое

имя... имя, того которому суждено сдѣлаться защитникомъ, путеводителемъ ея.

Кто суженый?

Этотъ вопросъ невольно приходитъ имъ на умъ, и со свойственнымъ женщинамъ любопытствомъ и нетерпѣиємъ, онѣ желали бы заглянуть за завѣсу, скрывающую отъ нихъ будущее...

Софья Сергѣевна, единственная дочь Сергѣя Ивановича и Анны Осиповны Лосевыхъ. Кромѣ хорошепьякаго личика, она обладала еще девятьюстами душами крестьянъ и каменнымъ домомъ въ столицѣ.

Ей минуло передъ Рождествомъ девятнадцать лѣтъ, и большіе глаза ея, обыкновенно живые и веселые, принимали грустное выраженіе, когда она вспоминала, что черезъ годъ, не болѣе какъ черезъ одинъ годъ, ей будетъ 20 лѣтъ!... Этотъ годъ казался ей страшнымъ переходомъ къ тому періоду, когда жизнь *двушкѣ* какъ бы останавливается, когда онѣ болѣе не старѣются — годами, разумѣется. Вообще, Соничка читалась романовъ, и одаренная воображеніемъ пылкимъ и душою восторженной, она составила себѣ *свое* понятіе о людяхъ и жизни.

Наканунъ новаго года Софья Сергѣевна вздумала прибѣгнуть къ гаданіямъ. Все, все предвѣщало ей *исполненіе желаній*. И башмакъ, выброшенный за двери, упавъ, обратившись къ нимъ каблучкомъ, и жженая бумага образовала тысячу фантастическихъ фигурокъ, нѣчто въ родѣ іероглифовъ, которые нашли себѣ прекраснаго толкователя въ Машѣ, и скорлуна грецкаго орѣха, пущенная на воду съ маленькою восковою свѣчкой, весело плавала, и свѣчка не гасла, и наконецъ топленный свинець, несъ plus ultra замысловатыхъ гаданій чисто и ясно образовалъ брачный вѣнецъ, который, миноходомъ сказать, былъ похожъ и на многое другое.

Все единогласно рѣшили, что въ будущемъ году Софья Сергѣевна непременно выйдетъ за мужъ.

Соничка смѣялась надо всѣми предсказаніями, и, краснѣя, называла ихъ глупостями, хотя внутренно радовалась имъ.

— Нѣтъ, барышня, не смѣйтесь, говорила Маша, нѣсколько обиженная: эти предсказанія никогда не обманываютъ; вотъ, на картахъ, такъ это еще не такъ вѣрно, а ужъ.... Ахъ, барышня, прибавила она вдругъ, какъ-бы пораженная внезапною мыслию, хотите ли знать, какъ будутъ звать вашего жениха? О, я знаю средство *вѣрное*, испытанное моими сестрами, кумушкой, свояченицей и многими знакомыми....

Соничка долго не рѣшалась. Ей казалось грѣшно испытывать судьбу, вопрошать будущее... Къ тому же самое невѣдѣнiе, сомнѣнiе имѣютъ въ себѣ нѣчто привлекательное!... Чтѣ дѣлать? Любопытство взяло верхъ, и приведя въ исполненiе вѣрное средство Маши, Софья Сергѣевна узнала, что будущаго супруга, суженаго ея, зовутъ.... Андреемъ!

— Странно! думала она, воротившись къ себѣ и положивъ озябшiя ножки на чугушныя перильца передъ каминъ — странно!... Почему не Александръ, не Владимiръ, не Николай? Андрей!... Кажется, никого изъ нашихъ знакомыхъ такъ не зовутъ?... Андрей... Но кто этотъ человекъ, котораго мы встрѣтили?... Я его гдѣ-то видала; лицо его мнѣ знакомо... И она задумалась.

Тихонько повторяя: «Андрей... Андрей»... Соничка раздѣлась и головка ея опустилась въ мягкiя подушки.

Маша, спавшая въ сосѣдней комнатѣ, слышала какъ барышня ея нѣсколько разъ во снѣ произнесла явственно:

— Андрей....

И лукавая субретка улыбалась.

II.

Говорятъ, говорили, и, вѣроятно, еще будутъ говорить, что въ убранствѣ комнаты молодой дѣвушки отражается внутреннее бытiе ея, скрытое отъ нескромныхъ взоровъ свѣта; постараемся же описать комнатку Сонички.

Она была не велика—въ два окна. Стѣны были покрыты обоями съ розовыми и лиловыми узорами по бѣлому фону. Кресла, стулья и диванчикъ изъ корельской березы, обтянуты были бѣлою шелковою матерiей, также съ лило-

выми и розовыми узорами; занавѣски бѣленькія и чистенькія какъ платье повобрачной, украшали окна.

Этотъ маленькій міръ состоялъ изъ трехъ главныхъ частей: туалета, рояля и библіотеки.

На туалетѣ наставлено было множество бездѣлушекъ: коробочекъ, сткляночекъ, статуекъ и пр.; въ чистомъ, свѣтломъ зеркалѣ нерѣдко отражалось маленькое, прелестное личико Сонички. За красивымъ роялемъ стояла этажерка, на которой главное мѣсто занимали Тальбергъ и Листъ, любимѣйшіе композиторы Сонички. Въ библіотекѣ, въ симметрическомъ порядкѣ и въ красивыхъ сафьянныхъ переплетахъ, разставлены были по полкамъ произведенія Пушкина, Жуковского, Вальтеръ-Скотта, Ламартина, Гете, Шиллера и Гофмана.

На другой день, то есть въ самый Новый Годъ, Софья Сергѣевна сидѣла на диванѣ и разбирала визитныя карточки, бѣлыя, розовыя, голубыя, желтыя, съ загнутыми и оборванными уголками, принесенныя, привезенныя или присланныя къ отцу ея, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, кавалеру многихъ орденовъ и члену многихъ обществъ.

Не читая фамилій, Соничка съ судорожнымъ нетерпѣніемъ обращала вниманіе только на имена.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, стояла передъ зеркаломъ хорошенькая блондинка, лѣтъ 16-ти, веселенькая, съ розовыми щечками и живыми, быстрыми глазами.

— Право, я въ отчаяніи, говорила она смѣясь: всѣ будутъ отличаться въ живыхъ картинахъ у Санковъ; меня одну поставили на второмъ планѣ, да еще въ тѣни...

«Но за то ты прелестна пастушкой! отвѣчала Соничка разсѣянно, и не переставая разсматривать карточки.»

— Ты мнѣ льстишь, сказала блондинка, погрозивъ пальчикомъ и бросивъ въ зеркало самодовольный взглядъ; но чтѣ же такое? Все таки пастушка! прибавила она, выдвинувъ нѣсколько впередъ нижнюю губку; со мною обращаются какъ съ маленькой дѣвочкою... будто бы и я не могу быть величественною, когда захочу? Надѣньте на меня черное бархатное платье съ блондами, корону на

длинный бѣлый вуаль, и тогда увидимъ! Посмотри, Соничка, не правда-ли, у меня величественная походка?...

«Да, Lise, отвѣчала Софья Сергѣевна, невольно смѣясь: ты похожа на королеву, только что вышедшую изъ института.»

— Хорошо, хорошо, сказала блондинка, топнувъ съ досады ножкой по ковру: вы всё считаете меня ребенкомъ, а вотъ, черезъ мѣсяцъ, мы увидимъ.

«Чтоже? не будешь ли ты нѣсколькими годами старше черезъ мѣсяцъ?»

— Неужели ты думаешь, что я вышла изъ института только для того, чтобы представлять живыя картины?

«Ахъ! вскрикнула Соничка, и взоры ея остановились на билетѣ, на которомъ, весьма мелкими буквами на черномъ фонѣ, напечатано было:

Андрей Михайловичъ Терницкій.

— Не можетъ-быть!» прибавила Софья со страхомъ.

— Что съ тобою? спросила съ безпокойствомъ блондинка, и подошла къ Соничкѣ.

— Ничего!... отвѣчала она, вздрогнувъ, и быстрымъ движеніемъ руки скрывъ карточку: ничего, прибавила она принужденно улыбаясь—ничего.... я.... Но ты говорила.... ты.... ты хотѣла мнѣ что-то сказать?

Блондинка недовѣрчиво посмотрѣла на Софью Сергѣевну, потомъ шеннула ей на ухо, съ таинственнымъ видомъ:

— Ты не знаешь, Sophie: я выйду за мужъ!

Соничка съ изумленіемъ посмотрѣла на блондинку, которая пресерьозно, сдѣлавъ утвердительный знакъ головой, прибавила протяжно:

— Да—а!

— Ты?

— Чему-же ты удивляешься?

— Но ты еще такъ молода....

— Опять! Не потому-ли, что я тремя годами моложе тебя?.... А вотъ выйду, выйду за-мужъ! Ну, выйду!

— Не сердись, ma chère Lise, а скажи мнѣ лучше, кто твой женихъ?

— Я тебя люблю, Sophie, а потому не стану секретничать съ тобою. Терницкій сватался, и мама сказала, что онъ прекрасная партія. У него сколько-то тысячъ годового дохода....

— Терницкій! спросила Софія съ величайшимъ изумленіемъ, Андрей Михайловичъ Терницкій?

— Да, Терницкій, le beau poète! Какъ онъ прелестно пишетъ стихи!

— Любишь-ли ты Терницкаго?»

— Какъ-же? отвѣчала Лиза, съ очаровательно наивною: онъ такой bon, такой гениальный.... при томъ-же мама непремѣнно хочетъ, чтобы я за него вышла. Ахъ, ты не знаешь, онъ помѣстилъ въ какомъ-то толстомъ журналѣ стихотвореніе «Къ ней....» это ко мнѣ, и его всѣ такъ хвалили въ этомъ же самомъ журналѣ....

— Но, скажи мнѣ, знаешь-ли ты, что мы не властны располагать собою? Знаешь-ли ты, что черта жизни нашей уже проведена, со дня рожденія нашего на свѣтъ, и что противъ судьбы идти нельзя?...»

— Ахъ, ma chère, я этого не понимаю....

— Ребенокъ! сказала Софія Сергѣевна, крѣпче сжавъ въ рукѣ скрытую въ ней карточку: дай Богъ, чтобы ты всегда имъ осталась!

— Соничка, повторяю тебѣ, что я не хочу, чтобы меня называли ребенкомъ,—и блондинка топнула ножкой, подбѣжала къ роялю, сѣла на табуретъ, поставила ножку на педаль, и пальцы ея быстро забѣгали по клавишамъ, извлекая изъ нихъ самый живой, шумный и оглушительный вальсъ.

Софія Сергѣевна молчала и по временамъ смотрѣла на карточку.

Лиза продолжала играть, мѣшая вальсы, мазурки и галопы въ самомъ странномъ безпорядкѣ; послѣ двухъ рѣзкихъ аккордовъ, она провела однимъ пальцемъ по клавишамъ съ одного конца рояля на другой, и опустивъ руки на колѣни оглянулась и посмотрѣла на Соничку.

— Я открыла тебѣ свой секретъ, сказала она, неужели ты будешь со мною секретничать?

Софья Сергѣевна посмотрѣла молча на Лизу, потомъ показавъ ей мѣсто возлѣ себя на диванѣ, сказала:

— Сядишь и слушай!

Лиза поспѣшно вскочила съ табурета и сѣвъ возлѣ Сонички, смотрѣла на нее съ любопытнымъ вниманіемъ ребенка, готовящагося слушать сказку.

— Знаешь ли, *chère Lise*, какъ зовутъ жениха моего?

— Не знаю.

— Андреемъ! и Соничка замолчала, желая прочесть на лицѣ блондинки, какое впечатлѣніе сдѣлало на нее это имя.

— Андреемъ? Какъ моего! *Mais c'est charmant!*

— Да, но это не все....

— Не все? Конечно. Скажи мнѣ фамилію его?

— Я еще сама не знаю ее.

— Не знаешь? и Лиза не приходила въ себя отъ изумленія. — Но почему-же ты знаешь имя его?

— Слушай: наканунѣ Новаго Года, то есть, вчера вечеромъ, мы гадали. У насъ были нѣкоторые изъ знакомыхъ. Когда всѣ уѣхали, Маша, горничная моя, предложила мнѣ выйти на улицу и спросить у перваго человѣка, который намъ попадетъ, какъ его зовутъ?..»

— Ah, mon Dieu! Какія страсти! И ты рѣшилась?

— Я рѣшилась!

— Ну, что же?

— Перваго человѣка, который намъ попался, звали Андреемъ.

— Ахъ, Боже мой! и Лиза вздрогнула. — Что, если?... О, нѣтъ... Это невозможно! но ты сама говоришь, что все зависитъ отъ судьбы... нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! неправда-ли? И блондинка встала съ отчаяніемъ.

— Что съ тобою, *Lise*?»

— Нѣтъ... мнѣ показалось... Скажи, *Sophie*, вѣдь ты меня любишь? Ты не захочешь сдѣлать меня несчастною?

— Ради Бога, скажи, что съ тобою сдѣлалось?»

— Ничего, ничего. Я спокойна.

Обѣ замолчали.

Анна Осиповна, мать Софьи Сергѣевки, женщина лѣтъ сорока пяти, сохранившая еще остатки прежней тон-

кой, аристократической красоты, если можно такъ выразиться, вошла въ комнату.

— Чтó значить это молчаніе? спросила она съ улыбкой, посмотрѣвъ на молодыхъ подругъ.

— Ахъ, татап, это вы? Мы забавлялись, разсматривая визитныя карточки, отвѣчала Соничка съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

— Чтó-же? продолжала Анна Осиповна, усѣвшись также на диванъ и смотря на Соничку съ материнскою нѣжностью, вызывающею къ откровенности, — неужели ни одно изъ этихъ именъ не заставляетъ тебя задуматься?.. Неужели ни при одномъ изъ нихъ сердце твое не начнетъ биться сильнѣе?

— О, пѣтъ, татап, отвѣчала Соничка разсѣянно, стараясь не смотрѣть на черную карточку, которая какъ магнитъ притягивала ея взоры.

— Однако же, почти всѣ люди, которымъ принадлежать эти имена, приняты въ домѣ нашемъ, какъ друзья.. нравственность молодыхъ людей намъ извѣстна.. всѣ они прекрасно образованы..

— Можетъ быть.

Между-тѣмъ Лиза перелистывала превосходное изданіе «Павла и Виргиній» и любовалась чудесными виньетками.

— Миѣ жаль, что ты сама не замѣтила этого, потому-что, вѣроятно, тебѣ изъ нихъ прійдется выбрать того, кому суждено быть твоимъ мужемъ?

— Увѣряю васъ, татап, что никому изъ *этихъ*,— и Соничка указала на карточки, изъ которыхъ нѣкоторыя упали на полъ — никому не суждено быть мужемъ моимъ... И забывшись, Соничка нѣсколько открыла руку, въ которой держала карточку Терницкаго.

Это движеніе не ускользнуло отъ ревнивыхъ взоровъ Лизы, она увидѣла черную карточку; вспомнила, что Терницкій оставилъ у нихъ такую-же, и съ досадою оттолкнула отъ себя книгу, которая съ шумомъ упала на полъ.

— Ахъ, pardon, произнесла она, наклонясь не столько для того, чтобъ поднять книгу, какъ потому, чтобъ скрыть краску, которая разлилась по щекамъ ея.

— Впрочемъ, продолжала Анна Осиповна, мы еще объ этомъ поговоримъ: давно уже, когда ты была еще такая маленькая, я съ доброю пріятельницею моею строила планы на будущее... на смертномъ одрѣ своемъ, она меня еще просила, чтобъ я не забыла нашего уговора... Кто знаетъ, сбудутся ли наши надежды?...

— Какія надежды?» спросила Соничка съ любопытствомъ.

— Ничего, другъ мой! Ты, можетъ-быть, когда-нибудь узнаешь ихъ. Что, *chère Lise*, продолжала Анна Осиповна, обратившись къ блондинкѣ, которая, надувъ губки, поправляла передъ зеркаломъ локоны: не хотите ли ѣхать съ нами передъ обѣдомъ прогуляться?

— Ахъ, да, *ma bonne Lise*, поѣдемъ съ нами! сказала Софья Сергѣевна.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчала весело Лиза. Предстоящее удовольствіе изгладило минутную горестъ и боязнь ея — лишиться своего поэта.

III.

Было два часа.

Въ красивой комнаткѣ, уставленной роскошною и замысловатою мебелью, вышедшею изъ мастерскихъ Гамбса, молодой человекъ, въ бархатномъ халатѣ, хорошо обрисовывавшемъ талію его, лежалъ на кушеткѣ, устремивъ взоры въ потолокъ, расписанный въ помпейскомъ вкусѣ.

Андрей Михайловичъ Терницкій—поэтъ и свѣтскій молодой человекъ. Онъ не золъ, и не добръ. Сердце его легко и пусто, какъ мыльный пузырь, какъ бальная фраза. До-сихъ-поръ, Терницкій написалъ только нѣсколько посланій «Къ ней», «Къ звѣздѣ», «Къ цвѣтку», въ которыхъ ангелы хлопали крыльями, между-тѣмъ какъ эолвы арфы звучно трепетали отъ дуновения благоухающаго вечерняго вѣтерка, и пр. и пр. По-обычаю, онъ какъ поэтъ, исчислялъ сокровища, хранившіяся въ груди его, и готовъ былъ бросить эти сокровища къ стопамъ той очаровательной женщины, которая пойметъ его, поэта неразгаданнаго и въ слѣдствіе *сею* разочарованнаго. Впрочемъ, онъ готовилъ къ выпуску въ свѣтъ поэму въ семидесяти двухъ картинахъ.

Вотъ нравственная сторона Терницкаго; что-же касается до физической, то онъ былъ блѣденъ, всегда имѣлъ видъ человѣка, сдѣлавшаго преступленіе, и длиною волосъ хотѣлъ, казалось, спорить съ Самсономъ.

Андрей Михайловичъ былъ въ отчаяніи. На дняхъ, читая въ одномъ обществѣ отрывки изъ поэмы своей, онъ чрезвычайно разгорячился, выпилъ стаканъ холодной воды и сильно простудился, а потому въ то самое время, когда столица кипѣла балами и маскарадами, онъ, по предписанію Эскулапа, долженъ былъ сидѣть дома.

Терницкій вскочилъ съ дивана, подошелъ къ окну и побарабанивъ пальцами по стеклу, произнесъ выразительное: Чёртъ возьми!

Потомъ, отойдя отъ окна, онъ закричалъ:

Сенька!

— Что прикажете? спросилъ молодой слуга, какъ-бы въ контрасть барину, краснощекій, плотный и выстриженный подъ гребенку.

— Докторъ не былъ?

— Не бывалъ-съ.

— Да ходилъ ли ты къ нему?

— Два раза былъ-съ, да все дома не заставаля.

— Врешь! онъ вѣрно былъ дома.

— Не могу знать-съ.

А еще докторъ! Въмѣсто того, чтобы бѣжать на помощь страждущему человѣчеству, какъ велитъ долгъ его, чисто филантропическій, исполненный самоотверженія!... О, обязанность доктора — дѣло святое; онъ живетъ не для себя, онъ.... Андрей Михайловичъ остановился и посмотрѣлъ на Сеньку, который стоялъ у дверей, вытаращивъ глаза и слѣдя за всѣми движеніями барина.

— Ну, что стоишь? Пошелъ.»

— Слушаю-съ.

— Постой, дай трубку.

— Слушаю-съ.

— Да скорѣй!

И Терницкій опять легъ на кушетку, и для разнообразія сталъ смотрѣть на паркетъ, напѣвая сквозь зубы какой-то французскій куплетъ.

Сенька принесъ трубку.

— Готово-съ.

Что такое? — и Андрей Михайловичъ продолжалъ смотрѣть на паркетъ.

— Трубка-съ

— Не хочу; пошелъ къ чорту!

— Слушаю-съ.

— Или постой, дай сюда.

Андрей Михайловичъ, противъ правилъ куренія, сталъ дуть въ трубку, и любовался какъ искры фонтаномъ сыпались на мягкій коверъ... тѣли... погасали.

— Глупо! сказалъ онъ, пять минутъ спустя, и отбросилъ отъ себя трубку.

Сенька опять показался въ дверяхъ.

— Васъ, сударь, спрашиваютъ...

— Докторъ? спросилъ Андрей Михайловичъ и живо вскочилъ съ дивана.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Кто же?

— Какой-то баринъ; говорить, что очень-нужно...

Сенька не успѣлъ договорить, какъ въ комнату вошелъ молодой человекъ, высокаго роста. Онъ остановился близъ дверей, и молча смотрѣлъ на Терницкаго. Сенька удалился.

— Что вамъ угодно? спросилъ Андрей Михайловичъ, идя на-встрѣчу вошедшему, между-тѣмъ какъ послѣдній съ грустною улыбкой продолжалъ смотрѣть на Терницкаго и молчалъ.

— Возможно ли!... вскричалъ поэтъ, приставляе въсмотрѣвшись въ благородное и красивое лицо гостя. Это вы... это ты, Намировъ! Прости, другъ мой, добрый и старый другъ мой!... Но я никакъ не ожидалъ... Откуда? Гдѣ пропадалъ? Вотъ уже болѣе пяти лѣтъ, какъ о тѣбѣ ни слуху, ни духу! О, какъ я радъ! Садись, другъ, садись...

— Да, мы вмѣстѣ кончили курсъ въ Университетѣ и съ тѣхъ-поръ не видались; много прошло времени!...

— Цѣлыхъ пять лѣтъ!

— Кажется. Впрочемъ я не считалъ ни дней, ни мѣсяцевъ... не помню, сколько прошло времени и какъ оно прошло...

— Все тотъ-же! Мечтатель... сюжетъ для нашего брата, поэтъ...

— Какъ, Терницкій, ты?...

— Жертвую музамъ, — что дѣлать? Но объ этомъ послѣ; поговоримъ лучше о тебѣ. Гдѣ-же ты былъ?»

— Путешествовалъ, другъ. Не стану описывать тебѣ пребыванія моего за границей, ни дивныхъ контрастовъ, являющихся намъ на каждомъ шагу, ни холодныхъ, положительныхъ Нѣмцевъ, съ умомъ мистическимъ и душою музыкальною; ни непостоянныхъ, но даровитыхъ Французовъ, ни пылкихъ Италіянцевъ-поэтовъ, ни славныхъ развалинъ... обо всемъ этомъ въ другой разъ, и то если вспомню; мнѣ кажется, все это осталось въ памяти моей, какъ неясное ощущеніе чего-то былаго, какъ впечатлѣніе, оставляемое чуднымъ сновидѣніемъ... Я вступилъ въ свѣтъ сиротой. Родители мои умерли, оставивъ мнѣ имѣніе довольно-значительное. Ты знаешь, что я охотно предавался поэтическимъ впечатлѣніямъ; съ душевною горячностью шелъ я на встрѣчу идеямъ новымъ, смѣлымъ и возвышеннымъ; тебѣ одному, товарищу юпошескихъ лѣтъ моихъ, это извѣстно, потому-что когда я разсматрѣлъ поближе этотъ маскарадъ, называемый общественнымъ порядкомъ, то всѣ мечты мои исчезли... Я сталъ жить двойною жизнію; въ себѣ хранилъ я прелестные мечты свои, въ свѣтъ же бросалъ пропію смѣха и равнодушія ко всему чудесному, такъ хорошо понимаемому душою моею. Но, надѣвъ, при вступленіи въ свѣтъ, маску, я не зналъ, что люди всегда будутъ судить обо мнѣ по этой маскѣ, и вскорѣ раскаялся...

Андрей Михайловичъ подаль другу своему сигару и скрестивъ руки на груди, опустился въ кресла, готовясь слушать исторію Намирова.

— Я влюбился какъ школьникъ, продолжалъ послѣдній; но, считая меня существомъ бездушнымъ, та, которую я любилъ, пошутивъ и поигравъ сердцемъ моихъ, вышла за другаго. Я нѣсколько времени мучился, страдалъ и...

выздоровѣлъ. Тогда я сталъ метафизически разбирать женщинъ, и составилъ себѣ нѣчто въ родѣ теоріи любви. Основной камень теоріи моею былъ тотъ, что любви нѣтъ, а существуетъ только удовольствіе... удовольствіе во всѣхъ видахъ, и тѣмъ болѣе пріятное, чѣмъ оно кратковременно. Я уѣхалъ за границу и жилъ только для удовольствій. Вскорѣ мнѣ все наскучило. Что такое вѣчность? подумалъ я однажды утромъ, одѣваясь, и... рѣшился застрѣлиться. Я уже заряжалъ пистолеть, какъ вдругъ получаю извѣстіе, что дядя мой, братъ покойной моей матери, Эстляндскій помѣщикъ, умеръ, оставивъ мнѣ въ наследство порядочное имѣніе близъ Ревеля. Отложивъ самоубійство до удобнѣйшаго времени, я отправился на родину, и поѣхалъ сухимъ путемъ прямо въ Ревель, чтобы осмотрѣть новое владѣніе свое. Я пріѣхалъ въ этотъ городъ въ концѣ сентября нынѣшняго года, и чтобы нѣсколько разсѣяться, отправился на послѣдній балъ, который давали на водахъ, въ залѣ Витта. Люстры тускло горѣли, освѣщая тяжелыя группы краснощекихъ Нѣмочекъ, и тамъ и сямъ мелькали бѣлыя платыща, носившія въ граціозныхъ движеніяхъ своихъ — отпечатокъ петербургскій, столичный. Я прислонился къ одной изъ колоннъ, и слѣдилъ за лѣниво сходящимися парами. Вдругъ...

Намировъ провнесъ послѣднее слово громче другихъ, такъ что Терницкій, начинавшій уже дремать и съ петербургскимъ поглядывавшій на часы, невольно вздрогнулъ и повторилъ:

—Вдругъ?...

— Вдругъ увидѣлъ я существо прелестное, продолжалъ Намировъ, съ жаромъ схвативъ руку пріятеля своего: молодая дѣвушка, лѣтъ семнадцати или осьмнадцати... О, другъ, я не найду словъ, чтобы описать тебѣ красоту ея.

—Предоставь это намъ, поэтамъ:

Темнѣ ночь

Очи,

Яснѣ днѣ

Взоръ ея, и пр. и пр.

импровизировалъ Терницкій.

— Я слова полюбилъ жизнь. Одною мгновеніемъ, одного взора ея достаточно было, чтобъ преобразить меня... Баль кончился, всѣ разѣхались, а я, не обращая вниманія и даже, какъ бы не понимая того, что происходило вокругъ меня, все еще стоялъ прислонившись къ колоннѣ...

— Но кто же эта красавица?

— Не знаю, отвѣчалъ Намировъ, глубоко вздохнувъ и нахмуривъ брови.

— *Par exemple!* Неужели ты не справлялся?

— На другой день нѣсколько семействъ воротилось въ Петербургъ, и всѣ поиски мои были тщетны.

— И ты рѣшительно не знаешь?...

— Слушай, продолжалъ Намировъ съ мрачнымъ видомъ: дѣла задержали меня въ имѣніи до самаго Рождества. Наконецъ я могъ ѣхать въ столицу. Я уже нѣсколько дней ищу тебя по театрамъ, по Невскому, и нигдѣ не нахожу....

— *Je suis bien!* Вотъ уже пять или шесть дней, какъ немилосердый Эскуланъ мой держитъ меня подъ арестомъ....

— Ты боленъ?

— Ничего, бездѣльца! Простудился; но продолжай....

— Наканунъ новаго года, я проходилъ по Владимірской, поздно вечеромъ, и у одного дома встрѣтилъ двухъ женщинъ; одна изъ нихъ испугалась, вскрикнула и отступила; свѣтъ фонаря ударилъ ей прямо въ лицо, и я узналъ....

— *Eh bien?* спросилъ съ любознательствомъ Терницкій.

— Мою Ревельскую красавицу, отвѣчалъ съ презрительною улыбкой и бросивъ сигару въ песочницу, Намировъ.

— Андрей Михайловичъ громко засмѣялся.

— *Parдон,* проговорилъ онъ наконецъ, стараясь удерживаться отъ смѣха: извини! ха, ха, ха! Но этотъ во-сторгъ.... эта встрѣча.... ха, ха, ха!... разочарованіе.... ну, что-же, ты не попросилъ позволенія проводить ее до дому?

— Я не успѣлъ еще прійти въ себя, какъ она вскочила въ калитку дома, возлѣ котораго мы стояли, и исчезла....

— И ты, вѣроятно, совершенно излечился отъ своей страсти?

— Къ стыду своему долженъ признаться, что эта любовь... да! я страстно полюбилъ ее!— эта любовь такъ вкоренилась въ сердцѣ моемъ, что....

— Э, полно! Если твоя ночная встрѣча тебя не излечила, то я берусь это сдѣлать! Начиная съ сегодняшняго вечера, я ввожу тебя въ общества, въ которыхъ я коротко знакомъ, и ты встрѣтишь другія «очи, темнѣ ночи!...» А ргорос, знаешь ли, я думаю остепениться? Да, хочу жениться! Надобно, топ срег, право надобно! Но, постоѣй, мы и тебя женимъ!...

Намировъ печально покачалъ головой.

— Дохтуръ-сь! доложилъ Сенька.

IV.

Кучера и лакеи суетились около дома Сергѣя Ивановича Лосева. Фонари у подъѣзжавшихъ каретъ образовывали въ воздухѣ движущіея огоньки, перерѣзывавшіеся во всѣхъ направленіяхъ. Топотъ лошадей, крики кучеровъ, шелканіе каретныхъ дверецъ и подножекъ, отрывистые звуки оркестра, доходившіе по временамъ до улицы, и тѣни, мелькавшія за ярко-освѣщенными окнами, составляли картину самую чудную, фантастическую!

У подъѣзда остановился возокъ. Легкимъ движеніемъ руки, кучеръ осадилъ красивыхъ лошадей, отъ которыхъ подымался бѣловатый паръ. Изъ кареты выскочили Терницкій и Намировъ и скоро побѣжали вверхъ по широкой парадной лѣстницѣ.

Въ передней помѣщены были музыканты, съ любопытствомъ заглядывавшіе въ залу, гдѣ шумно и весело расхаживали гости.

Одна Софья Сергѣевна была не весела. Съ какимъ-то безпокойствомъ, смѣшаннымъ съ нетерпѣніемъ, она часто поглядывала на дверь. Ни приготовленныя фразы, внезапно мелькающія въ головѣ молодыхъ онагровъ, ни любезность, ни остроуміе ихъ, ничто не занимало ее. При каждомъ появленіи новаго лица, она прерывала въ самомъ интересномъ мѣстѣ рѣчь о жизни, о разочарованіи и пр., спрашивая оратора:

— Кто это? Connaissez vous ce monsieur?

И говорившій подносилъ къ глазу совершенно бесполезный лорнетъ.

— Вѣдь это ****, отвѣчалъ онъ.

— Но какъ его зовуть? имя его? продолжала Соничка.

— Ah, ma foi! отвѣчалъ пожавъ плечами молодой человекъ, и Соничка съ недовольнымъ видомъ отъ него отворачивалась.

Но сигналъ поданъ. Кавалеры засуетились, забѣгали, или, лучше сказать, зашаркали.... Суматоха. Мало по малу все приходитъ въ порядокъ. Пары установились; монотонная чернота фраковъ и сухость контура мундировъ получили нѣкоторую жизнь смѣшеніемъ съ воздушными, прелестными формами бѣленькихъ, розовыхъ и голубенькихъ платьицъ.

И вотъ скользятъ, встрѣчаются, переходятъ, забѣгаютъ, пересѣкаются, кружатся....

Между тѣмъ маленькій, черный человекъ, съ орлинымъ носомъ, съ бакенбардами, выведенными на подобіе запятыхъ, въ золотыхъ очкахъ, скользитъ между парами, не задѣвая никого, не мѣшая никому, и тамъ и сямъ отдаетъ карту; избранные уходятъ въ отдаленную комнату, куда изрѣдка, въ растворяющіяся двери, врываются звуки бальной музыки....

Терницкій и Намировъ вошли въ залу и пробрались до хозяевъ.

Лизавета Ивановна Бинская, увидѣвъ вошедшаго Андрея Михайловича, невольно бросила ревнивый взглядъ на Соничку, но послѣдняя не замѣтила вошедшихъ и со вниманіемъ слушала молоденькаго прапорщика съ серебряными эполетами.

— Терницкій въ восторгѣ отъ него, говорилъ онъ; онъ описывалъ намъ его какимъ-то Байрономъ, какимъ-то.... удивительно! Впрочемъ, Андрей Михайловичъ поэтъ и слѣдовательно легко увлекается....

— Но вы мнѣ не сказали еще, какъ зовутъ друга Г-на Терницкаго?» спросила Софья Сергѣевна.

— Pardou, право забыть... Впрочемъ, позвольте... Кажется, Намировъ?

— Намировъ? повторила Софья Сергѣевна, какъ бы припоминая, гдѣ она слышала это имя:—эта фамилія мнѣ знакома....

— Врядъ ли? У насъ Намировыхъ нѣтъ, они московскіе. Впрочемъ, пріятель Андрея Михайловича прямо изъ Университета отправился за границу, гдѣ жилъ до-сихъ-поръ, большею частію съ артистами, какъ говоритъ Терницкій, и самъ напитался артистическимъ духомъ....

— Намировъ... такъ точно... Это долженъ быть сынъ той Намировой, о которой маменька такъ часто говоритъ... думала Соничка, и прервавъ прапорщика, она спросила:

— Вы видѣли его?

— Такъ, мелькомъ. Онъ высокъ ростомъ, довольно хорошъ собою, знаете, une de ces figures, на которыхъ невольно засматриваешься. Впрочемъ, я увѣренъ, что онъ будетъ у васъ; Терницкій возитъ его всюду съ собою, они неразлучны.... Но вотъ Андрей Михайловичъ, а съ нимъ....

Онъ не успѣлъ выговорить, какъ Терницкій съ Намировымъ подошли къ Софьѣ Сергѣевнѣ; съ другой стороны скоро подошла къ ней Лизавета Ивановна, слѣдившая за всѣми движеніями Терницкаго.

— Мсьё Намировъ, — сказалъ поэтъ, представляя друга своего Софьѣ Сергѣевнѣ: недавно воротился изъ-за границы; по старой дружбѣ и товариществу, я взялся быть его чичероне въ нашемъ петербургскомъ мірѣ... надѣюсь и желаю, чтобы радушное русское «добро пожаловать» встрѣчало его вездѣ....

Краснорѣчіе Андрея Михайловича истощилось; онъ остановился, надѣясь, что Намировъ заговоритъ, но ошибся.

Намировъ молчалъ, и не сводя глазъ съ очаровательнаго личика Софьи Сергѣевны, казалось, забылъ, гдѣ находился. На лицъ его, въ одну секунду, попеременно выразились радость, изумленіе, испугъ и горестная иронія.

Соничка хотѣла было принять Намирова, какъ обыкновенно принимаютъ новое, нѣсколько интересное лице, но разсмотрѣвъ его внимательно, какъ бы испугалась, отвела отъ него взоры и опустила ихъ въ землю!

Лиза не замѣтила замѣшательства Намирова, она видѣла только смущеніе Сонички и не понимала, отчего Андрей Михайловичъ вдругъ замолчалъ.

Молоденькій прапорщикъ съ удивленіемъ смотрѣлъ попеременно на дѣйствующія лица этой тѣмой сцены, и проводилъ указательнымъ и большимъ пальцемъ правой руки надъ губами, тщетно отыскивая усы.

— Она! подумалъ съ горестію Намировъ.

— Онъ меня узналъ! Эта мысль подобно молніи блеснула въ умъ Софьи Сергѣевны.

— Что съ ними сдѣлалось? думалъ Терницкій, не приходя въ себя отъ изумленія.

— О, теперь нѣтъ никакого сомнѣнія! подумала съ горестію бѣдная Лиза и готова была заплакать.

— Вотъ, чортъ возьми, что значить побывать за границей! Одинокъ взглядомъ сразилъ: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ! О, я непременно долженъ ѣхать за границу.... такъ рассуждалъ молоденькій прапорщикъ и поморщился, нечаянно ущипнувъ губу.

Молчаніе становилось тягостнымъ.

Къ счастью раздался звукъ вальса Штрауса. Прапорщикъ подскочилъ къ Лизѣ, но она, какъ-бы не замѣтивъ его, подала руку Терницкому, боясь, чтобы онъ не ангажировалъ Сонички, которой Намировъ молча подалъ руку; прапорщикъ схватилъ первую попавшуюся ему барышню, и быстро пары понеслись за парами, пересѣкая группы, не успѣвшія еще разойтись.

Мало по малу всѣ посторонились, и вальсирующие образовали кругъ живой, веселый, разнообразный....

— Вы не веселы.... что съ вами? говорилъ поэтъ Лизѣ, быстро кружась съ нею.

Она не отвѣчала, только нахмурила брови.

— Вы сердитесь?... За что?

— *Laissez-moi tranquille!* Я несчастна, и грудь Лизы высоко подымалась отъ.... скорого круженія.

— Вы несчастны?... Но кто могъ васъ огорчить?

— Не притворяйтесь! Я все знаю.

— Все? Я не знаю ничего.

— Неумѣстная шутка.

— Слѣдствіе вашей холодности. Послушайте, Лизавета Ивановна, вы поступаете со мною жестоко, между-тѣмъ-какъ въ послѣдній разъ, у Санковыхъ, вы были такъ очаровательно-милы. Я не могъ сомкнуть глазъ во всю ночь.... образъ вашъ носился предо мною и сладостнѣйшія чувства, волновавшія грудь мою, излились въ поэтическихъ словахъ, которыя я посвятилъ вамъ и хотѣлъ отдать вамъ сегодня-же.... и Терницкій все кружился, обнявъ одною рукою талію Лизы.

— Вы меня не обманываете?... спросила она, и ручка ея, покоившаяся на плечѣ поэта, затреникала.

— Прочтите и судите.... произнесъ онъ, опуская Лизу на стулъ и ловко вложивъ ей въ руку сложенный листокъ розовой бумаги.

Въ это самое время Намировъ провальсировалъ съ Софьей Сергѣевной, молча отвелъ ее на мѣсто и занялъ возлѣ нея пустой стулъ.

Онъ вспомнилъ ночную встрѣчу; брови его на мгновеніе нахмурились, и двусмысленно улыбаясь, онъ сказалъ Соничкѣ:

— Мы не совсѣмъ чужды другъ-другу.

— Какимъ образомъ? и сердце ея сжалось

— Матушкаваша была связана тѣсною дружбою съ моею матерью.

— А!—и Соничка свободнѣе вздохнула.— Вы долго были за границей? продолжала она, послѣ вѣктораго молчанія.

— Пять лѣтъ.

Къ-счастію Сонички, подошелъ къ нимъ Терницкій. Не прошло минуты, какъ съ другой стороны явилась Лиза и сѣла возлѣ Сонички.

Вскорѣ завязался одинъ изъ тѣхъ салонныхъ разговоровъ, пустыхъ въ сущности, но въ подробностяхъ котораго такъ легко отличить человѣка умнаго отъ.... неумнаго.

Разговоръ веселый, живой и разнообразный имѣлъ благодѣтельное дѣйствіе на Намирова, который, забывъ то, что его мучило, видѣлъ только свѣтлые глаза Сонички, которая слушала его съ удовольствіемъ. Она даже надула губки и неохотно протянула руку молодому оагару,

пришедшему ангажировать ее, и не обращая вниманія на его кудрявыя фразы, думала:

—Какъ зовутъ его? Отъ кого узнать?

Намировъ не хотѣлъ танцевать, и оставшись одинъ, задумчиво слѣдилъ за граціозными движеніями Сонички; онъ положилъ руку на спинку стула, на которой наброшенъ былъ бѣленькій батистовый платокъ. Онъ нечаянно дотронулся до платка и подъ рукой его захрустѣла тонкая, сатирированная бумага.

Намировъ вздрогнулъ, холодъ пробѣжалъ по всемъ жиламъ его.... Не смотря на странную встрѣчу наканунѣ Нового года, онъ любилъ Соничку всемъ жаромъ первой истинной любви; онъ даже начиналъ думать, что то была не она, что онъ ошибся.... но вотъ вдругъ въ рукахъ его платокъ ея, и въ этомъ платкѣ бумажка, тоненькая, цѣлая и пахучая, какъ любовная записочка!...

На балахъ часто случается, что красивое писемцо, пущенное въ обращеніе съ бѣльшимъ или меньшимъ искусствомъ, достигаетъ до своей цѣли, безъ всякой портовой платы. До-сихъ-поръ еще почтовое правленіе не выдумало средствъ къ прекращенію этого злоупотребленія.

Платокъ былъ въ рукахъ Намирова; онъ судорожно сжалъ его и спряталъ въ карманъ; онъ не разсуждалъ — онъ дѣйствовалъ.

Эта записка, думалъ онъ, объяснить мнѣ все.... но, какое право имѣю я на любовь ея? Чѣмъ заслужилъ я ее? Смѣю ли я жаловаться, если она любитъ другаго? Ужасная мысль!... Да, я имѣю право на любовь ея, потому что во-первыхъ, уже матери наши составляли планы о бракѣ наше ъ, а во-вторыхъ, я люблю ее такъ, какъ никто и никогда не будетъ любить ее!

И въ слѣдствіе этого заключенія, платокъ съ запиской остался у него, и въ продолженіе всего вечера, Намировъ мучился не менѣе того Спартаца, который скрывалъ подъ полой украденную ясицу.

Онъ рѣшился не говорить съ нею ни слова, пока не узнаетъ содержанія злополучной записки, а между-тѣмъ зоры его непрерывно слѣдили за нею, и въ каждомъ мо-

людомъ челоуѣкъ, подходившемъ къ ней, онъ думалъ видѣть соперника.

Соничка, не постигая почему Намировъ удалялся отъ нея, невольно занималась имъ, и всякій разъ, когда обращала къ нему взоры, то встрѣчала большіе, огненные глаза Намирова, покоившіеся на ней съ выраженіемъ, котораго она не могла назвать равнодушнымъ.

Баль кончился ужиномъ; потомъ всѣ разъѣхались.

Намировъ, прапорщикъ и еще нѣсколько молодыхъ людей отправились къ Терницкому.

У.

Дымъ отъ трубокъ и сигаръ наполнялъ хорошенькую квартиру Терницкаго.

Посреди одной изъ комнатъ стоялъ открытый ломберный столъ; вокругъ стола нѣсколько молодыхъ людей; на столѣ карты и деньги, деньги и карты.

— Тебѣ нѣтъ сегодня счастья, Терницкій, говорилъ одинъ изъ молодыхъ людей.

— Онъ горячится, сказалъ прапорщикъ, ему только писать стихи!

— И заемныя письма! прибавилъ одинъ изъ игравшихъ.

— И то и другое хорошо! отвѣчалъ Терницкій: вы не знаете, господа, что иногда со стихами легче выйти въ люди, чѣмъ съ чистѣйшими перчатками и моднѣйшимъ фракомъ. По моему изъ поэзіи другой пользы и извлечь нельзя.... Репутація поэта тоже, что аромать наччули.... дамы любятъ и то, и другое....

— Терницкій, ты опять проигралъ. Ты сегодня чрезвычайно откровененъ; скажи-же намъ, какимъ образомъ ты пишешь стихи? спросилъ смѣясь прапорщикъ.

— Вопросъ болѣе чѣмъ наивный. Надобно родиться поэтомъ, замѣтилъ Андрей Михайловичъ, бросивъ презрительный взглядъ на спрашивавшаго: душа моя подобна лирѣ—все, выходящее изъ разряда обыкновеннаго, извлекаетъ изъ нея звуки.... Кто изъ васъ не знаетъ собранія моихъ *опытовъ*?

— Да, да! закричали многіе, ты напечаталъ ихъ для друзей, въ розовой оберткѣ, въ осьмую долю листа!

— Знаете ли, что каждое стихотвореніе имѣло своего вдохновителя, продолжалъ Терницкій, или, лучше сказать, вдохновительницу....

— Помилуй, братецъ, да тамъ болѣе сорока стихотвореній....

— Кажется, отвѣчалъ Терницкій, зѣвнувъ:— опять проигралъ, прибавилъ онъ: будетъ! Не хочу больше!

— Еще одинъ разъ....

— Прощайте, господа.

— Всѣ засмѣялись.

— Еще разикъ затянутся, торопливо произнесъ прапорщикъ, всасываясь въ янтарь.

— Прощай, поэтъ!

— Спокойной ночи, прозаики!

Всѣ разошлись.

Остался одинъ Намировъ, не участвовавшій въ игрѣ и задумчиво сидѣвшій въ нѣкоторомъ отдаленіи.

Терницкій посматривалъ на него, какъ-бы ожидая, что онъ возьмется за шляпу, но Намировъ не трогался.

— О чемъ задумался?

Намировъ вздрогнулъ, взялъ руку Андрея Михайловича и вздохнувъ сказалъ:

— Я нашелъ ее!

— Кого? спросилъ съ удивленіемъ Терницкій; потомъ вдругъ понявъ, о комъ шла рѣчь, и не дожидаясь отвѣта, прибавилъ: Твою ревельскую красавицу? Гдѣ? Какимъ образомъ?

— Она любитъ другаго.

— Другаго? Во-первыхъ это не отвѣтъ, а во-вторыхъ скажи, кто этотъ другой?

— Не знаю.

— Не знаешь? Андрей Михайловичъ невольно повторялъ слова друга своего. Помилуй, да это что-то загадочное, таинственное.... почему-же ты знаешь, что она любитъ другаго?

Намировъ не говоря ни слова, вынулъ изъ кармана розовую записочку, на которой мельчайшими буквами написаны были стихи: «Ночь послѣ бала»; подъ стихами находились еще слѣдующія слова:

«Да, я васъ люблю! Люблю слушать очаровательные звуки вашихъ рѣчей, люблю впиваться взорами въ свѣтлую лазурь вашихъ очей; они озаряютъ мракъ безсонныхъ моихъ ночей, какъ тысячи свѣтлыхъ, солнечныхъ лучей!»

A vous roug la vie.

—Читай! сказалъ Намировъ, подавая записку Терницкому.

—Что я вижу! вскричалъ послѣдній, схвативъ розовую записочку и бросивъ на нее бѣглый взглядъ. О, ужась!

—Да, о ужась! Типерь я вижу, Терницкій, что ты мнѣ истинный другъ, ты понялъ, какъ я мучусь....

—Какъ-же, какъ-же, отвѣчалъ разсѣянно Андрей Михайловичъ, не спуская взоровъ съ розовой записки — да я ужасно мучусь, то есть, ты мучаешься... Но скажи мнѣ, какъ досталась тебѣ эта записка? и онъ съ комическимъ отчаяніемъ смотрѣлъ на друга своего.

—Я... я нашель ее, отвѣчалъ Намировъ, нѣсколько смущенный.

—Гдѣ?

—Я буду съ тобою откровененъ. Она была увязана въ платкѣ, которымъ я завладѣлъ.

—По какому праву?

—По праву влюбленнаго и ревнивца.

—Слѣдовательно та, которой принадлежитъ этось платокъ.... продолжалъ допрашивать Терницкій, съ возроставшимъ безпокойствомъ.

—Та самая, которую я видѣлъ въ Ревелѣ....

—Это еще не бѣда! Но ты мнѣ говорилъ что.... что.... ну, чортъ возьми! ты самъ знаешь что! И Терницкій съ досадой смялъ въ рукахъ бумажку.

—Что я встрѣтилъ ее послѣ или около полуночи на улицѣ... Это правда.

—Ай, ай, ай! Поэтъ сморщился, провелъ рукою по затылку и сталъ прохаживаться по комнатѣ скорыми шагами: Que le diable m'emporte! Да я чуть не попалъ въ просакъ! А, сударыня, вы по ночамъ прогуливаетесь по улицамъ, вы.... вы.... стыдно, сударыня, нехорошо!..

—Благодарю тебя, другъ, за участіе.

Андрей Михайловичъ остановился, съ удивленіемъ по-смотрѣлъ на Намирова и отвѣчалъ хладнокровно:

— Не за что. Да это просто непостижимо, продолжалъ онъ, просто непонятно!... Послушай-ка Намировъ, не ошибся ли ты? Точно ли ее ты видѣлъ? А? скажи, братъ, пожалуйста? Сдѣлай одолженіе.... потому-что.... кто обижаетъ друга моего, тотъ.... тотъ обижаетъ меня! да, тотъ обижаетъ меня!... Точно ли ты видѣлъ?... Припомни хорошенько....

— Помилуй, да я бы узналъ ее по однимъ глазамъ....

— Да, да, правда! Измѣнница! У нея такіе хорошенькіе голубые глазки....

— Темно-каріе, хочешь ты сказать?

— Какъ можно! Вѣдь она блондинка.

— Брюнетка. Но развѣ ты ее знаешь?

Андрей Михайловичъ взялъ трубку, закурилъ, потомъ опять поставилъ на мѣсто и закинувъ руки на спину сталъ предъ Намировымъ и произнесъ тихимъ голосомъ, которому онъ хотѣлъ придать нѣчто торжественное:

— Намировъ, мы друзья; но бываютъ въ свѣтѣ случаи, когда лучшіе друзья становятся злѣйшими неприятелими; когда душа наша, привязанная къ одному лицу, съ ужасомъ отъ него отрывается и.... отрывается отъ него съ ужасомъ и стремится.... и стремится съ ужасомъ.... Поэтъ запутался, и чтобъ поправиться, вдругъ обратился къ Намирову съ вопросомъ:

— Знаешь ли, кто писалъ эту записку?

— Кто?

— Я!

За этимъ словомъ, произнесеннымъ съ чувствомъ, послѣдовало молчаніе.

— Возможно ли? вскричалъ наконецъ Намировъ: о, бѣдный поэтъ! слѣдовательно ты... — и забывъ собственное горе, онъ чуть не засмѣялся.

— Да, слѣдовательно я... отвѣчалъ плачевнымъ голосомъ Андрей Михайловичъ.

Друзья посмотрѣли нѣсколько мгновеній другъ на друга молча, потомъ громко засмѣялись.

— Послушай, Намировъ, сказалъ наконецъ Терникій, мы

привыкли считать любовь чувствомъ возвышеннымъ, сладостнымъ, благороднымъ, а на-повѣрку выходить, что она нѣчто иное какъ болѣзнь и болѣзнь очень-излечимая. Все прочее вздоръ!.... Вѣдь есть же въ Индіи глупцы, которые вѣрятъ плутамъ, увѣряющимъ ихъ, что человѣкъ, который въ состояніи провести всю жизнь не спуская глазъ съ кончика носа своего, есть идеалъ высшаго совершенства....

Оба замолчали.

—А она еще ревновала.... задумчиво сказалъ поэтъ.

—Женскія уловки!.... Но уже свѣтаетъ. Прощай.

—Постой! вскричалъ Терницкій, ударивъ себя рукою въ лобъ. Какая мысль!.... Да, точно.... Она рассказывала мнѣ.... о, вѣроятно.... другъ, милый другъ, Намировъ, я спасень! Но тебѣ оттого не легче. Слушай: одна изъ подругъ ея ходила спрашивать... и, вѣроятно, она была съ дею!.... о, нѣтъ ни какаго сомнѣнія.... подругъ ея сказалъ кто—то свое имя.... Это имя, Андрей.... меня зовутъ Андреемъ.... вотъ причина ея ревности.... о, какъ я радъ! Обними меня, другъ мой! Теперь все ясно!»

—Нисколько. Я не понялъ ни слова изъ всего того, что ты мнѣ сейчасъ наговорилъ.

—Извини.... Но я такъ радъ! О, я не могъ такъ грубо ошибаться; она меня любитъ, это ясно; потому что истинную любовь скоро отличить можно отъ неистинной.... Какъ я счастливъ! Посуди самъ, другъ мой, что такое жизнь безъ любви?»

Намировъ невольно засмѣялся.

—Но ты хочешь знать, въ чемъ дѣло, продолжалъ Терницкій: слушай-же, я расскажу тебѣ все по порядку. На канунъ новаго года, около полуночи, Софья Сергѣевна Лосева, мучимая желаніемъ узнать будущее, которое для нея заключалось въ одномъ имени суженаго, рѣшилась выйти на улицу, чтобъ спросить перваго человѣка, который ей попадетъ, какъ его зовутъ. Понимаешь?

—Возможно-ли? вскричалъ съ радостью Намировъ.

—Все заставляетъ меня полагать, что и она была съ дею.

- Кто она? спросилъ съ изумленіемъ Намировъ.
- Та, которую я... которую мы... фу, чортъ возьми, какъ ты непонятливъ!»
- Да кто же она?
- Е-ли-за-ве-та И-ва-но-вна Бин-ска-я, отвѣчалъ, ударяя на каждомъ словѣ, Терницкій.
- Какая Елизавета Ивановна?
- Терницкій вытаращилъ глаза. Изумленіе его достигло высшей степени.
- Помилуй! произнесъ онъ наконецъ, да теперь я и самъ ничего не понимаю. Эта та дѣвица, которую я люблю, въ которую ты влюбленъ, на которой я женюсь, которой я писалъ...
- О, теперь все ясно!
- Ну, Слава Богу!
- Слѣдовательно ты писалъ не къ ней!...
- Какъ не къ ней?
- Слѣдовательно она выходила на улицу только для удовлетворенія простительнаго любопытства... О, какъ я счастливъ!
- Ты счастливъ? Терницкій опять ничего не понималъ.
- Возьми, счастливецъ, это принадлежитъ тебѣ. Намировъ подавъ ему платокъ, на одномъ углу котораго красиво былъ вышитъ вензель Е. Б.
- Но я еще не понимаю... говорилъ поэтъ.
- Завтра я тебѣ все объясню. Теперь прощай, прощай любезный другъ, мнѣ надобно быть одному, я такъ счастливъ!... И онъ дружески пожималъ руку Терницаго.
- Очень-радъ, очень-радъ! Но скажи...
- Завтра, завтра!—И Намировъ, простившись съ Терницкимъ, удалился.
- Рѣшительно ничего не понимаю, говорилъ поэтъ раздѣваясь и ложась спать.
- Когда Намировъ вышелъ на улицу, было уже свѣтло. Улицы оживали... все просыпалось...
-
- Двѣ недѣли спустя, Андрей Романовичъ Намировъ объявленъ былъ женихомъ Софьи Сергѣевны Лосевой.

VI.

Равно черезъ два мѣсяца, въ гостиной Сергѣя Ивановича Лосева собрались родные и коротко-знакомые.

То было наканунѣ дня, назначеннаго для бракосочетанія Сонички съ Намировымъ. Они сидѣли одни, въ сторонкѣ, и между тѣмъ, какъ гости шумно разговаривали, Намировъ тихо говорилъ невѣстѣ своей :

— Софія, милый ангелъ, повторите, что вы меня любите, и что теперь ничто не можетъ разлучить насъ?— Голосъ его дрожалъ.

— О, ничто, ничто! повторяла нѣжнымъ голосомъ Соничка: но о чемъ вы беспокоитесь? папенька и маменька такъ радуются браку нашему.

— Съ этой стороны я совершенно спокоенъ.

— Чего или кого-же вы боитесь, спросила улыбаясь Соничка.

— Васъ, Софія, васъ однихъ.

— Меня, спросила она, сначала шутя, по потомъ, какъ бы обезпокоенная словами его, ова продолжала: — Скажите, что я вамъ сдѣлала?

— Софія, я васъ обожаю... вы будете принадлежать мнѣ, а при одной мысли о бракѣ нашемъ, мною овладѣваетъ какое-то тягостное чувство... Я думаю, что вы не будете счастливы со мною... я буду съ вами откровененъ... въ любви моей много эгоизма. О, простите... — Намировъ, замолчалъ, бросилъ страстный взглядъ на Соничку и проговорилъ тихимъ голосомъ:— Отказаться отъ нея? О, нѣтъ, никогда, никогда!

И точно, никогда Соничка не была такъ прелестна; она была одѣта очень-просто и граціозно; длинное бѣлое муслиновое платье на розовомъ шелковомъ чохлѣ, упадало широкими складками около нѣжной, тоненькой талии ея; бѣлая роза была вплетена въ локоны, ниспадавшіе по обѣимъ сторонамъ очаровательно-милаго лица; на ней не было ни золота, ни драгоценныхъ камней, по отсутствіе ихъ придавало ей еще болѣе прелести.

— Софія Сергѣевна, продолжалъ Намировъ: рѣшительно, я обманулъ васъ! Но любовь моя была такъ сильна, что

отказаться отъ васъ значило бы разлучиться съ жизнью... Меня зовутъ Александромъ...—Онъ поблѣднѣлъ какъ смерть и устремилъ взоры на Софію.

Краска сошла съ лица ея; она хотѣла говорить, но не могла произнести ни одного слова; слезы ручьями потекли по щекамъ ея, и она бросилась въ объятія Анны Осиповны, которая, замѣтивъ перемѣну въ лицѣ дочери, подошла къ ней.

—Простите, простите.... говорилъ тихимъ, умоляющимъ голосомъ Намировъ.

— Но что съ вами? спросила Анна Осиповна.

Тихимъ голосомъ разсказалъ ей Александръ Романовичъ все дѣло.

—Глупенькая! сказала мать, поцѣловавъ бѣлый лобъ Софички: неужели тебѣ такъ нравится то имя?

— О, нѣтъ! отвѣчала она съ прелестною наивностью, я плачу не объ имени, но мнѣ кажется, что теперь бракъ нашъ не состоится.

Намировъ успокоилъ ее взглядомъ.

5-го Января нынѣшняго 1843 года, у Александра Романовича Намирова были крестины. По желанію жены его, Софьи Сергѣевны, сына ихъ назвали Андреемъ.

П. ФУРМАННЪ.

ДИАНА (*).

ПОВѢСТЬ ГЕНРИХА БЕРТУ.

I.

Въ прелестное лѣтнее утро 1656 года, отрядъ солдатъ, вѣроятно, шедшій къ Парижу, остановился подъ стѣнами Фонтэнъ-ле-Анри, прекраснаго зданія, выстроеннаго во вкусъ возрожденія, и возвышающагося близъ Казня. Какъ то случается большею частію, эти военные, которыхъ дисциплина не имѣла въ себѣ строгости нынѣшнихъ военныхъ постановленій, предавались безпорядкамъ, которыхъ офицеры нисколько не думали прекращать. Негодяи овладѣли хижиною крестьянина и грабили ее съ жестокостію, которая едва ли позволительна и въ завоеванной землѣ. Между-тѣмъ-какъ они выбивали дно изъ бочки съ сидромъ добраго поселяннина, убивали скотъ и били его самого, чтобы положить конецъ сопротивленію и крикамъ его, показавъ на другомъ концѣ дороги разнощикъ. Увидѣвъ солдатъ, онъ хотѣлъ воротиться, потому-что тотчасъ понялъ, что сундучокъ, который онъ несъ за спиною, будетъ въ опасности отъ этихъ буяновъ. Но они замѣтили его. Четверо изъ нихъ побѣжали къ разнощику,

(*) Превосходный сюжетъ для драмы. Дѣйствія и явленія обозначаются самъ собою, ходомъ повѣсти. Стоитъ только вмѣсто повѣствованія ввести дѣйствіе. *Редакт.*

схватили его и насильно привели къ замку. Хотя онъ былъ жидъ, что легко узнать можно было по его костюму и бородѣ, но его не столько беспокоила потеря товара... нѣтъ, онъ обращалъ взоры, исполненные страха, къ молодой дѣвушкѣ, удивительной красоты, державшей его подъ руку и прижимавшейся къ нему съ выраженіемъ ужаса.

Хотѣли-ли солдаты позабавиться надъ боязнію двухъ путешественниковъ, или въ самомъ дѣлѣ думали ограбить торговца и обидѣть спутницу его, только они велѣли старику открыть сундучокъ, который былъ у него на плечахъ, чтобы видѣть, что въ немъ находилось. Между-тѣмъ какъ Израилѣтянинъ съ трепетомъ хотѣлъ повиноваться, и нарочно со всевозможною медленностью принимался открывать сундучокъ, раздался рѣзкій крикъ; онъ бросилъ все и побѣжалъ на помощь къ молодой дѣвушкѣ, которую пьяный солдатъ хотѣлъ поцѣловать. Солдатъ, нисколько не уступая просьбамъ бѣднаго старика, сдѣлался еще болѣе дерзокъ. Видъ себя, торгошъ вынулъ изъ кармана кинжалъ и готовъ уже былъ воспользоваться имъ, какъ третій путешественникъ прибылъ на мѣсто безпорядка. Увидѣвъ молодую дѣвушку въ рукахъ солдата, онъ соскочилъ съ лошади и повелительнымъ голосомъ приказалъ пьяному солдату оставить жертву его. Онъ невольно повиновался, и разнощикъ, поддерживая свою спутницу, почти лишившуюся чувствъ, успѣшилъ увлечь ее отъ опаснаго мѣста. онъ дѣйствовалъ съ такою торопливостію, что забылъ взять съ собою свой сундучокъ, оставивъ его во владѣніи грабителей.

Путешественникъ, пришедшій на помощь торговцу, рѣшился спасти маленькое имущество разнощика, о которомъ послѣдній, противъ обычая ему подобныхъ, такъ мало беспокоился. Онъ пошелъ прямо къ солдатамъ и приказалъ имъ не только положить конецъ грабительству, но и возвратить всѣ похищенные вещи.

Подобное приказаніе было принято съ буйнымъ ропотомъ и непочтительнымъ смѣхомъ.

— Давно-ли вскричалъ онъ, показавъ военные знаки отличія, давно-ли французскіе солдаты перестали повиноваться королевскому офицеру?

— Съ-гѣхъ-поръ, какъ у нихъ есть капитанъ, который одинъ можетъ давать имъ приказанія и отвѣчать тѣмъ, кто захотѣлъ-бы распорядиться вмѣсто его, сказалъ одинъ изъ начальниковъ отряда.

Незнакомецъ оглянулся, поклонился капитану и вѣжливо сказалъ ему:

— Ваша правда, милостивый государь. Если-бъ я прежде замѣтилъ васъ, то обратился бъ къ вамъ, чтобы усмирить этихъ негодяевъ....

— Мои солдаты не негодяи, прервалъ его капитанъ голосомъ болѣе дерзкимъ, замѣтивъ кротость, съ которою говорилъ офицеръ.

Последній улыбнулся и сдѣлалъ жиду знакъ, чтобы онъ приблизился.

— Поди сюда, сказалъ онъ ему: не бойся; подними сумдучокъ свой на плечи и возьми этотъ кошелекъ: онъ вознаграждаетъ тебя за убытокъ, причиненный тебѣ этими солдатами.

Жидъ смотрѣлъ то на офицера, то на кошелекъ. Послѣ краткой нерѣшимости, онъ готовъ уже былъ протянуть руку къ деньгамъ; молодая дѣвушка остановила его съ негодованіемъ.

— Отецъ мой очень благодаренъ вамъ, сударь, сказала она. Убытокъ, причиненный намъ этими солдатами, очень маловаженъ. Да благословить васъ Господь за великодушное намѣреніе и особенно за доброту и мужество, съ какимъ вы защитили старика и дочь его.

Офицеръ, удивленный благородствомъ и тонкостью, съ которою выражалась хорошенькая путешественница, улыбнулся ей привѣтливо; поклонился съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ того требовалъ, можетъ-быть, скромный нарядъ дѣвушки, и посоветовалъ ей воротиться скорѣе въ Казнъ, потомъ, обратившись къ капитану, который смотрѣлъ не безъ насмѣшки на эту сцену, сказалъ:

— Теперь, милостивый государь, я къ услугамъ вашимъ. Имя мое — маркизъ Филиппъ де Сенанкуръ; подобно вамъ, я захожусь капитаномъ въ службѣ его высочества. Двое изъ господъ офицеровъ, конечно, не откажутся быть моими секундантами.

— Какъ вамъ угодно, возразилъ капитанъ, поклонившись противнику своему: мое имя Графъ Эгіенъ де-Морверъ.

Онъ вынулъ шпагу и приказалъ двумъ офицерамъ быть секундантами своего противника.

Двое другихъ секундантовъ условились съ ними и помѣряли шпаги.

При видѣ приготовленій къ поединку, молодая дѣвушка, вмѣсто того, чтобы по совѣту защитника своего, скорее удалиться, взяла отца за руку и остановила.

— Онъ будетъ драться! вскричала она: и за насъ, за меня онъ рискуетъ жизнью!

Она хотѣла бѣжать къ офицеру, но солдаты остановили ее; ничто не мѣшало поединку, который длился, впрочемъ, не долго.

Лишь только противники помѣнялись нѣсколькими ударами, какъ капитанъ отряда упалъ, пораженный легкимъ ударомъ въ грудь.

— Прекрасно тронули, вскричалъ онъ, прекрасно тронули, Маркизъ! вы столько же искусны, какъ и храбры. Господа, прибавилъ онъ, обратившись къ офицерамъ: никто изъ васъ не долженъ помнить имени этого достойнаго капитана. Вся вина въ этомъ дѣлѣ на моей сторонѣ, и ни подъ какимъ предлогомъ, я не хотѣлъ бы причинить малѣйшей непріятности такому достойному человѣку.

Онъ подалъ руку Филиппу, который помогъ офицерамъ перенести его въ хижину крестьянина, которую солдаты грабили.

Въ это время рѣшетка замка отворилась: человѣкъ, одѣтый въ черномъ, явился и пошелъ прямо къ мѣсту поединка.

— Господа, сказалъ онъ, низко поклонившись противникамъ: я старшій судья его высочества въ Нормандіи. Не смотря на указы короля, воспреещающіе поединки подъ смертною казнью, вы сейчасъ дрались. Къ крайнему сожалѣнію моему я нахожусь вынужденнымъ поступить согласно съ строгими обязанностями моего званія. Потрудитесь вручить мнѣ ваши шпаги и объявить ваши имена.»

— Графъ Эгіенъ де-Морверъ, отвѣчалъ раненый.

— Маркизь Филиппъ де Сенанкуръ, прибавилъ другой.

— Графъ де Морверъ, я арестую васъ именемъ короля, на честное слово; лишь только рана ваша излечится, вы отправитесь въ Парижъ и тамъ будете ожидать дальнейшихъ приказаній.

Капитанъ поклонился.

— Что-же касается до васъ, маркизь, вы не откажетесь послѣдовать за мною, въ замокъ Фонтэнъ-де-Апри. Завтра утромъ, мы вмѣстѣ отправимся въ Парижъ, куда я долженъ отсылать всѣхъ дуэлистовъ, попадающихся во вѣрренной землѣ провинціи. Король хочетъ положить конецъ этимъ страшнымъ поединкамъ, въ которыхъ напрасно льется кровь и которые противны законамъ религіи и нравственности. Мнѣ очень прискорбно, но я долженъ объявить вамъ, что вы не можете имѣть надежды на помилованіе. Хотя вы еще очень молоды, но я совѣтую вамъ обратиться къ Господу и приготовиться къ той страшной минутѣ, въ которую вы должны будете предстать предъ праведный судъ его. Эта минута не далека.

Молодая дѣвушка съ ужасомъ внимала словамъ его. Блѣдная, раз-троенная, трепещущая, она едва стояла на ногахъ.

Когда первый судья пересталъ говорить, она упала предъ нимъ на колѣни:

— Пощадите! вскричала она: нельзя казнить смертью благороднаго и храбраго молодого человѣка за то, что онъ взялся защитить бѣдную дѣвушку и старика. Король не захочетъ поступить такъ несправедливо. Пощадите господина маркиза, пощадите его!

Судья даже не отвѣчалъ ей; онъ направилъ шаги къ замку Фонтэнъ-де-Апри, сдѣлавъ знакъ Филиппу, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ.

Молодая дѣвушка проливала слезы и, не отставая отъ нихъ, умоляла судью. Она остановилась только въ то время, когда рѣшетка замка затворилась передъ нею.

Тогда она едва не лишилась чувствъ. Обильныя слезы облегчили грудь ея.

Наконецъ она утерла глаза и взяла руку старика, ко-

торый, поднявъ сундучокъ свой на плеча, облокотившись на палку, молча смотрѣлъ на дочь свою.

— Пойдемте въ Парижъ, батюшка, сказала она.

— Въ Парижъ? повторилъ старикъ, въ Парижъ? Но вѣдь мы прямо оттуда, дитя мое. Мы закупили тамъ товаровъ, которые я хочу продать въ Нормандіи. Въ Парижъ! Что намъ дѣлать въ Парижъ?

— Испросить помилованіе ему.

Торгашъ печально покачалъ головою.

— Помилованіе! Ты? Увы! бѣдное дитя мое, только для того, чтобы добраться къ ногамъ тѣхъ, которые могутъ помиловать его, тебѣ надобно тысячу покровительствъ, которыхъ у тебя нѣтъ. Одинъ король или его святѣйшество, кардиналъ Мазаринъ имѣютъ власть отмѣнить смертную казнь. Но дворцы ихъ не отворятся для дочери разнощика и жидки!

— Я спасу его, — сказала она, — не смотря на всѣ препятствія. Да, я спасу его или умру. Никто не скажетъ, что Діана покинула защитника своего.

Между-тѣмъ-какъ торгашъ новыми убѣжденіями старался отклонить ее отъ смѣлаго намѣренія, она вдругъ оставила его, смѣло прошла сквозь толпу солдатовъ, принимавшихся за оружіе, и обратившись къ офицерамъ, сказала:

— Неправда-ли, господа, что можно выпросить прощеніе г. маркизу де-Сенанкуру?

— Только побѣгъ можетъ спасти его, отвѣчалъ одинъ изъ тѣхъ, къ которымъ она обращалась: Кардиналъ заставилъ короля дать клятву, что онъ не помиуетъ ни одного дуэлиста. Прошедшею ночью, восемь человекъ молодыхъ дворянъ заплатились головою за неповиновеніе королевскому указу.

— Бѣгство! Вы говорили о бѣгствѣ, господа. О! вы не позволите увести на плаху того, мужеству котораго вы сейчасъ удивлялись.

— Мы не можемъ спасти его, отвѣчали они: отнять у перваго судьи арестанта, значитъ жертвовать собственною жизнію.

Боже мой! Боже мой! Неужели нѣтъ ни-какой надежды къ спасенію его? вскричала она: Боже мой! неужели ты его покинешь?—Она удалилась съ отчаяніемъ; вдругъ воротившись, пошла прямо къ денщикамъ отряда, состоявшимъ изъ отчаянныхъ негодяевъ, превосходившихъ въ жестокости и грабежахъ самыхъ страшныхъ солдатъ.

Она отвела двоихъ въ сторону:

— Хотите ли вы заслужить сто лудоровъ? спросила она ихъ.

— Пожалуй, хоть тысячу, голубушка, возразили они.

— Вы получите эту сумму, если согласитесь освободить сегодня вечеромъ маркиза де-Сенанкура, когда онъ будетъ выходить изъ замка съ судьейю.

— А, чертъ возьми! Это пахнетъ веревкой! За сто лудоровъ нельзя такъ много рисковать.

— Вотъ, сказала она, показывая имъ богатое ожерелье, эти драгоценные камни оцѣнены втрое противъ той суммы, которую я вамъ предлагаю. Если вы освободите маркиза, я вамъ ихъ отдамъ.

— И сто лудоровъ въ придачу?

— И сто лудоровъ, повторила она съ презрительною улыбкой.

— Постой, постой, сказалъ жидъ съ выраженіемъ величайшаго отчаянія, услышавъ этотъ разговоръ. Постой, Діана, сдѣлай одоженіе, не дѣйствуй такъ опрометчиво... посуди сама: ожерелье...

— Для него ничего не жалѣйте! вскричала она: Что такое горсть золота, когда дѣло идетъ о жизни человѣка, безъ котораго вы были бы совершенно ограблены, а я обезчещена! Много-ли-бы у васъ осталось этого золота, если-бъ капитанъ не защитилъ васъ?»

Торгашъ, надъ которымъ Діана, по-видимому, имѣла большую власть, вздохнулъ и замолчалъ.

— Остается только выдумать средство къ спасенію маркиза, продолжала Діана, обратившись къ денщикамъ.

— Оно очень просто. Въ пол-лѣе отсюда находится въ лѣсу проселочная дорога, по которой непремѣнно отправится судья, потому-что лѣсомъ ѣзды менѣе, по-крайней-мѣрѣ, часа на два; мы срубимъ дерево и перебро-

симъ его черезъ дорогу. Карета судьи должна будетъ остановиться; мы закричимъ маркизу, чтобы онъ вышелъ изъ кареты и вскочилъ на добрую лошадь, которую одинъ изъ насъ будетъ держать наготовѣ, а тамъ, какъ угодно будетъ Богу.

— Именно, именно! Какое счастье!

— А у меня-же кстати и лошадь есть, продолжалъ одинъ изъ децъщиковъ; лошадь добрая, которая можетъ бѣжать два часа безъ отдыха. Я отдамъ вамъ ее, потому-что нельзя назвать торгомъ такую невыгодную для меня мѣну; и такъ я отдамъ вамъ ее, за ничтожную сумму—пятьдесятъ лундоровъ.

Жидъ сердито вскочилъ.

— Вы хотите совершенно разорить меня! проворчалъ онъ.

— Я принимаю всѣ ваши условія безпрекословно, возразила Діана: Исполните обѣщаніе ваше съ такою же честностью и точностью.

— Мы это сдѣлаемъ, будьте въ томъ увѣрены, красавица-барышня. Кто хорошо платитъ, тому подобно хорошо служить.

— Пойдемте же приготовить нашу баррикаду.

Они посмотрѣли на нее съ изумленіемъ.

— Какъ, и вы хотите идти съ нами на встрѣчу опасности? Знаете ли вы, что васъ повѣсятъ, если узнаютъ, что вы участвовали въ этомъ дѣлѣ? Вы рискуете жизнью.

— Жизнью? Такъ чтожъ! Развѣ онъ колебался, подвергая свою жизнь опасности за меня, бѣдную, ничтожную дѣвушку? И вы могли думать, что я побоюсь опасностей, когда дѣло идетъ о спасеніи его! О нѣтъ!

— Въ такомъ случаѣ садитесь на лошадь и слѣдуйте за нами; мѣнать печего.

Молодая дѣвушка, недавно еще болзливая и робкая, смѣло сѣла на горячую лошадь и ввѣрилась двумъ негодьямъ, которыхъ одинъ видъ, за четверть часа, обдалъ бы ея ужасомъ. Она обняла отца и сказала ему:

— Отправтесь въ Казнь, батюшка. Если дочь стараго Эліана не воротится къ нему, то пусть онъ помолится за нее Богу.

— Я не отстаю отъ тебя, прервалъ ея торгашъ. Чтó мнѣ въ жизни безъ тебя! Я умру, когда ты умрешь. Пойдемъ.

— Старикъ, сказалъ одинъ изъ солдатъ, ударивъ разпощика по плечу: За эти слова, попадетъ тебѣ въ карманъ двадцать пять лудировъ. Я люблю людей храбрыхъ, и хотъ самъ никуда не гожусь, однако, въ сердцѣ моемъ еще что-то шевелится при добромъ дѣлѣ. Влѣзай же на коня и отправимся.

Вечеромъ того-же дня, когда солнечный жаръ сдѣлался менѣе ощутительнымъ и когда стала наступать ночь, карета выѣхала изъ замка Фонтэнъ-ле-Анри, направилась къ Парижу и пустилась, какъ то предвидѣли солдаты, по проселочной дорогѣ. Темнота была глубокая, когда карета вѣхала въ лѣсъ.

Посудите о чувствованіяхъ, волновавшихъ сердце Діаны, когда она услышала стукъ колесъ и топотъ копытъ; когда мало-по-малу шумъ приблизился, и особенно когда кучеръ вскричалъ съ досадою и страхомъ, будучи принужденъ остановиться предъ неожиданной преградой.

Во время безпорядка, причиненнаго этимъ обстоятельствомъ, одинъ изъ деньщиковъ выскочилъ изъ засады, подбѣжалъ къ каретѣ, отворилъ дверцы и сказалъ:

— Господинъ маркизъ, добрый конь ждетъ васъ въ двухъ шагахъ отсюда. Спасайтесь!

— Кто-бы вы ни были, отвѣчалъ офицеръ громкимъ голосомъ, не подвергайтесь, ради меня, напрасно опасностямъ. Благодарю васъ за доброе намѣреніе, но я не могу имъ воспользоваться. Первый судья, чтобы удержать меня отъ побѣга, взялъ съ меня честное слово дворянина; я арестантъ на-слово. Впрочемъ, не смотря на бесполезность благороднаго поступка вашего, повѣрьте, пока сердце мое будетъ биться, оно сохранитъ къ вамъ чувство искренней признательности.

Деньщики, съ первыхъ словъ маркиза, обратилась въ бѣгство. Одна Діана слышала и запомнила ихъ, только она одна, потому-что страхъ Эліаса былъ такъ великъ, что онъ почти лишился памяти.

Г. де-Сенакуръ самъ помогъ судья и слугамъ его сдвинуть съ дороги дерево, преграждавшее путь, и послѣ пяти или шести минутъ остановки, карета могла продолжать путь свой.

Діана съ горестію прислушивалась, какъ она удалялась; потомъ, схвативъ за руку отца, она вскричала: «Идемте въ Парижъ! Надобно спасти его или умереть!»

Эліась повиновался со вздохомъ; вздохъ былъ единственное его сопротивленіе волѣ молодой дѣвушки.

Изъ Казня въ Парижъ считается не менѣе пятидесяти пяти лѣтъ. Діана и отецъ ея пробыли въ дорогѣ три дня, потому-что во время царствованія Лудовика XIV, къ началу котораго относятся событія этого разказа, не было ни порядочныхъ почтовыхъ дворовъ, ни станцій; каждый путешествующій бралъ своихъ лошадей на всю дорогу; слѣдовательно по-неволѣ надобно было проводить ночь на постоянныхъ дворахъ, чтобы дать лошадямъ необходимый отдыхъ.

Діана съ покорностью переносила всѣ трудности.

Наконецъ на третій день, къ вечеру, она замѣтила вдали городъ, къ которому стремилась съ такимъ нетерпѣніемъ. Прибывъ туда, отправились нанять квартиру въ одномъ изъ замыхъ скромныхъ и уединенныхъ домовъ улицы Жоффрау-л'Анье. Старуха, сидѣвшая на ступенькахъ крыльца, увидѣвъ ихъ, вскричала съ удивленіемъ, поднявъ руки къ небу:

— Святая Марѳа! я впередъ не удивлюсь, если ласточки прилетятъ ранѣе весны, потому-что старикъ Эліась и хорошенькая дочка его, Діана, воротились въ Парижъ, послѣ двухъ мѣсяцевъ. Я ожидала васъ не ранѣе какъ къ зимѣ. Впрочемъ, добро пожаловать! Домъ Мартины Веронъ всегда готовъ принять дорогихъ гостей! Надѣюсь, что съ вами не приключилось никакой бѣды?

— У насъ не достало нѣсколькихъ сортовъ товара, который мы весь распродали въ первые дни, отвѣчала молодая дѣвушка: мы воротились, чтобы пополнить недостатокъ скоро опять отправимся въ путь.

— Какія-бы не были причины, заставившія васъ воротиться, возразила трактирщица, я всегда вамъ рада. Пойду:

приготовить вамъ маленькую квартиру, въ двѣ комнаты, которыя окнами выходятъ въ садъ, и которую ваша Діана такъ любитъ. Потомъ приготовлю вамъ поужинать. Ужинъ мой, прибавила она, мигая глазомъ, вы можете ѣсть спокойно: въ немъ не будетъ ни кусочка свиного сала, а говядина будетъ куплена у пріятеля вашего, стараго мясника, Самуила, который бьетъ быковъ на израильскій манеръ, и который живетъ за Королевскою Площадью.

Спустя часъ; хозяйка принесла въ ко пату путешественниковъ ужинъ, который она имъ обѣщала. Эліась принялся за него съ аппетитомъ, не замѣчая, что несмотря на обѣщаніе свое, трактирщица приготовила соусъ съ поросячьимъ жиромъ, и что говядина была не отъ быка, битаго по израильскимъ правиламъ. Діана едва прикоснулась къ ужину.

Когда хозяйка оставила Діану одну съ жидомъ, молодая дѣвушка сѣла на колѣни къ отцу и тихонько, тихонько гладила, своими маленькими и бѣленькими ручками, длинную сѣдую бороду, загорѣлыя щеки и лысый лобъ старика.

— Господь благословить насъ за то, что мы исполнили долгъ, предписанный намъ признательностью, сказала она, читая во взорахъ отца безпокойство.

— Да услышитъ тебя Іегова! отвѣчалъ онъ, съ привычнымъ вздохомъ: я желаю того отъ души, но не надѣюсь. Мы замѣшались въ дѣло, которое можетъ повредить намъ.

— Оно кончится хорошо, возразила она, не раздѣляя той надежды, которую хотѣла внушить разнощикъ.

— Мы бѣдны и неизвѣстны; я принадлежу сектѣ, которую всѣ здѣсь презираютъ; къ чему поведутъ насъ усилія спасти дворянина, котораго участь зависитъ отъ короля?

— Давидъ, бѣдный и слабый пастухъ, побѣдилъ Голиафа, и на головѣ его была діадима Саула.

Эліась вздохнулъ, и не возражая ничего, всталъ.
— Батюшка, прежде чѣмъ вы удалитесь къ себѣ въ комнату, я должна просить васъ объ одномъ.

— О чемъ? говори.

— Постарайтесь достать завтра утромъ лошака съ женскимъ сѣдломъ; я бы желала, чтобъ збура была чиста, хотя незысканна. Мнѣ оны нужны будутъ, чтобъ ѣхать въ Лувръ.

— Я найму двухъ лошаковъ.

— Одного, батюшка; я хочу одна поштыться снасти маркиза, не подвергая васъ усталости и неприятностямъ подобнаго дѣла.

— Ты, можетъ-быть, подвергаешься опасностямъ, дитя мое, и вотъ почему я непременно хочу сопутствовать тебѣ. Хотя покровительство стараго жида не можетъ принести тебѣ большой пользы, по-крайней-мѣрѣ онъ раздѣлитъ участь твою.

— У васъ благороднѣйшее сердце, вскричала Діана, со слезами на глазахъ, и бросилась въ объятія отца, покрывая его поцѣлудми.

— Ты мое дитя, и я люблю тебя; вотъ и все, отвѣчала старикъ.

II.

Несмотря на усталость послѣ дороги, Діана находилась въ сильномъ волненіи и въ лихорадочной безсонницѣ. Лишь только начало свѣтать, она встала, долго молилась Богу съ усердіемъ, и стала одѣваться.

Когда она сошла внизъ, хозяйка невольно вскрикнула отъ удивленія; она никогда не видѣла молодой дѣвушки, мнѣ Діаны, нарядившейся въ праздничное платье свое, которое хотя было и очень просто, но Діана умѣла расположить въ части его съ таинъ, вкусомъ, что мнотворность ея оттого увеличилась.

Нѣсколько минутъ спустя, привели лошаковъ. Трактирщица опять невольно вскрикнула.

— Святая заступница и покровительница, Марго! въ сегодня настоящіе принцы!

— Мнѣ надобно спестъ драгоцѣнные камешья къ богатому куцу въ улицу, Севъ-Девъ, посѣшилъ сказать Элиась,

и чтобы меня получше приняли, я долженъ получше представиться.

— Правда ваша; я знаю въ этомъ ваше умѣнье жить, сказала трактирщица: дай Богъ счастья!

Старикъ помогъ дочери сѣсть на одного изъ лошаковъ, самъ влѣзъ на другаго, съ ловкостью, которой нельзя было предполагать въ шестидесяти-лѣтнемъ старикѣ, и они отправились.

Нынче, конечно, не нужно было-бы нанимать лошаковъ, чтобъ ѣхать изъ улицы Сентъ-Антуанъ къ Лувру; но въ то время, большая часть улицъ не была еще вымощена и нельзя было, не забрызгавшись грязью, ходить по этимъ нечистымъ, болотистымъ улицамъ, въ которыхъ не было тротуаровъ для пѣшеходовъ. Они достигли цѣли поѣздки своей не безъ затрудненій, и старикъ Эліасъ былъ покрытъ съ головы до ногъ грязью: упрямая лошадь его прыгала въ лужѣ, не смотря на всѣ усилія невольнаго сѣдока заставить ее идти впередъ. Діана, съ помощью ловкихъ увертокъ, достигла того, что платье ея осталось неприкосновеннымъ. Прибывъ къ дверямъ Лувра, она смѣло соскочила съ лошака и хотѣла войти.

Двое часовыхъ остановили ее.

— О, о! Сюда такимъ образомъ не входятъ, сказалъ высокій рейтаръ, который, не смотря на угрюмую физиономію, старался смягчить, грубый голосъ свой, говоря съ такою хорошенькою дѣвushкою: Сюда нельзя войти, милое дитя мое.

Эліасъ, увидѣвъ, что дочь его не впускаютъ, приблизился, но услышавъ какъ благосклонно говорили съ нею солдаты, онъ опять отошелъ на нѣсколько шаговъ.

— Мнѣ подобно говорить съ королемъ, смѣло возразила Діана.

— Не всякому удается говорить съ нимъ; если вы не знаете никакого вольжоги, который бы покровительствовалъ вамъ, то всѣ старанія ваши будутъ тщетны.

— Давно ли позволено разговаривать часовому? вскричалъ подошедшій сержантъ: Ты просидишь недѣлю подъ арестомъ. А ты, красавица, назадъ! или я велю своимъ барабанщикамъ прогнать тебя.

— Эліась подошелъ и сказалъ съ низкимъ поклономъ сержанту:

— Господишь офицеръ, вотъ золотая монета, выйавшая изъ кармана вашего, спѣшу возвратить вамъ ее.

— Не уронилъ ли я двѣ? спросилъ сержантъ, видимо смягченный, спрятавъ червонецъ въ карманъ.

— Три, если угодно; но за то надобно впустить эту молодую дѣвушку во дворець.

Сержантъ погладилъ усы и задумался на нѣсколько мгновений.

— Дѣло о идеть жизни и смерти; надобно спасти жизнь такому же военному, какъ и вы, послѣшила присоветовать Діана, дабы склонить солдата.

— Какъ зовутъ этого военнаго?

«Маркизь де-Сенанкуръ.»

— А, чортъ возьми! мѣшкать нечего; завтра утромъ назначень его казнь.

— Боже мой! Боже мой! вскричала Діана поблѣднѣвъ.

— Его привезли третьяго-дня въ Парижъ, судили сегодня утромъ, казнятъ завтра. Такъ хочеть король, или лучше сказать, кардиналь. Постунать съ храбрыми военными за то, что они какъ благородные люди обнажаютъ шпагу, какъ съ подлецами и измѣнниками—это ни на что не похоже!

— Вы сами видите, что я тотчасъ же должна видѣть короля.

— Дѣло не легкое. Впрочемъ я поговорю съ капитаномъ; у него доброе сердце, къ тому же онъ знаеть маркиза: они вмѣстѣ служили.

Діана увидѣла какъ сержантъ заговорилъ съ капитаномъ. Последний обратился къ дворцовымъ офицерамъ, тутъ находившимся; отрицательный знакъ головою сопровождалъ отвѣта каждаго.

— Никакой надежды! сказалъ сержантъ, воротившись къ Діанѣ.

— Діана, внѣ-себя, не могла болѣе удерживать слезъ своихъ.

Въ это мгновение раздался бой барабановъ; солдаты взяли за ружья, и молодая дама въ посылкахъ, окру-

женная свитой, состоявшею изъ пяти или шести человекъ, вышла изъ Лувра.

Діана бросилась къ ногамъ ея.

— Я не знаю, кто вы, сударыня! вскричала она: но вы могущественны, вы имѣете входъ къ королю и скажитесь надъ моимъ отчаяніемъ!

Проговоривъ эти слова, она ухватила за носилки, удерживая ихъ. Дама сдѣлала знакъ носильщикамъ, чтобъ они остановились.

— Чтѣ тебѣ надобно? спросила она строгимъ голосомъ, пристально смотря въ лицо Діаны.

— Я умоляю васъ испросить у короля помилованіе маркизу де-Сенанкуру, возразила смѣло Діана, не опуская глазъ при строгомъ и величественномъ взглядѣ той, которая вопрошала ее: столько силы и смѣлости придава этому слабому и робкому ребенку опасность, въ которой находился покровитель ея.

— Чтѣ сдѣлать этотъ маркизь?

— Онъ выходилъ на поединокъ.

— Въ такомъ случаѣ, всякая надежда напрасна. Король не хочетъ миловать дуэлистовъ.

— Но онъ дрался для того, чтобъ защитить меня, сударыня, чтобы спасти честь мою, чтобы избавить меня отъ самыхъ поносныхъ оскорбленій, онъ осмѣлился итти противъ королевскаго указа. Человекъ, носящій шпагу, поступилъ бы подло, если-бъ не захотѣлъ защитить беззащитной женщины!

— Я не могу помочь твоему любовнику, отвѣчала дама, которая, однакоже, казалось, принимала живое участіе въ горести Діаны.

— Любовнику моему! возразила Діана, поднявшись съ достоинствомъ: моему любовнику! Маркизь видѣлъ меня только одинъ разъ въ жизни: это было тогда, когда онъ защитилъ меня.

Молодая дама, не перестававшая смотрѣть на Діану, впала въ глубокую задумчивость. Она вздрогнула и пришла въ себя, когда молодая дѣвушка, опять упавъ на колѣня, сложила руки и произнесла голосомъ, прерываемымъ рыданіями:

— Спасите его, сударыня! спасите его!

Дама подала знакъ Діанѣ, чтобъ она встала и приблизилась къ ней, потомъ, наклонившись къ самому краю носилокъ, сказала:

— Выслушай меня хорошенько, и замѣть, что всѣ вопросы мои очень важны.

— Я буду слушать васъ какъ самого Бога, возразила молодая дѣвушка.

— Чтобы спасти маркиза, спросила дама, достанетъ ли у тебя довольно рѣшимости — повиноваться безпрекословно всѣмъ моимъ приказаніямъ? Я подвергну тебя, можетъ-быть, труднымъ испытаніямъ, страшнымъ опасностямъ; мнѣ, можетъ-быть, нужна будетъ самая жизнь твоя. Если я испрошу прощеніе Г. де-Сенанкуру, ты будешь принадлежать мнѣ душой и тѣломъ; мы заключаемъ союзъ неразрывный.

— Клянусь повиноваться вамъ слѣпо, и съ радостью готова подвергаться всѣмъ опасностямъ для своей благодѣтельности.

— Хорошо; ты должна повиноваться мнѣ съ этой же минуты. Давно ли ты въ Парижѣ?

— Со вчерашняго вечера.

— Знаетъ ли тебя здѣсь кто-нибудь?

— Только пять или шесть человѣкъ.

Незнакомка нахмурила брови и приняла озабоченный и недовольный видъ.

— Кто-жъ эти люди?

— Во-первыхъ, мой отецъ.

— Кто твой отецъ?

— Разнощикъ, пришедшій вчера со мною въ столицу.

— А другіе?..

— Хозяйка наша, содержащая въ улицѣ Жофруа-л'Анье гостиницу Золотаго Солнца. Потомъ еще мужъ ея и купцы, у которыхъ отецъ мой закупаютъ товаръ свой: Пьеръ Рапарьеръ, чулочникъ; Николай Госеланъ, пожевщикъ....

— Хорошо, я не имѣю нужды знать именъ ихъ, прервала дама, лицо которой при этомъ прояснилось. Покрой лицо этимъ вуалемъ, воротись домой, и постарайся, что-

бы никто не видѣлъ лица твоего до самаго трактира. Тамъ ты запрешься въ своей комнатѣ и будешь ожидать моихъ приказаній. Особа, которой я дамъ это порученіе, прійдетъ къ тебѣ за моимъ вуалемъ. Ты немедленно послѣдуешь за нею, простившись съ отцемъ своимъ.

Слезы блеснули на глазахъ Діаны.

— Ты колеблешься? спросила дама: ты еще можешь отказать отъ договора нашего.

— Нѣтъ, отвѣчала твердымъ голосомъ молодая дѣвушка, нѣтъ. Я должна всѣмъ пожертвовать, чтобы спасти его.

— Прощай! я возвращусь во дворецъ, а ты ступай въ гостиницу Золотаго Солнца.

Діана поцѣловала руку благодѣтельницы своей, закрылась вуалемъ ея и пошла къ отцу, обезпокоенному этимъ продолжительнымъ совѣщаніемъ.

Онъ посѣнилъ усадить Діану на лошака, котораго держалъ все это время подъ узды. Дорогой онъ хотѣлъ разспросить о происшедшемъ молодую дѣвушку, которая была въ сильнѣйшемъ волненіи. Діана сдѣлала ему знакъ рукою, чтобы онъ молчалъ и погнала лошака своего скорѣе.

Прибывъ въ улицу Жоффра-л'Анье, она сняла вуаль, чтобы не дать поводъ любопытнымъ разспросамъ хозяйки, и скрыла драгоцѣнную ткань.

Лишь только увидѣла она гостиницу Золотаго Солнца, легко соскочила съ лошака и сказала отцу, который, для избѣжанія излишнихъ издержекъ, самъ хотѣлъ отвезти лошаковъ къ хозяину.

— Препоручите это слугѣ, батюшка.

Эліасъ вздохнулъ о лишней издержкѣ, не-смотря на то, онъ повиновался дочери и послѣдовалъ за нею въ маленькую квартиру ихъ.

Тамъ Діана судорожно сжала его въ своихъ объятіяхъ, и принялась плакать и рыдать.

— Батюшка! говорила она: батюшка, намъ должно будетъ, можетъ-быть, разстаться.

Эліасъ вырвался изъ объятій Діаны.

— Разстаться! вскричал онъ, никогда, никогда! Разстаться... Чтобы я покинулъ дѣтище свое, дочь мою, жизнь мою, мое счастье! Но что́ станется со мною, если мнѣ надобно будетъ прожить безъ тебя недѣлю, день, часъ?

— Надобно разстаться! повторила съ горестію Диана.

— Никогда! Я угадываю мысль твою. Ты хочешь итти на встрѣчу опасностямъ, не желая, чтобы я разделялъ ихъ. Но что́ мнѣ въ опасностяхъ, если я подвергаюсь имъ для тебя? О, Боже мой! Жизнь мнѣ драгоценна только для того, чтобы я могъ показать тебѣ всю свою привязанность.

— Батюшка, добрый батюшка! я уже не властна располагать собою!

И она рассказала старику, взявъ съ него клятвенное обѣщаніе не говорить о томъ никому, о договорѣ, который она заключила съ незнакомою дамою.

— Что́-же, и я вступаю въ этотъ договоръ. Въмѣсто одной жертвы, она будетъ имѣть двѣ. А! а! она не знаетъ, на что́ способенъ старый Эліасъ: змѣя не обладаетъ большею осторожностью, собака не вѣрнѣе и не привязаннѣе его, онъ сажую лисицу научить лукавить. Скажи ей это, и она не захочетъ размучить насъ!

— Батюшка!

— Если мнѣ должно будетъ разстаться съ тобою, я умру. Спаси жизнь маркизу, но не убивай меня!

— Батюшка!

— Батюшка! Я тебѣ не отецъ! Не хочу быть имъ! Ты думаешь, что́ ты мнѣ дочь? Нѣтъ, Господь не судилъ мнѣ быть отцомъ неблагодарной! Ты спрота, купленная мною у цыганки, которая украла тебя у родителей, или нашла на ступеняхъ церкви Сень-Ландри, между покинутыми дѣтьми.

Какъ теперь вижу ее, окруженную дѣтьми въ рубищахъ, ведущую маленькаго мальчика и несущую тебя на рукахъ. Ты жалобно кричала и была блѣдна, худощава и полу-мертва отъ болѣзни и нищеты.

— Дочь твоя очень больна, замѣтилъ я, положивъ ей въ руку милостыню, которую она просила.

— Болева? возразила она улыбаясь: скажите лучше умираетъ, она не проживетъ и двухъ дней.

— Какъ! спросилъ я, и опасное положеніе дочери твоей тебя не беспокоитъ?

— Это дитя не мое, отвѣчала она: я ему не мать, я нашла его на ступеняхъ церкви.

— Скажи лучше, что ты украла его!

— Если я и не нашла эту дѣвочку на церковныхъ ступеняхъ, то она сейчасъ тамъ будетъ, я снесу ее туда. Ее сожрутъ собаки или кто нибудь возьметъ къ себѣ изъ жалости.

Тронутый, я съ негодованіемъ сказала ей:

— Отдай мнѣ это дитя, я возьмусь пещись о немъ и, можетъ-быть, возвращу его къ жизни. Если Господь не возьметъ ее къ себѣ, она будетъ моею дочерью.

— Хотите, я продамъ ее вамъ, а такъ не отдамъ; вотъ уже наступаетъ Пасха: говорить, жиды любятъ въ это время пить кровь и ѣсть мясо христіанскаго дитяти.

Я бросилъ серебряную монету этой низкой твари, взялъ тебя на руки, и съ тѣхъ поръ ты освободилась отъ злобной цыганки, я нѣжно заботился о тебѣ и ты сдѣлалась моею дочерью.

Я не открывалъ тебѣ этой тайны, ибо полагалъ, что ты станешь менѣ любить меня. Теперь-же, когда ты хочешь оставить отца твоего, узнай эту тайну, по-крайней-мѣрѣ, ты успокоишь себя слѣдующими словами: я могу покинуть его безъ грѣха, онъ мнѣ не отецъ!...

Она обняла плакавшаго старика и сказала ему:

— Я люблю васъ еще болѣе. Но я была бы недостойна любви вашей и священныхъ правилъ, которыя вы мнѣ внушили, если бъ поколебалась пожертвовать собственнымъ счастіемъ спасенію жизни того, кто пожертвовалъ собою, чтобы защитить меня? Выслушайте меня: клянусь именемъ Всевышняго, всемогущаго клятвѣ моею, упрости незнакомку позволить вамъ раздѣлать со мною опасности и испытанія, которымъ онъ хочетъ меня подвергнуть. Я буду умолять ее о томъ какъ о милости, и откажусь отъ

просьбъ своихъ тогда только, когда увижу, что всё уси-
лія, всё мольбы мои напрасны.

Онъ нѣжно поцѣловалъ дочь, утеръ слезы и сказалъ:

— Вотъ это дѣло; я прощаю тебѣ и люблю тебя болѣе,
чѣмъ когда-либо.

Они еще разговаривали, когда дверь съ шумомъ отво-
рилась. Дама, закрытая вуалемъ, вошла въ комнату. Не-
смотря на то, что черты лица ея были скрыты, Діана по
походкѣ и голосу узнала свою покровительницу.

— Я исполнила обѣщаніе свое; готова ли ты повиновать-
ся мнѣ? спросила она.

— Ожидаю приказаній вашихъ, отвѣчала молодая дѣ-
вушка, преклонивъ колѣно.

— Не разлучайте меня съ дочерью моею, проговорилъ
Илья, упавъ къ ногамъ незнакомки. Я буду вамъ вѣрнымъ
и преданнымъ рабомъ.

Незнакомка сдѣлала знакъ старику, чтобы онъ всталъ,
молча посмотрѣла на него нѣсколько мгновеній и сказала
наконецъ:

— Хорошо! я возьму и тебя къ себѣ въ услуженіе. Ты
любишь эту молодую дѣвушку, сѣдые волосы твои свидѣ-
тельствуютъ объ опытности твоей, ты можешь быть мнѣ
полезенъ. Слѣдуйте оба за мною.

Эліась въ нѣсколько минутъ закрылъ свой чемоданъ и
взялъ кошелекъ, полный золота.

— Оставь это золото у себя въ сундукъ, сказала дама:
если ты будешь хорошо исполнять обязанность свою,
если сумѣешь выполнить порученіе, которое я тебѣ
дамъ, то получишь отъ меня такую награду, которая удо-
ветворитъ даже жадности жиды.

Эліась повиновался и вздыхая послѣдовалъ за таинствен-
ною незнакомкой, опираясь на Діану.

Дама вышла изъ гостиницы и направилась къ улицѣ
Септъ-Антуанъ; Эліась и Діана слѣдовали за нею. За Коро-
левской Площадью она сдѣлала имъ знакъ, чтобы они сѣли
въ карету, ожидавшую ихъ въ темномъ углу. Они усѣлись
возлѣ нея и лошади пустились въ галопъ, не смотря на
то, что кучеръ не получилъ ни какого приказанія отъ

той, которую Діана готова была принять за волшебницу, а Эліась за самого демона.

III.

Послѣ восьми минутъ скорой ѣзды, карета остановилась за высокою стѣною, передъ маленькою дверью, которая, казалось, отворилась сама-собою, лишь только карета подъѣхала. Слуга поднялъ завѣсу у отверзтія кареты, потому что въ тогдашнее время дверцы приди-львали къ каретамъ только тогда, когда отправлялись въ дальній путь.

Незнакомка сошла, подала знакъ Діанѣ и отцу ея, что-бы они слѣдовали за нею и вошла въ длинный корридоръ, освѣщаемый только свѣтомъ фонаря, находившагося въ рукахъ слуги. Они вошли наконецъ въ уединенный покой. Незнакомка, удостовѣрившись, что никого не было за дверьми, сама тщательно задернула задвижки. Принявъ всѣ эти предосторожности, она возвратилась къ Діанѣ и Эліасу, приказала имъ сѣсть и остановивъ на нихъ нѣсколько мгновеній свои пронизательные и даже нѣсколько жестокіе глаза, спросила :

— Знаете ли вы меня ?

— Нѣтъ, сударыня, отвѣчала чистосердечно Діана.

Эліась приподнял голову и бросилъ на вопрошавшую взглядъ, быстрый какъ молнія ; потомъ, опустивъ глаза, онъ опять склонилъ нѣсколько голову и отвѣчалъ :

— Я не имѣю чести знать васъ, сударыня.

— А кто я ? Какъ вы думаете ?

Онъ смотрѣлъ на нее съ недовѣрчивостью.

— Говори прямо, я ненавижу хитрости и обмана, сказала она грубо.

— Я полагаю, что вы, сударыня, сильны и могущественны.

— Но не угадываешь ли ты имени моего, родины моей, намѣреній моихъ ?

— Нисколько.

— Хорошо ; я запрещаю тебѣ дѣлать малѣйшія предположенія на-счетъ всего этого. Я хочу, чтобы ты зналъ обо мнѣ только чрезъ меня, и то только тогда, когда мнѣ

вздумається сдѣлать тебя повѣреннымъ своимъ. Не забудь того, что голова этого ребенка, котораго ты нѣжно любишь, будетъ служить мнѣ залогомъ твоего повиновенія и твоей вѣрности.

Эміась вздрогнула и поблѣднѣла при имени дочери своей.

— Теперь твоя очередь, Діана, прибавила незнакомка: надѣнь эту мужскую шляпу, закутайся въ этотъ плащъ и слѣдуй за мною. Вотъ такой-же нарядъ и для отца твоего.

Сама она одѣлась подобно имъ, взяла со стола связку бумагъ, увела жида и дочь его въ корридоръ, который они недавно проходили, слегка постучалась въ дверь, которая безъ шума поворотилась на петляхъ своихъ; нѣсколько далѣе отворилась другая дверь. Діана чуть не вскрикнула... тамъ былъ маркизь де-Сенанкуръ; преклонивъ колѣна предъ распятіемъ, онъ усердно молился, готоваясь къ смерти.

Дама всунула въ руку Діаны бумаги, которыя она взяла съ собою и слегка толкнула ее къ капитану.

Онъ поднявъ голову и увидѣвъ людей въ военныхъ плащахъ, сказалъ:

— Вы пришли объявить мнѣ, что все готово къ казни? Неужели я не увижусь съ графомъ де Морверомъ? Меня сейчасъ разлучили съ нимъ, въ Бастиліи.

Такъ-какъ отвѣта не было, то онъ улыбнулся.

— А! понимаю, мы увидимся на эшафотѣ.

Потомъ прибавилъ твердымъ голосомъ:

— Пойдемте, господа.

Незнакомка показала ему бумаги, которыя были въ рукахъ у Діаны.

— Мой смертный приговоръ? Э, Боже мой, я слышалъ его уже три раза. Для меня пріятнѣе было-бы посѣщеніе духовника моего, котораго я не видѣлъ съ самаго заключенія моего въ тюрьму.

Незнакомка опять указала на бумаги, взяла ихъ, распечатала и прочла вслухъ.

— Какъ! вскричалъ Филиппъ, казни моя отлагается на неопредѣленное время! мнѣ общаются черезъ годъ пол-

ную и совершенную милость если osoba, которой я долженъ жизнь, исполнить клятву, которую она дала? Но кому-же, Боже мой! одолженъ я жизнь и свободу?

Незнакомка быстрымъ движеніемъ сорвала съ головы Діаны шляпу, скрывавшую лицо ея и открыла плащъ, въ который она была закутана.

—Этой молодой дѣвушкѣ? вскричалъ онъ, смотря на нее съ изумленіемъ; но я не знаю ея, я никогда не видалъ ея!

Судорожная дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ Діаны и глаза ея наполнились слезами.

—Вы не узнаете дѣвушки, которую спасли, нѣсколько дней тому назадъ, отъ оскорбленій солдатъ? сказала она: вы не узнаете той, за которую заключены въ тюрьму и осуждены на смерть?

— Я едва могъ разсмотрѣть черты ваши среди безпорядочной толпы, гдѣ мы находились. Теперь-же я ихъ не забуду; онѣ запечатлѣются въ сердцѣ моемъ, какъ образъ покровительницы, которой я одолженъ жизнь. Но какимъ образомъ, бѣдное дитя, которое нѣсколько дней тому назадъ, близъ замка Фонтэнъ-ле-Анри, было безъ защиты, могло сегодня испросить мнѣ у короля прощеніе, когда онъ даже отказалъ родному брату своему?

—Это тайна Діаны, отвѣчала дама, измѣняя голосъ и закрывая лицо широкими полями мужской шляпы. Маркизь, поцѣлуйте руку спасительницы вашей и проститесь съ нею. Черезъ годъ она явится опять, чтобы освободить васъ.

Онъ преклонилъ колѣна, взялъ руку Діаны и почтительно поцѣловалъ ее.

—Я не знаю, кто вы, сударыня. Чудесная власть, которою вы пользуетесь и которую доказали въ пользу мою, заставляетъ меня думать, что скромное платье, подъ которымъ вы скрываетесь, не ваше; но какое бы ни было ваше званіе, сердце мое и жизнь принадлежать вамъ на-вѣки.

— Господинъ маркизь, отвѣчала Діана сначала робко, но малу-по-малу голосъ ея дѣлался тверже: не обманывайтесь на мой счетъ; вы, можетъ-быть послѣ въ томъ

раскается. Я бѣдная, простая дѣвушка, дочь разнощика, — жидка. Вы защитили меня отъ оскорбленій, и Господь, чудомъ, котораго я сама еще не могу объяснить себѣ, захотѣлъ, чтобы я спасла вамъ жизнь. Миѣ бы должно было преклонять предъ вами колѣна и просить прощенія за то, что вы уже претерпѣли, и за свободу, которой еще лишены за бѣдное существо, на которое вы даже не обратили вниманія. Прощайте, г-нъ маркизь.

Она вышла, проливая слезы.

Незнакомка взяла ее за руку и привела опять въ ту комнату, въ которой они уже были.

— Не плачь, дитя мое, сказала она, не плачь. Ты любишь маркиза, не старайся побѣждать этой любви. Тебѣ предстоятъ великія опасности, но если ты ихъ побѣдишь, дочь разнощика-жида сдѣлается такою высокою и знатною дамою, что Филиппъ не осмѣлится просить руки твоей, и ты сдѣлаешь ему милость выйдя за него. Крѣпись и надѣйся. Элиась, оставь насъ однихъ. Войди въ сосѣднюю комнату, тамъ для тебя приготовленъ ужинъ. Когда ты кончишь, я совѣтую тебѣ лечь и хорошенько отдохнуть. Тебѣ предстоитъ долгое и утомительное путешествіе, для котораго сонъ придастъ тебѣ новыя силы.

Старикъ повиновался, и онѣ остались одиѣ.

— Теперь, Діана, сказала незнакомка, примемся за дѣло.

Она распустила роскошныя волосы Діаны и убрала ихъ въ длинныя, легкія кудри. Потомъ сняла съ нее юбку и шерстяной казакинъ, крѣпко затянула талью ея и надѣла на нее бархатное платье, оставлявшее открытыми плечи и грудь, по тогдашней модѣ.

Нарядивъ такимъ образомъ молодую дѣвушку, она сняла съ своей шеи богатое алмазное ожерелье и украсила имъ шею Діаны; потомъ сняла она кольца свои и надѣла ихъ на пальцы той, которую одѣвала съ ловкостію и живостію, сдѣлавшими-бы честь самой искусной горничной.

Окончивъ, все это, она обратилась къ дочери разнощика, не понимавшей, что съ нею происходитъ, съ слѣдующими словами:

—Теперь, дитя мое, ты должна научиться, какъ носить эти украшенія, подѣ которыми ты еще прелестнѣе. Смотри, вотъ такъ ты должна оттаивать ногою шлейфъ платья твоего, чтобы не наступить на него и не споткнуться; садясь въ карету, подымай складки платья рѣзкимъ движеніемъ такъ, чтобы видѣнь былъ только кончикъ малааньей ножки твоей, которой позавидуютъ даже принцессы.

Но приступимъ къ вещамъ болѣе важнымъ.

Ты предпримешь далекое путешествіе. Отецъ твой и еще одинъ старикъ будутъ знать тайну нашу. Слуги, которые будутъ окружать тебя, служанки, которыя будутъ услуживать тебѣ, примутъ тебя за другую особу и не должны знать истины. Ты притворишься больною, страдающею, и старайся говорить, какъ можно менѣе. Не удивляйся ничему, вооружись присутвіемъ духа и совершенно ввѣрься старику, о которомъ я тебѣ говорила. Ты должна повиноваться ему слѣпо, будешь или не будешь понимать приказанія его; я думаю, ты рѣдко будешь понимать ихъ. Ты понятлива и смѣла: однихъ этихъ качествъ достаточно, чтобы помочь тебѣ выйти благополучно изъ испытаній, которымъ я подвергаю тебя; но тебя будетъ защищать талисманъ сильнѣйшій и отнимающій у меня всякое сомнѣніе насчетъ неуспѣха моихъ намѣреній.

—Какой же это талисманъ, сударыня?

— Любовь твоя къ Филиппу.

Диана покраснѣла и отворотила голову.

—Теперь помоги мнѣ одѣваться. Я хочу нарядиться въ твое платье; можетъ-быть, мнѣ скоро придется носить его.

Она принялась за дѣло; убрала волосы свои, покрыла грудь холстиннымъ бавлетомъ и нарядилась въ шерстяное платье темнаго цвѣта. Накрывъ голову грубымъ вуалемъ, она посмотрѣлась въ большое венеціанское зеркало и не могла удержаться отъ улыбки самодовольствія.

—Этотъ костюмъ мнѣ очень къ лицу, сказала она; въ самомъ дѣлѣ, я кажусь нѣсколькими годами моложе. Не смотря на это, прибавила она, у меня цѣтъ болѣе моей

свѣжести и шестнадцатилѣтняго блеску. Завтра, служанки мои, принявъ тебя за меня, скажутъ, что госпожа ихъ никогда не была такъ прелестна, не смотря на то, что онѣ меня почти не знаютъ. Случай помогъ мнѣ; онѣ только вчера вступили ко мнѣ въ услуженіе, и всѣ четыре Француженки.

Къ наставленіямъ, даннымъ ею Діанѣ, она прибавила многія другія, особенно объясняя ей правила этикета, и безпрестанно повторяла:

—Дѣйствуй только по совѣтамъ старика, который будетъ тебя провожать. Повинойся ему събо и безпрекословно. Успѣхъ нашего предпріятія, твоя жизнь и жизнь отца твоего у него въ рукахъ.

Стало свѣтать.

Около шести часовъ утра кто-то постучался въ дверь. Незнакомка отворила, и старикъ высокаго роста и съ строгимъ выраженіемъ лица вступилъ въ комнату. Онъ низко поклонился Діанѣ, и преклонивъ колѣна хотѣлъ поцѣловать у нея руку. Таинственная дама громко разсмѣялась. Онъ обернулся съ живостью и только тогда замѣтилъ ошибку свою.

—Меня обманула хитрость ваша, сударыня, сказалъ онъ почтительно незнакомкѣ. Я самъ принялъ эту молодую дѣвушку за васъ; это доброе предзнаменованіе.

— Приступимте къ дѣлу! вскричала она весело. Прощайте, маршалъ. Діана, награда твоя—маркизь де-Сенанкуръ.

Поговоривъ нѣсколько минутъ молча съ старикомъ, она исчезла.

Онъ отворилъ дверь комнаты Эліаса: жидъ, съ обритою бородой и въ богатомъ военномъ мундирѣ, подошелъ къ молодой дѣвушкѣ. Въ то же мгновеніе, маршалъ взялъ золотой свистокъ, привязанный къ кушаку Діаны на длинной золотой-же цѣпочкѣ и свиснулъ три раза. Тотчасъ явились четыре женщины, съ низкими поклонами.

—Госпожа ваша сейчасъ-же хочетъ уѣхать отсюда на нѣсколько времени. Чтобы въ полчаса все было готово къ отъѣзду. Вы будете ѣхать за нею въ особенной каретѣ. Путешествіе это должно быть тайною для всего двorca.

— Я увѣренъ, прибавилъ онъ, когда онѣ удалились, что черезъ пять минутъ эта тайна будетъ всѣмъ извѣстна; а мнѣ этого-то и надобно.

Діанѣ подали роскошный завтракъ; она вспомнила наставленія незнакомки, и вела себя такимъ образомъ, что никто изъ окружавшихъ ее не могъ подозрѣвать, что прислуживаетъ не настоящей госпожѣ своей.

Послѣ завтрака маршалъ подавъ Діанѣ руку; она положила на нее свою такъ, какъ научила ее незнакомка, и оба отправились къ крыльцу, у котораго стояла карета, запряженная въ шесть лошадей.

Лишь только Діана показала на крыльцѣ, часовые ударили въ барабанъ, затрубили въ трубы, и отдали ей честь.

Діана заняла въ каретѣ первое мѣсто, маршалъ сѣлъ возлѣ нея и подавъ знакъ жиду, чтобъ онъ сѣлъ на табуретъ, находившемся противъ молодой дѣвушки.

Карета покатила съ быстротою.

Тогда Эліасъ замѣтилъ, что они выѣзжали изъ Луврскаго Дворца.

IV.

Карета ѣхала съ удивительною быстротою, рѣдко останавливаясь даже по почамъ, и то только для того, чтобы дать Діанѣ время отдохнуть. По-мѣрѣ-того, какъ они подвигались впередъ, маршалъ, казалось, старался окружить себя бѣльшею таинственностью; однажды, при людяхъ онъ отдавалъ той, которую провожалъ, такіа превеличественныя почести, что онѣ непременно должны были обратить вниманіе тѣхъ, которые ихъ видѣли.

При людяхъ онъ говорилъ съ Діаною не иначе, какъ съ обнаженною головою, за то въ каретѣ, безъ свидѣтелей, онъ обходился съ нею съ величайшею небрежностью. Юность и красота Діаны, казалось, еще болѣе раздражали мрачный и задумчивый нравъ старика. По-временамъ красота, наивность милой жидовки имѣли и на него дѣйствіе; улыбка проясняла лицо его, и взглядъ его становился мѣнѣе угрюмъ; но вскорѣ, какъ бы побѣжденный тайнымъ страданіемъ, онъ опять дѣлался мраченъ.

Эліась, хитрый, ловкій, не переставалъ слѣдить за малѣйшими обстоятельствами, которыя могли-бы объяснить положеніе его и странную роль, возложенную на дочь его; онъ почти во всю дорогу притворялся спящимъ. Глаза его были закрыты и голова опущена на грудь, но, не-смотря на это, онъ не упускалъ изъ вида ни одного движенія, ни одного слова. Маршалъ не оставлялъ его ни на минуту одного съ дочерью; не-смотря на то, она была увѣрена, что отцу ея знакома дорога, по которой они ѣхали: можетъ-быть, онъ началъ даже проникать тайну, которою ихъ окружили.

Послѣ двухъ недѣль путешествія, они прибыли въ приморскій городъ; тамъ ихъ ожидалъ корабль, готовый къ отплытію. Они плыли не долго, и вскорѣ заняли опять мѣсто въ каретѣ, которую взяли съ собою на корабль. Наконецъ однажды вечеромъ они остановились въ маленькой деревушкѣ.

Тамъ маршалъ сказалъ жиду:

—Я долженъ здѣсь оставить васъ. Мы скоро опять увидимся. Прикажите кучеру ѣхать по этой дорогѣ до-тѣхъ-поръ, пока вы доѣдете до города. Смѣло проѣзжайте въ городскія ворота, и попросите какого-нибудь ремесленника проводить васъ въ *Эстергардъ*. Оттуда вамъ легко будетъ пробраться въ ту часть города, въ которой всѣ дома деревянные и выстроены на скатѣ пригорка. Выберите тамъ домикъ некрасивой наружности, но котораго окна обращены были-бы къ самому многолюдному мѣсту, и наймите его. Пусть Діана притворится спящею до самой гостиницы. Помните хорошенько, что вы меня не знаете, забудьте титулъ мой. Ждите завтра моихъ приказаній.

Сказавъ это, онъ оставилъ ихъ.

Жидъ повиновался ему во всемъ и выбралъ квартиру, согласную съ даннымъ ему приказаніемъ.

Ночь и день прошли, а маршалъ не являлся. Когда вечерній мракъ сталъ распространяться надъ городомъ, кто-то осторожно прокрался въ домъ, обитаемый жидомъ и дочерью его: то былъ маршалъ.

—Сударыня, сказалъ онъ Діанѣ тихимъ и таинственнымъ голосомъ: старайтесь дѣйствовать такъ, чтобы всѣ ду-

мали, что вы окружаете себя всевозможными предосторожностями, а между-тѣмъ не переставайте безпрестанно показываться у этого окна: таковы приказанія той, которой вы клялись безпрекословно повиноваться.

Діана отвѣчала, что она готова слѣдовать всѣмъ приказаніямъ ея.

Маршалъ продолжалъ:

— Если кто-нибудь заговорить съ вами на языкѣ, котораго вы не знаете, притворитесь, однако-же, что понимаете его; отецъ вашъ, который будетъ съ вами, знаетъ языкъ этой страны и подскажетъ вамъ, что надобно будетъ отвѣчать.

Эліасъ вздрогнулъ.

— Ты думалъ обмануть меня, но ошибся, прибавилъ маршалъ съ горькою усмѣшкой: ты хитеръ, я хитрѣ тебя. Твой продолжительный сонъ во все время путешествія, не обманулъ меня: я замѣтилъ взгляды, которые ты бросалъ въ отверстіе, остававшееся между полуоткрытыми дверцами кареты; я замѣтилъ, съ какимъ искусствомъ ты собиралъ свѣдѣнія на-счетъ дороги, по которой мы ѣхали, и какъ ловко ты умѣлъ однимъ словомъ, повидимому, пезначительнымъ, выпытывать встрѣчавшихся намъ людей. Словомъ, мнѣ извѣстна вся прошедшая жизнь твоя и я знаю, что ты жилъ въ этой странѣ. Не хлопочи-же напрасно, не хитри! Ты меня не обманулъ и никогда не обманешь, старый жидъ!

Онъ поставилъ двѣ свѣчи на окно, и, не обращая вниманія на смущеніе Эліаса, сдѣлалъ знакъ Діанѣ, чтобы она подошла непринужденно, такъ однако же, чтобы проходящіе могли видѣть ее.

Вскорѣ послышался на улицѣ ропотъ; толпа собиралась подъ окнами, увеличивалась болѣе и болѣе, и восклицанія раздались изъ среды огромнаго сборища.

Маршалъ приказалъ жиду открыть окно. Въ то-же мгновеніе двѣ тысячи рукъ замахали шляпами и двѣ тысячи голосовъ закричали: вивать! Восторгъ былъ безпримѣрный, походившій на изступленіе.

— Сдѣлайте рукою знакъ, какъ-будто вы благодарите. Ка-

житесь растроганною; отрите слезы говорилъ маршалъ испуганной Діанѣ.

— Она повиновалась съ трепетомъ.

При видѣ притворнаго смущенія, восторгъ народа увеличился съ большею силою.

— Во дворецъ! кричалъ народъ, во дворецъ! Возвратитъ ей корону! пусть она опять царствуетъ надъ народомъ своимъ!

— Протяните руку къ народу, потомъ прижмите ее къ сердцу, шепталъ маршалъ.

Она выполнила приказаніе.

— Притворитесь, будто не соглашаетесь, и хотите отойти отъ окна.

Едва она успѣла исполнить приказанія ментора своего, какъ крики толпы поднялись еще сильнѣе. Потомъ народъ ворвался въ комнату. Діану вынесли на улицу, посадили на носилки и повторяли со всѣхъ сторонъ: во дворецъ! во дворецъ! Пусть она царствуетъ! пусть царствуетъ и возвратитъ счастье народу своему!

— Ахъ! прошепталъ маршалъ, смотря на восторгъ народа: зачѣмъ она не послушала меня? Зачѣмъ не явилась сама сюда, а прислала этого ребенка? Я очень-хорошо зналъ, что лишь только народъ увидитъ ее, то захочетъ возвратитъ ей престоль. Чтѣ теперь дѣлать? Какъ разувѣрить толпу? Какъ извлечь пользу изъ ошибки ея?

— Они убьютъ дочь мою! вскричалъ жидъ, появившій все дѣло изъ словъ маршала. Несчастная погибла! Боже мой, Боже мой, защити ее, ты одинъ можешь спасти ее!

— Чтѣ дѣлать? какимъ образомъ поступить, чтобы не повредить повелительницѣ моей этой выходкой, злополучная слѣдствія которой я долженъ былъ предвидѣть?

— Пойдемте, пойдемте, не покидайте дочери моей! вскричалъ Эліасъ, стараясь увлечь маршала.

— Присутствіе мое можетъ только увеличить опасность, въ которой находится дочь твоя; оставь меня.

— Нѣтъ, сказалъ Эліасъ, нѣтъ, вы не позволите убить дочь мою.

— Если меня увидятъ съ тобою, все погибло! Никто не знаетъ, что я привезъ ее сюда; присутствіе мое въ

этомъ городѣ не можетъ никого удивить, потому-что я здѣшній, ты меня даже не знаешь. Впрочемъ, у меня есть вѣрное средство заставить тебя молчать.

Онъ хотѣлъ поразить жида кнжалою.

Старикъ быстрымъ движеніемъ ускользнулъ отъ удара, выбѣжалъ на улицу и вскорѣ достигъ странную толпу, увлекавшую Діану ко дворцу. Толпа состояла изъ смѣси людей низшаго сословія, ремесленниковъ и женщинъ; большая часть была безъ оружія, нѣкоторые размахивали палками и негодными шпагами.

Когда Эліасу удалось пробраться до Діаны, толпа приближалась уже ко дворцу. Блѣдная и трепещущая молодая дѣвушка умерала со страха.

Солдаты, стоявшіе на часахъ у дворца, выстроились и стали заряжать ружья.

— Къ чему всѣ эти предосторожности? спросилъ молодой человѣкъ, одѣтый весьма просто и спокойно сходящій по ступенямъ, ведущимъ ко дворцу.

Если солдаты мои берутся за оружіе, прибавилъ онъ, то это, можетъ-быть, единственно для того, чтобы отдать Королевѣ Христинѣ почести, подобающія сану и красотѣ ея. Она хочетъ посѣтить Швецію, которою управляла съ такою мудростію, и государя, которому передала тяжесть правленія. Добро пожаловать! Намъ жаль только, что Ея Высочество скрыла отъ насъ прибытіе свое; безъ этого обстоятельства, мы предупредили бы ее и сами явились бы преклонить предъ нею колѣни съ уваженіемъ, которое пытаемъ къ высокой особѣ ея.

Эліасъ приблизился и упалъ къ ногамъ Короля:

— Ваше Высочество, вы видите предъ собою не Королеву Христину, вскричалъ онъ: это дочь моя, бѣдное дитя, сдѣлавшееся жертвою ошибки, происшедшей отъ сходства съ Ея Высочествомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ Карлъ-Густавъ: да это прекрасный сюжетъ для народной легенды. Вадмельскимъ пряхамъ будетъ новая баллада, которую онѣ станутъ распѣвать зимою, при жужжаніи веретена.

Едва толпа услышала эти слова, какъ восторгъ ея пре-

вратился въ ярость и жестокость противъ той, которую она за минуту несла съ торжествомъ.

— На висѣлицу обманщицу!

— Въ море лже-королеву!

— На смерть! На смерть!

Они бросили Діану на землю и привязывали уже веревку на шею жертвы, когда солдаты пришли на помощь къ дочери Ильи, которую онъ защищалъ съ отчаяннымъ, но безсильнымъ мужествомъ.

Освободивъ ложную Христинну изъ рукъ убійць, солдаты привели ее къ Королю, окровавленную и съ раздранною одеждой.

Государь поклонился народу, который отвѣчалъ ему единодушными восклицаніями, и воротился во дворецъ. Потомъ онъ приказалъ привести къ себѣ жида и дочь его.

— Я хочу допросить ее въ вашемъ присутствіи, господа, сказалъ онъ двумъ или тремъ придворнымъ: подойдите и вы, Графъ Сколокестеръ, я желаю знать ваше мнѣніе на-счетъ этого страннаго происшествія.

Тотъ, къ кому обращены были послѣднія слова короля, поклонился и повнивался.

Діана взглянула на него — то былъ маршалъ!

— Успокойся, прелестная героиня, сказалъ Карль-Густавъ, и говори правду: отъ искренности твоей будетъ зависѣть участь твоя. Кто послалъ тебя въ Стокгольмъ?

— Я прибыла сюда съ отцомъ моимъ, отвѣчала молодая дѣвушка, рѣшившись сдержать клятву, данную Королевѣ.

— Этотъ старикъ твой отецъ? Какъ его зовутъ?

— Эліасомъ.

— Что привело тебя въ Стокгольмъ, старикъ?

— Я купецъ, купецъ долженъ безпрестанно посѣщать большіе города.

— Ты изъ Франціи?

— Мы съѣли на корабль въ Гамбургѣ, чтобъ переправиться въ Швецію, возразилъ жидъ, не давая прямого, рѣшительнаго отвѣта на дѣлаемые ему вопросы.

— Тебя послала въ Швецію Королева Христинна?

— Клянусь Богомъ отцовъ моихъ и головою дочери моей, что никогда имя Королевы Христины не было произнесено при моей дочери, и что если въ самомъ дѣлѣ Ея Высочество причиною пріѣзда нашего, то мы о томъ не знали.

— Ага! сказала Король... Однако надобно положить этому дѣлу конецъ, отъ котораго мы только удаляемся. Одна лишь двоюродная сестрица наша, Ея Высочество Королева Христина, можетъ вывести насъ изъ затрудненія. Надобно послать къ ней эту молодую дѣвушку, которая такъ похожа на нее и которая носитъ ея драгоценныя вещи: я вижу на рукѣ ея брилліантъ, который нѣкогда принадлежалъ шведской королю. Я думаю, ей не будетъ неприятно познакомиться и съ этимъ хитрымъ жидомъ. Кому-бы препоручить проводить ихъ къ ней?

Онъ обратился къ особамъ, находившимся позади его.

— Если-бъ вамъ угодно было взять этотъ трудъ на себя, Графъ Сколокестеръ, я увѣренъ, Ея Высочество будетъ вамъ крайне обязана.

Графъ поклонился, поблѣднѣвъ.

— Я въ восхищеніи отъ услужливости вашей. Выслушайте-же меня, потому что я назначаю васъ въ настоящее посольство.

Вы повторите Ея Высочеству Королевы Христины, что она можетъ явиться въ Стокгольмъ, когда ей будетъ угодно, свободно и не скрываясь. Швеція и Король ея, какъ я сказала уже, питаютъ глубочайшее уваженіе къ той, которая была ихъ государыней. Присутствіе ея нисколько не возмутитъ спокойствія этой страны; мы даже учредимъ для нея празднества и банкеты, которые не позволятъ ей сожалѣть о дворѣ Французскомъ.

Давно уже не видалъ я Королевы Христины; но, благодаря Бога, мнѣ извѣстны малѣйшія дѣйствія ея. Потрудитесь вручить Ея Высочеству этотъ журналъ, въ которомъ записано всё, что дѣлала она со дня выѣзда ея изъ Швеціи. Тутъ ничего не пропущено; вы найдете даже обстоятельства самыя незначительныя.

Я могу сказать вамъ, прибавилъ онъ, перелистывая книгу, въ какой день молодая дѣвушка, желая спасти отъ смерти

каптана, котораго она любитъ, согласилась надѣться въ платьѣ таинственной покровительницы и позволила увести себя въ страну ей незнакомую, съ проводникомъ также незнакомымъ, котораго называли маршаломъ: этотъ титулъ неизвѣстный проводникъ можетъ носить только во Франціи, потому что въ Швеціи его за нимъ не утвердили еще. Вы прибавите, отъ меня, что молодая дѣвушка была вѣрна и неустрашима, она готова была пожертвовать жизнью скорѣе, чѣмъ измѣнить данной клятвѣ. Графъ, я очень уважаю вѣрность, но презираю измѣнниковъ, почти столько-же, какъ подлыхъ трусовъ.

Корабль ждетъ васъ въ гавани. Если черезъ четверть часа въ Стокгольмѣ найдется измѣнникъ, я велю разстрѣлять его. Идите!

Вотъ женщина, жидъ и дворянинъ! прибавилъ онъ съ омерзѣніемъ и какъ-бы въ заключеніе: и изъ нихъ дворянинъ измѣнникъ! Четыре мѣсяца назадъ, разставаясь со мною, чтобы ѣхать въ Англію, какъ онъ говорилъ, разсыпаясь клятвами въ вѣрности и преданности.... Онъ отправился во Францію, чтобы лучше вести противъ меня заговоръ съ Христиною; къ-счастью, онъ одинъ безчеститъ имя свое и мое доброе и вѣрное шведское дворянство не походить на него.

Потомъ обратился онъ къ Дианѣ:

— Вотъ слова, которыя я поручаю тебѣ передать покровительницѣ твоей, Королевѣ Христинѣ. Чтобы вы не могли пожаловаться на шведское гостепримство, я велю приготовить вамъ, на кораблѣ, который свезетъ васъ обратно, нѣкоторые подарки, которые вы сохраняете отъ меня на-память.

Я прибавлю къ нимъ также нѣсколько бездѣлушекъ для покровительницы твоей; я не хочу, чтобы она могла думать, что я сержусь на нее за выходку довольно-неумно выдуманную, надобно въ томъ признаться. Впрочемъ, издали плохо видно, а потому простительно не попасть въ цѣль.

V.

Нѣсколько времени спустя, въ уединенномъ покоѣ Фонтенблосскаго замка, королева Христина тихо разговари-

вала съ человѣкомъ высокаго роста, котораго физіономія лишена была всякаго благородства, не смотря на правильность чертъ лица.

— Мональдески, говорила она ему: съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю я отвѣта изъ Швеціи! Сердце мое исполнено надежды на мое предпріятіе, и каждый день я радуюсь выдумкѣ своей. . . . Въ сходствѣ этой молодой дѣвушки со мною видѣнь персть Божіей, и Господь не даромъ послалъ ее ко мнѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, если видѣ Діаны произведетъ сильное впечатлѣніе на Шведовъ, если правда, что народъ мой, какъ говорилъ Сколокестеръ, не только не забудетъ меня, но сожалѣтъ о королевѣ своей и съ нетерпѣніемъ переноситъ иго, налагаемое на него правленіемъ Карла-Густава, если все это правда, то я отправлюсь туда, торжественно пройду Швецію, открыто явлюсь въ Стокгольмъ, и снова вступлю на престоль, который отвергла въ минуту заблужденія. Если же Шведы равнодушно будутъ смотрѣть на ту, которую не преминуть принять за Христину, если они не будутъ толпиться около нея съ любовью и радостными восклицаніями, то, по-крайней-мѣрѣ, я не подвергнусь сраму и горести постыдной неудачи. Наконецъ, появленіе Діаны въ Стокгольмѣ объяснитъ мнѣ чувства Карла-Густава ко мнѣ, и я узнаю, пугаетъ-ли его мысль о возможности моего возвращенія.

Если предпріятіе мое не удастся, я явлюсь ко двору Лудовика XIV и тѣмъ опровергну мысль о мнимомъ путешествіи моемъ и о попыткѣ, которую приписываютъ мнѣ въ Швеціи. Еслижъ народъ возстанетъ въ Стокгольмѣ противъ короля, то Сколокестеръ постарается выплграть пужное время для того, чтобъ я сама могла туда явиться. Неправда ли, Мональдески, предпріятіе мое увѣнчается успѣхомъ? Ты одинъ мой повѣренный; ты одинъ знаешь, — что королева Христина скрывается во дворцѣ своемъ, въ Фонтенбло. Тебѣ одному рассказала она исторію этой молодой дѣвушки. . . . тебѣ одному повѣрила она страстное желаніе свое вновь вступить на престоль, потому-что обладаніе престоломъ, Мональдески, даетъ возможность осыпать почестями преданныхъ и вѣрныхъ

слугъ, подобныхъ тебѣ; власть и могущество даютъ средства соразмѣрить награду съ привязанностью!

Мональдески преклонилъ колѣно и почтительно поцѣловалъ руку королевы.

Въ это время послышался на дворѣ стукъ подъѣхавшей кареты.

Христина бросилась къ окну.

Она увидѣла Діану и жида Эліаса, вышедшихъ изъ кареты.

При этомъ зрѣлищѣ королева поняла, что предпріятіе ея не удалось, и страшно поблѣднѣла. Двусмысленная улыбка пробѣжала по губамъ Италіянца.

— Пусть они войдутъ; пусть тотчасъ войдутъ! вскричала она. Идите, Мональдески, спѣшите.

Нѣсколько минутъ спустя ввели къ Христинѣ старика и дочь его. Діана бросилась къ ногамъ покровительницы своей; Эліасъ упалъ ницъ, по восточному обычаю.

— Итакъ предпріятіе наше не удалось? спросила она, притворяясь ровнодошною, между тѣмъ какъ сердце ея сильно билось.

— Народъ шведскій не забылъ доброй королевы своей Христины, отвѣчалъ жидъ: лишь только онъ принялъ дочь мою за прежнюю свою государыню, какъ поднялся со всѣхъ сторонъ, чтобы опять возвести ее на престолъ.

— А! добрые Шведы мои не забыли меня, я это знала, сердце мое увѣряло меня въ томъ! Какія же были послѣдствія этого возмущенія?

Король Карлъ-Густавъ отослалъ насъ во Францію, а графъ Сколокестеръ лишилъ себя жизни; этотъ пакетъ, присланный къ вамъ отъ Шведскаго Короля, подробнѣе объяснитъ все дѣло Вашему Высочеству.

Христина взяла пакетъ и сломала печать. По мѣрѣ того, какъ она взорами пробѣгала бумаги, находившіяся въ конвертѣ, лицо ея краснѣло отъ досады и губы блѣднѣли отъ злобы, стыда, отчаянія.

Когда она кончила читать, сложила руки на груди и посмотрѣла на Мональдески, онъ отворотилъ голову и опустилъ глаза; онъ понялъ, что королева все знаетъ...

Она схватила свистокъ , висѣвшій на поясѣ ея , громко свиснула раза два , потомъ , подошедъ къ окну , вскричала къ прислужникамъ и подоспѣвшей стражѣ :

— Господа, вотъ я возвратилась къ вамъ. Пусть весь дворъ мой сейчасъ соберется; пусть стража возьмется за урожіе и окружить дворецъ такъ, чтобы никто не могъ изъ него выйти. Капитанъ! пошлите въ городъ за священникомъ, пусть онъ сейчасть прійдетъ сюда.

Я хочу наградить сегодня всѣхъ вѣрныхъ слугъ моихъ, прибавила она, какъ бы не примѣчая страха Мональде-ски, каждаго по дѣламъ. Діана, вотъ полное про-щеніе маркизу Филиппу де - Сенанкуру; я присовоку-пляю къ нему дипломъ на званіе полковника въ службѣ французскаго короля; я купила ему полкъ. Путешествіе утомило тебя; удались въ покой, который укажетъ тебѣ мой интендантъ.... Закрой хорошенько окна, молись Богу, и спи, дитя мое.

Она поцѣловала Діану въ лобъ и отпустила ее. Эліасъ готовился слѣдовать за дочерью.

— Остайся, сказала ему королева повелительно, оста-сь! Молодой дѣвушкѣ не надобно знать о томъ, что здѣсь будетъ; но мнѣ въ эту минуту нуженъ человекъ дѣль-ный и храбрый. Ты услышишь приказанія мои. От-правься въ Фонтенблосскую церковь; вели вырыть тамъ могилу и прикажи, чтобы все было приготовлено къ завтра-шнему дню: на той могилѣ надо будетъ отслужить паннихиду.

— По комъ? спросилъ Эліасъ.

— За упокой души Джована Мональдески, перваго дворя-нина при дворѣ Королевы Христіны.

Мональдески упалъ на колына.

— Помилуйте, вскричалъ онъ, сжальтесь!

— Священникъ сейчасъ вошелъ во дворецъ;— черезъ чет-верть часа изъ него вынесутъ твой трупъ.

— Сжальтесь! повторилъ онъ.

Она оттолкнула его ногою. Въ это время вошелъ свя-щенникъ и солдаты, которые должны были исполнить при-говоръ королевы.

Два дня спустя, Королева Христіна, окруженная всѣмъ дворомъ своимъ и съ истинно-царскимъ великолѣпіемъ, от-

правилась въ Бастилію. Комендантъ принялъ королеву съ почестями, должными сану ея и велѣлъ привести маркиза Филиппа де-Сенанкура.

— Маркизь, сказала королева: вамъ дарована Его Высочествомъ королемъ Людовикомъ XIV полная и совершенная свобода; я-же присовокупляю къ этой милости дипломъ на чинъ полковника.

— Мнѣ! вскричалъ удивленный маркизь, мнѣ! Какому чуду обязанъ я этимъ счастьемъ и покровительствомъ Вашего Высочества?

— Доброму и великодушному поступку. Вы защитили женщину; женщина должна вознаградить васъ.

— Но кто это женщина? Черты лица Вашего Высочества припоминаютъ мнѣ другія черты....

— О, будьте увѣрены, что не я брожу по Франціи со старымъ разнощикомъ, сказала она улыбаясь. Я не дошла еще до подобнаго безрасудства.

Но этимъ не должны окончиться милости мои: Полковникъ долженъ быть женатъ, и я беру на себя сыскать для васъ жену; но жена ваша не должна быть низкаго происхожденія, а потому я предлагаю вамъ руку Анжелики, дочери графа де-Божанси.

Диана, присутствовавшая при этой сценѣ, сдѣлала движеніе изумленія и горести. Королева взяла ее за руку и успокоила взглядомъ.

— Невѣста ваша была похищена отъ родителей цыганкой, потомъ призрѣлъ ее старый торгашъ. Вотъ уже два мѣсяца, какъ я изслѣдываю это дѣло. По звѣдніямъ, даннымъ мнѣ старикомъ, призрѣвшимъ ее, оказывается, что графъ и графиня де Божанси скончались, оплакивая единственное дитя, которое было у нихъ похищено. Призваніе самой цыганки, находящейся въ тюрьмѣ и которой имя знакомо было Эліасу, и еще другія, неоспоримыя свидѣтельства, подтверждаютъ знатное происхожденіе Дианы, или лучше сказать, Анжелики. Она вступитъ во владѣніе имѣніемъ своего рода, и я даю ей еще сверхъ-того сто тысячъ экю въ приданое. Вотъ вамъ жена, маркизь де Сенанкуръ.

Эліась приподнял вуаль Діаны, в счастливый Филиппъ, удивленный и восхищенный, узналъ ва колѣна предъ неслѣстной своей.

— Будете ли вы любить меня? спросила тихимъ, едва слышимымъ голосомъ Діана: будете ли вы, испомнившіе даже лица той, которая одолжена вамъ честію и жизнью, любить меня?

— Черты освободительницы моей впечатлѣлись въ сердце мое, отвѣчалъ онъ: если-бъ Ажелика не была Діаной, я не женился бы на ней. Одна Діана была бы моею женою.

Мѣсяцъ спустя, счастливый Эліась присутствовалъ на великолѣпной свадьбѣ приемыша своего, въ Фонтенблосскомъ дворцѣ, и переехалъ съ нею жить въ прекрасный замокъ Божанси.

Недѣлю спустя послѣ свадьбы, Христиана оставила Францію и отправилась въ Италію.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ ВЪ 1842 ГОДУ.

Предѣлами дѣятельности театральнаго года, въ собственномъ смыслѣ, должно было-бы принимать время отъ открытія спектаклей послѣ Великаго Поста и Свѣтлой Недѣли до закрытія ихъ, въ концѣ Масляницы, и обозрѣвая тогда весь годъ, можно было бы слѣдовать за постепеннымъ ходомъ и развитіемъ этой дѣятельности. Отдохнувъ отъ шумной масляницы и обновивъ свои силы, публика, въ ожиданіи весеннихъ дней, еще находитъ удовольствіе въ спектакляхъ, и охотно собирается въ бенефисы, которые однако, по-мѣрѣ приближенія лѣта, все пустѣютъ и пустѣютъ; затѣмъ настаетъ самое тихое время года для театровъ, когда, изъ трехъ театровъ, обыкновенно играютъ только на одномъ, и, послѣ этого застоя, опять начинается пробуждаться театральная жизнь, наступаютъ осенніе бенефисы и зимніе спектакли, однимъ словомъ, карнаваль, оканчивающійся недѣлю, веселою для публики, утомительною для артистовъ, выгодною для Дирекціи! Эта недѣля шумнымъ финаломъ заключаетъ весь театральнѣй годъ, и въ ней публика прощается съ піесами, которыя ее занимали въ продолженіе зимы, и съ которыми она, такъ-сказать, свыкалась. Не

думайте, чтобъ это былъ парадоксъ, но при открытіи театровъ, весною, публика выказываетъ совершенно другія требованія, другой вкусъ, нежели зимою, когда кромѣ театральной залы ей не было почти ни какого другаго средства, чтобы *убить время*. Весною, видите ли, возникается самый опасный соперникъ театровъ—природа!

Скажите-же, пожалуйста, какое различіе существуетъ между спектаклемъ 31-го декабря 1842 и спектаклемъ 1-го января 1843, кромѣ того, что капельдинеръ, уходя въ кресла, васъ поздравляетъ съ Новымъ Годомъ, съ новымъ счастьемъ, чего онъ не дѣлалъ наканунѣ? То же, что васъ восхищало вчера, будетъ восхищать и сегодня, и завтра, чему вы смѣялись третьяго-дня, тому будете смѣяться и послѣ-завтра. Ни публика, ни артисты не выходятъ изъ своихъ складокъ, изъ своихъ привычекъ, — и на такомъ-то мгновеніи литературный обычай привуждаетъ насъ опредѣлить рубежъ дѣятельности нашихъ театровъ въ продолженіе года!

Повинуясь этому обычаю, остановимъ, хотя мысленно, этотъ стремительный потокъ разнородныхъ наслажденій, составляющихъ одну изъ главнѣйшихъ принадлежностей столичной жизни. Или, если не остановимъ, то, по-крайней-мѣрѣ, оглянемся на его извилистое и быстрое теченіе, которымъ съ прошлаго года подмыто не одно нѣжное растеніе, взлелѣянное и взрощенное на нашемъ сѣверѣ, и увлечено силою теченія, прежде нежели могло пустить мощные корни.

Въ самомъ дѣлѣ, какія драматическія произведенія, явившіяся въ теченіе 1842 года, устояли отъ напора всеокружающаго времени? Какія произведенія, исключая піесъ, явившихся въ послѣднихъ бенефисахъ, передаются новому 1843-му году, какъ драматическія сочиненія, отличенныя особеннымъ привѣтомъ публики, и назначенныя, если не всегда, то, по-крайней-мѣрѣ, долгое время украшать собою русскую сцену? Со вздохомъ должны мы признаться, что не одной изъ такъ-называемыхъ *большихъ* піесъ, повидимому, не суждено этого драматическаго долгоденствія; а обратившись къ піесамъ меньшаго размѣра, находимъ результатъ еще менѣе удовлетвор-

тельный. Почти всё онъ едва дожили на сценѣ до трехъ или четырехъ представлений, въ промежуткѣ времени между скороспѣлымъ бене-фисомъ одного артиста и бене-фисомъ другаго; большая часть изъ нихъ были піесы переводныя или передѣлки на русскіе нравы, рѣдко удающіяся вполне, и поэтому не довольно-интересующія публику. Оригинальныя піесы, данныя въ 1842 году, начинающія съ драмъ, были:

Елена Глинская, драматическое представленье въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Н. А. Полеваго, — піеса, явившаяся на сцену въ самую благоприятную минуту, въ разгарѣ карнавала (12-го Февраля), и имѣвшая до 1-го марта пятнадцать представлений. Этотъ необыкновенный успѣхъ, однако, какъ бы истощилъ средства піесы, и представленная по открытіи театровъ, Елена Глинская болѣе не привлекла зрителей, такъ что съ тѣхъ поръ была дана раза три, не болѣе.

Святославъ, драма молодого автора, В. З., который, выступая впервые на драматическое поприще, не могъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ сцены, тѣмъ болѣе, что и предметъ, избранный имъ, не представлялъ къ тому большихъ средствъ. Піеса имѣла только два представлениа.

Царь Іоаннъ Васильевичъ Шуйскій, драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, съ прологомъ: *Сдача Кексгольма*, соч. П. Г. Ободовскаго, не имѣла большого успѣха, отчасти по сходству содержанія съ драмой Н. В. Кукольника: «Князь Скопинъ Шуйскій,» отчасти же отъ того, что была представлена въ самое неблагоприятное время года, весной. Она, однако, сохранилась въ репертуарѣ, потому-что была играна вновь въ концѣ Декабря.

Мать Испанка, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Н. А. Полеваго, не запечатлѣна характеромъ, отличающимъ произведенія этого автора, и явившись притомъ посреди лѣта, не выдержала большого числа представлений. Эта драма была переведена на нѣмецкій языкъ, и представлена на здѣшнемъ театрѣ.

Великій Артистъ, или Любовь дебютантки, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. П. Каменскаго, какъ первое дра-

матическое произведеіе талантливаго писателя, могла служить ему опытомъ для соразмѣренія и изученія драматическихъ эффектовъ и требованій сцены, совершенно различныхъ отъ расположенія плана повѣсти или романа.

Русская Боярыня, драматическое представленіе въ одномъ дѣйствіи, соч. П. Г. Ободовскаго, явившееся на сценѣ въ половинѣ декабря и напечатанное въ нынѣшней книжкѣ Репертуара и Пантеона, изъ всѣхъ піесъ, игравшихъ до сихъ поръ нынѣшнею зимою, наиболѣе заинтересовало публику, какъ по чистому вкусу, такъ и знанію сцену, съ которыми оно написано.

Обращаясь къ *комедіямъ*, находимъ, въ числѣ десяти новыхъ, представленныхъ съ начала 1842 года, только одну оригинальную. Это :

Женитьба, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Н. Гоголя, встрѣченная публикою со всѣмъ привѣтомъ, котораго заслуживалъ авторъ «Ривизора,» и провоженная со сцены съ единодушнымъ негодованіемъ, за оскорбленіе всѣхъ литературныхъ и сценическихъ приличій! Къ этой же піесѣ должно присоединить *Сцены изъ Мертвыхъ Душъ*, того же автора, варварски передѣланныя для театра кѣмъ-то и, поэтому, ни сколько не прибавившія славы Н. В. Гоголю, рѣшившемуся, какъ кажется, смотрѣть на міръ и родъ человѣческій съ особенной, вовсе не привлекательной точки зрѣнія.

Изъ длинной вереницы *водевилей* отмѣчаемъ оригинальные въ томъ порядкѣ, въ которомъ они появлялись на сценѣ :

Похожденіи Петра Степанова сына Столбикова, комедія съ куплетами взятая изъ романа Грицька-Основьяпенка и передѣланная для сцены тремя водевилями нашими, П. С. Ѳедоровымъ, Н. Перещельскимъ и Г. Григорьевымъ, не имѣла ни малѣйшаго успѣха. Это была первая попытка написать піесу втроемъ, по Парижскому обычаю, и попытка не удалась вовсе.

Настенька, провинціальныя сцены въ трехъ картинахъ, съ куплетами, соч. Н. Корвкина, набросанныя бойко и живо, понравились публикѣ, и замерли только потому, что были даны при наступленіи лѣта.

Фонарь, водевиль въ трехъ декораціяхъ, соч. ***, о которомъ бы не стоило и упоминать, если бы онъ не принадлежалъ къ числу оригинальныхъ піесъ минувшаго года.

Учитель, комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. В. З. Молодой авторъ драмы *Святославъ* и въ этой піесѣ показалъ неопытность на драматическомъ поприщѣ. Онъ не умѣлъ вполне воспользоваться счастливою мыслью, служившею основою его піесѣ, и прибѣгнулъ къ неестественной завязкѣ.

Выборы, или За споромъ дѣло стало, водевиль въ одномъ дѣйствіи, Г-на Н. П., также лишь отмѣчается въ общемъ спискѣ оригинальныхъ піесъ, и не заслуживаетъ болѣе ни слова.

Комедія о войнѣ Фредосы Сидоровны съ Китайцами, Сибирская сказка въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Н. А. Полеваго, не что иное, какъ пустой фарсъ, отнявшій у почтеннаго автора время, которое онъ могъ бы употребить съ бѣльшею пользою.

Интересный случай, или Художникъ и запыщеніе, водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. П. И. Григорьева, очень удачно передѣланъ для сцены изъ небольшой повѣсти.

Этимъ оканчивается весь списокъ оригинальныхъ піесъ. Присоединивъ къ сему списку оперу *Русланъ и Людмила*, находимъ, что ихъ всего было 16, въ томъ числѣ 6 драмъ, 1 опера, 1 комедія и 7 водевилей.

Переходя къ піесамъ переведеннымъ и передѣланнымъ съ иностранныхъ языковъ, находимъ, начиная опять съ драмъ :

Римскій боецъ (Гладиаторъ), драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. А. Суме, переведенная съ Французскаго В. А. Каратыгинымъ, произвела сильный эффектъ по мастерской игрѣ нашего трагика.

Пльмой, драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, переведенная съ Французскаго, принадлежитъ къ числу піесъ, сочиняемыхъ въ Парижѣ для большихъ бульварныхъ театровъ, старающихся лишь поражать зрителей запутанною завязкою, множествомъ эпизодовъ и эффектныхъ сценъ. У насъ эти піесы успѣха не имѣютъ.

Помъшанный, драма въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ Французскаго Тимономъ Бурмицкимъ, и

Помъшанный, драма въ двухъ дѣйствіяхъ, переведенная съ Французскаго. Ни той, ни другой не посчастливилось на сценѣ, хотя первая изъ нихъ написана очень хорошими стихами.

Христина, Королева Шведская, драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ нѣмецкаго П. Г. Ободовскимъ, представила случай Г-жѣ Дюръ выказать въ новой, блистательной роли развивающееся дарованіе ея.

Обойщикъ, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, переведенная съ Французскаго, довольно занимательная въ оригиналѣ, лишается этого достоинства въ переводѣ, когда слишкомъ рѣзко видна поспѣшность, съ которою пишутся эти пьесы для Парижа.

Король Энцо, историческая драма въ трехъ дѣйствіяхъ и пяти отдѣленіяхъ, въ стихахъ, соч. Раушаха, передѣланная съ нѣмецкаго В. З., изъ всѣхъ переводныхъ драмъ прошедшаго года имѣла наибольшій успѣхъ, благодаря звучнымъ стихамъ, которыми она написана, и многимъ сильнымъ сценамъ, возвышеннымъ еще болѣе могущественнымъ талантомъ Г-на Каратыгина 1-го.

Первая и послѣдняя любовь Карла XII, драма въ одномъ дѣйствіи, переведенная съ Нѣмецкаго П. Г. Ободовскимъ, обратила на себя вниманіе публики игрою нашихъ артистовъ и молодой дебютантки, Г-жи Самойловой 3-й.

Честъ мужа и честъ купца, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, переведенная съ Французскаго, вся основана на сценахъ сильнѣйшаго эффекта, поддержаннаго игрою нашихъ лучшихъ артистовъ.

Переводныя комедіи были :

Павелъ Павловичъ съ супругою, комедія въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ Нѣмецкаго П. А. Каратыгинимъ. Она принадлежитъ къ числу передѣлокъ получающихъ отъ остроумія автора-переводчика достоинства и интересъ оригинальной пьесы.

Загадка, комедія въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ Нѣмецкаго не столь удачно и не столь искусно, какъ

предъидущая и, поэтому, вскорѣ исчезнувшая со сцены, не смотря на прекрасную игру А. М. Каратыгиной.

Критика на Школу Женщинъ. Временное произведение это, имѣвшее значеніе во времена Молиера, когда французская публика возставала на «Школу Женщинъ», не могла произвести впечатлѣнія на сценѣ нынѣ. Она была дана вмѣстѣ съ «Школою Женщинъ», но можно было-бы очень хорошо обойтись и безъ нея. Въ наше время, *Критика на Школу Женщинъ* сохранила достоинство историческо-литературное, а вовсе не сценическое.

Первый день брака черезъ тридцать лѣтъ послѣ свадьбы, комедія въ одномъ дѣйствіи, переведенная съ французскаго Д. Т. Ленскимъ, является по временамъ на сценѣ донынѣ, благодаря очаровательной игрѣ Г-жи Каратыгиной, умѣющей скрыть и сгладить нѣкоторыя сцены, которая безъ того показались бы слишкомъ рѣзкими.

Наука и Женщина, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, — не знаемъ навѣрное, оригинальная ли, или переведенная, скорѣе всего можно сказать — передѣлка. Во всякомъ же случаѣ, эта передѣлка была неудачная, и піеса давно уже забыта.

Кто изъ насъ? или Тайна, купленная дорогою цѣною, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣлка изъ романа Марріета, переведенная съ французскаго, не насладились долгоденствіемъ на сценѣ.

Одна за другую, комедія въ одномъ дѣйствіи, переведенная съ французскаго, понравилась публикѣ.

Женатый Проказникъ, или Рискнулъ, да и заказался, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Скриба, переведенная съ французскаго, исполняется на русской сценѣ мастерски, и принадлежитъ къ числу немногихъ піесъ, сохранившихся донынѣ въ репертуарѣ.

Вся бѣда, что плохо объяснились, комедія въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ Французскаго вторично, и не имѣвшая нынѣ ни малѣйшаго успѣха.

За комедіями слѣдуетъ списокъ переводныхъ *водевилей*, большая часть которыхъ давно забыты. Вотъ они, по порядку появленія:

Левъ Гурвичъ и Уляна Осиповна Синичкины, или Онъ у ней первый, а она у него вторая, неудачная передѣлка на русскіе нравы стариннаго французскаго водевиля le Bénéficiaire, уже играннаго по-Русски, подъ названіемъ *Бенефициантъ*.

Симонъ-Сиротинка, водевиль въ одномъ дѣйствіи, принадлежитъ теперь къ Древней Исторіи.

Вдова или Тюрьма! водевиль въ одномъ дѣйствіи, довольно-забавный, но не пользовавшійся долгоденствіемъ.

Барская Спесь и Антипы Глазки, водевиль въ одномъ дѣйствіи, искусно передѣланный на русскіе нравы Д. Т. Ленскимъ, почему-то не имѣлъ успѣха на нашей сценѣ.

Брюза, водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго Н. А. Каратыгинимъ, заслуживалъ явиться не весною, а осенью: тогда онъ не былъ бы забытъ публикою такъ скоро, и вѣрно забавлялъ бы болѣе многихъ другихъ піесъ.

Три звездочки, водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведенный съ французскаго имѣлъ ту же участь, хотя былъ прекрасно разыгранъ.

Неровный бракъ, драма въ одномъ дѣйствіи, перев. К. В.—ромъ, съ куплетами П. С. Федорова, какъ піеса подновленная, не могла сильно заинтересовать публику.

Супружеское счастье, водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведенный съ французскаго; піеса забавная, но забытая вскорѣ—лѣтомъ.

Фортукинъ, или Мужъ съ мьста, а другой на мьсто, водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго Д. Т. Ленскимъ, не имѣлъ большого успѣха.

Капитанъ персаго ранга и жена первой статьи, водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго Н. П., умалъ, не смотря на старательную игру нашихъ артистовъ.

Дядушка Назаръ Андреевичъ, водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго П. С. Федоровымъ, понравился публикѣ.

Сынъ Милліонера, водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, переведенный съ французскаго, имѣлъ участь жалкую.

Волшебный носъ, или Талисманы и финики, фантастическій водевиль въ пяти дѣйствіяхъ, переведенный съ французскаго А. И. Писаревымъ уже довольно давно, но не имѣвшій нынѣ ни малѣйшаго успѣха.

Барабанщикъ, водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведенный съ французскаго, привлекалъ публику любоваться дебютанткою Ивановой, являвшеюся въ первый разъ въ этой піесѣ.

Тетушка и добродѣтель! водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго, можетъ быть причисленъ къ самымъ веселымъ піесамъ прошедшаго года.

Солдатъ и Пастухъ, комическая опера въ одномъ дѣйствіи, перев. съ французскаго, музыка Г-на Ушакова, не могла понравиться при посредственномъ пѣніи посредственной музыки.

Пастушка Нинета, водевиль въ одномъ дѣйствіи, перевед. съ французскаго, утомительно длиненъ.

Первый дебютъ, или Зритель по неволѣ, водевиль въ одномъ дѣйствіи, перев. съ французскаго, представляетъ богатое поле артисткѣ, являющейся въ немъ въ четырехъ роляхъ, и отъ искусства которой зависитъ весь успѣхъ.

Материнское благословеніе, или Бѣдность и Честь, драма въ пяти дѣйствіяхъ, съ куплетами, перевед. съ французскаго. Г. Перепельскимъ, не смотря на то, что переведена съ слишкомъ ощутительными сокращеніями, понравилась нашей публикѣ.

Противоядіе, водевиль въ одномъ дѣйствіи, перев. съ французскаго, развеселилъ театръ, а болѣе отъ водевиля требовать нельзя.

Кольцо Маркизы, водевиль въ одномъ дѣйствіи, перев. съ французскаго, принадлежитъ къ числу піесъ, которыя могутъ имѣть успѣхъ только на французской сценѣ.

Два вора, комическая опера въ одномъ дѣйствіи, перев. съ французскаго П. С. Федоровымъ; музыка Л. Маурера. Ей не посчастливилось съ водевильными пѣвцами.

Круговая порука, водевиль въ одномъ дѣйствіи, перев. съ французскаго, что-то скоро былъ забытъ; не смотря на увлекательную игру Г. Максимова.

Школьный учитель, или Дураковъ учить, что мертвыхъ лечить, водевилъ въ одномъ дѣйствии, перевед. съ французскаго П. А. Каратыгинымъ, изъ всѣхъ водевилей прошедшаго года имѣлъ наибольшій успѣхъ, и ему, повидимому, суждено пережить всѣхъ своихъ собратовъ 1842 года.

Заключивъ списокъ новыхъ пьесъ, оригинальныхъ и переводныхъ, игранныхъ прошедшемъ въ году, исчислимъ здѣсь пьесы, представленныя въ первый разъ по возобновленіи:

Пурсоньякъ Фалалей, или Рожусъ въ новомъ видѣ, старинный водевилъ соч. Князя А. А. Шаховскаго, представленный на святкахъ.

Эдипъ въ Ливнахъ, трагедія Озерова, возобновленная для дебюта Г. Васильева, о которомъ поговоримъ ниже.

Мизантропъ, комедія Мольера, прекрасно исполненная нашими артистами.

Школа Женщинъ, комедія Мольера, переведенная П. И. Хмѣльникомъ, была возобновлена г. Мартыновымъ, для своего бенефиса и для дебюта сестры своей.

Ифигенія въ Авлидѣ, трагедія Расина, возобновленная для дебюта г-жи Самойловой 3-й.

Школа Злословія, комедія Шеридана, явилась посреди лѣта, и не обратила на себя большаго вниманія.

Влюбленный Шекспиръ, комедія, которую встарину давали передъ оперой или балетомъ, и которой никто не слушалъ, теперь была возобновлена безъ успѣха.

Жельзная Маска, драма въ пяти дѣйствіяхъ, интересовала зрителей игрою Г-на Каратыгина 1-го.

Гусарская Стоялка, или Еще Подмосковные Проказы, водевилъ, въ которомъ блистала покойная Асенкова, былъ возобновленъ для дебютантки, г-жи Мартыновой.

Для полнаго обзора русской сцены, должно взглянуть и на новости явившіяся на оперной сценѣ нашей. Въ 1842 году, русскіе оперные артисты разучили три по

выя оперы Доницетти: *Робертъ д'Эвере*, *Осада Кале* и *Фаворитка*, и дали новую національную оперу, *Русланъ и Людмила*, по общему мнѣнію, уступающую первому творенію М. И. Глинки, оперу *Жизнь за Царя*. Обь опереткахъ *Солдатъ и Пастухъ* и *Два вора* мы упоминали выше, говоря о водевиляхъ, такъ какъ онѣ были играны на Александринскомъ Театрѣ.

Съ оперой почти нераздѣленъ балетъ. По этой части, прошедшій годъ былъ свидѣтелемъ прощаній публики съ первоклассною европеекскою артисткою, составлявшею, въ продолженіе пяти зимъ сряду, гордость нашего балета. Г-жа Таліони, своимъ талантомъ утончившая вкусъ нашей публики, передъ отъездомъ своимъ, явилась въ новомъ балетѣ, *Герти, повелительница Эльфридъ*, появилась, вновь обворожила всѣхъ, и улетѣла — на-долго-ли, на-всегда-ли, не знаемъ! Послѣ ея отъезда, нашъ балетъ жилъ долгое время лишь воспоминаніями о ней, и только въ концѣ года поставилъ на сцену *Жизель, или Вилисы*, прелестный балетъ, въ которомъ почетъ, аплодисменты и слава раздѣлены поровну между молодыми нашими танцовщицами, образовавшимися танцуя съ артисткою, составляющею эпоху въ танцовальномъ искусствѣ.

Окнувъ взглядомъ всѣ пьесы, которыя въ теченіи минувшаго года появились на петербургскихъ театрахъ (исключая французскаго и нѣмецкаго, о которыхъ поговоримъ ниже), находимъ, что всего было первыхъ представленій 72; въ числѣ этихъ 72-хъ первыхъ представленій находятся 9 пьесъ возобновленныхъ; изъ новыхъ-же было 15 драмъ, 10 комедій, 29 водевилей, 6 оперъ, 2 балета и сцены.

Изъ нашихъ авторовъ и переводчиковъ болѣе всѣхъ произведеній приходится на долю П. Г. Ободовскаго, П. А. Каратыгина и В. З., изъ которыхъ каждый отдалъ на сцену по четыре пьесы; за ними слѣдуютъ: П. А. Понсовъ, Д. Т. Ленскій и П. С. Федоровъ (*) подарившіе сцену тремя пьесами каждый; играны были двѣ пьесы

(*) Г. Федоровъ, Григорьевъ и Перепельскій благоволятъ раздѣлять между собою пьесу *Похороженія Столбикова*, назв. которою они трудились вкупѣ.

И. П. Григорьева, двѣ пьесы Перепельскаго, двѣ, переведенныя С. Соловьевымъ. — Въ прошедшемъ году, появился впервые на сценѣ произведенія П. Каменскаго, Тимона Бурмицкаго и В. З.

Отдѣльную часть нашего обзора составляетъ взглядъ на труды и дѣятельность нашихъ артистовъ, или собственно на процвѣтаніе у насъ драматическаго искусства. Для этого, рассмотримъ каждого изъ главныхъ нашихъ артистовъ отдѣльно, и опредѣлимъ, по возможности, успѣхи, оказанные ими въ теченіе минувшаго года.

Здѣсь, какъ и всегда, прежде всѣхъ называемъ Г-на Каратыгина 1-го, которымъ гордится русскій театръ. Онъ, какъ Атласъ, на мощныхъ плечахъ своихъ выносить всю русскую драму; одинъ онъ неутомимыми стараніями оживляетъ у насъ трагедію, и въ награду за непрерывное стремленіе къ усовершенствованію, получаетъ безусловное одобреніе публики и готовитъ имени своему почетное мѣсто въ исторіи нашего театра. Какой артистъ во Франціи, въ Англии, въ Германіи, находится, подобно В. А. Каратыгину, въ необходимости *создавать*, въ теченіе года, до двадцати большихъ ролей? Должно также знать, какъ В. А. Каратыгинъ *создаетъ* свои роли: создать роль для него значитъ придать ей рѣзкій, отличительный колоритъ, основанный на глубокомъ размышленіи о характерѣ, положеніи, нѣрѣдко и историческомъ значеніи представляемаго имъ лица. И чтожь — создавъ ее такимъ образомъ, за недостаткомъ поддержки въ другихъ артистахъ, сыграть всего три, много четыре раза, и приняться немедленно за другую роль, совершенно противоположную первой! В. А. Каратыгинъ не можетъ играть дурно, и самая безцвѣтная роль, въ слабомъ драматическомъ сочиненіи, подъ влияніемъ его таланта и искусства, получаетъ блескъ и силу. Ему, ему одному обязаны многіе изъ нашихъ молодыхъ авторовъ даже полууспѣхомъ, которымъ увѣнчались ихъ сценическіе первенцы; ему же благодарны наши переводчики драмы и трагедій гораздо большимъ счастіемъ ихъ трудовъ въ сравненіи съ переводными комедіями и

водевилями. Его игра дополняетъ, для первыхъ, недостатокъ творчества, и сглаживаетъ, для вторыхъ, все то, что несвойственно нашему взгляду на вещи! — Изъ множества трагическихъ ролей, игранныхъ В. А. Каратыгинымъ въ минувшемъ году, особеннаго вниманія достойны: *Гладиаторъ* (въ трагедіи «Римскій боецъ»), *Князь Оболенскій* (въ драмѣ «Елена Глинская»), и *Энцио* (въ драмѣ *Король Энцио*); къ удачнымъ ролямъ его должно присоединить роль *Мизантропа*. Число это не велико, но не должно забывать, что въ промежуткахъ между удачными и неудачными ролями, нашъ артистъ не переставалъ привлекать и удивлять публику неподражаемою игрою своею въ *Гамлетѣ*, *Веллсаринѣ*, *Королѣ Лирѣ*, и т. под.

Въ драматической іерархіи за В. А. Каратыгинымъ слѣдуетъ П. П. Сосницкій, нашъ заслуженный комикъ, отстаивающій бодро поле битвы у новаго поколѣнія, въ которомъ, однако, никто не въ состояніи замѣнить его! По-необходимости, мы теперь часто видимъ Г-на Сосницкаго въ роляхъ стариковъ, и онъ въ нихъ прекрасенъ своею естественною игрою. Значительнѣйшею ролью его въ прошедшемъ году назовемъ *Симона Бониве* (въ комедіи «Женатый проказникъ»); всѣ прочія, не исключая *Кочкарева* (въ комедіи «Женитьба»), не заслуживали того, чтобъ ихъ занималъ П. П. Сосницкій.

За нимъ слѣдуетъ г. Каратыгинъ 2-й. Вдвойнѣ собирая рукоплесканія, какъ авторъ и какъ актеръ, онъ, въ минувшемъ году, не являлся на сценѣ такъ часто, какъ въ предъидущіе годы, и припоминая себѣ всѣ роли, въ которыхъ онъ являлся, не можемъ назвать ни одной, которая могла-бы сравниться съ прежними. Болѣе всѣхъ достойна замѣчанія роль Миксима Максимовича Недоволина (въ водевилѣ *Брюзга*). Такой отдыхъ въ теченіе 1842 года не придастъ ли ему новой охоты снискивать въ наступившемъ году прежнихъ рукоплесканій многочисленныхъ поклонниковъ его комическаго дарованія и неисчерпаемаго юмора?

Артистъ молодаго поколѣнія, г. Мартыновъ, изъ всѣхъ нашихъ актеровъ едва-ли не являвшійся въ наибольшемъ

числѣ пьесъ, приобрѣлъ, по всей справедливости, право на названіе *любимца публики*! При одномъ появленіи его — театръ хохочетъ. Но посмотрите, какою цѣною выкупаютъ этотъ артистъ такое названіе, такую любовь? Не проходитъ бенефиса, чтобъ г. Мартыновъ не игралъ въ двухъ, а перѣдко и въ трехъ пьесахъ, и притомъ ролей ничтожныхъ, низко-комическихъ, назначенныхъ только чтобъ смѣшить, не подвигая ни на шагъ искусство, для котораго природа надѣлила его обильными дарами! Въ теченіе всего года, на долю г. Мартынова пршлось только двѣ роли, въ которыхъ онъ могъ выказать свой талантъ; первая, роль *Дьдушки Назара Андреевича*, вторая *Подколесина* (въ комедіи «Женитьба»). Эту роль г. Мартыновъ задумалъ и исполняетъ съ такою истинною, что вдвое негодуетъ на автора за непростительную мистицикацію выдавать *Женитьбу* за произведеніе, написанное по правиламъ искусства. Нынѣ г. Мартыновъ разучиваетъ роль *Скупаго*, Мольера (*) — дѣло!

Гг. Максимовъ и Самойловъ, наши первые любовники, находясь въ необходимости играть по-большей-части въ пьесахъ переводныхъ, всегда теряютъ отъ сравненія ихъ игры съ игрою французскихъ артистовъ въ тѣхъ же самыхъ роляхъ. Для избѣжанія этого неприятнаго положенія, существующаго, впрочемъ, отчасти и для другихъ ихъ товарищей, они прибѣгаютъ къ ролямъ, не совсѣмъ соотвѣтствующимъ ихъ *амплуа*. Г. Максимовъ показываетъ особенную склонность къ фарсамъ, а Г. Самойловъ къ ролямъ съ переодѣваніемъ (à travestissement). И точно, пробѣгая списокъ всѣхъ ролей, игравныхъ этими артистами въ минувшемъ году, находимъ, что г. Максиму удалось роли *Оскара* (въ ком. *Женатый Проказникъ*), *Анатолія Бишоно* (въ вод. *Интересный случай*) и *Фавеля* (въ вод. *Противоядіе*), всѣ три, принадлежащія не собственно къ разряду ролей первыхъ любовни-

(*) Эта комедія дана 1-го Января, и нашъ молодой артистъ отличался въ новой роли, какъ и должно было ожидать — необычайнымъ успѣхомъ.

ковъ; г-ну Самойлову, въ сожалѣнію, не выдалось ни одной удачной роли.

Изъ остальныхъ артистовъ достоинъ быть названнымъ г. Григорьевъ 1-й, неутомимо старающійся придавать обдуманною игрою своею пьесамъ то согласіе, которое достигается только знаніемъ сцены, по которое считается необходимымъ условіемъ театра. Съ него, въ этомъ отношеніи, должны брать примѣръ большая часть нашихъ молодыхъ артистовъ.

Въ главѣ артистокъ Русскаго Театра, попрежнему, называемъ А. М. Каратыгину. Въ минувшемъ году мы имѣли случай вполнѣ любоваться ея дарованіемъ въ главной роли ея амбуа, въ роли *Селимены* (въ *Мизантропѣ*). Слушая ея мастерское чтеніе стиховъ, изучая ея умную, утонченную игру, мы не могли не вздохнуть, что не находя на нашей сценѣ для нея соперницъ, мы не можемъ даже указать ни на одну артистку, которая-бы старалась присвоить своей игрѣ благородство и тонъ лучшаго общества, обличающіе въ А. М. Каратыгиной благовоспитанную свѣтскую даму. Довѣвъ, она не раздѣляетъ вѣлика своего ни съ кѣмъ, и если въ драмѣ мы считаемъ вѣсколько артистокъ, передающихъ роли свои достойнымъ образомъ, то въ комедіи А. М. Каратыгина донынѣ не имѣетъ никакого совѣстничества. Лучшія роли Г-жи Каратыгиной, въ 1842 году, были, въ драмахъ: *Елена Глинская*, *Царь Иоаннъ Василевичъ Шуйскій*, *Мать Испанка* и *Русская Болыня*; въ комедіяхъ: *Павелъ Павловичъ съ супругою*, *Первый день брака*, *Наука и Женщина*, *Одна за друзю*, и, разумѣется, *Мизантропъ*. II

Г-жа Дюръ продолжаетъ совершенствоваться на драматическомъ поприщѣ, и, при постоянномъ стараніи, съ каждою ролью все болѣе и болѣе оправдываетъ надежды, которыя она подала при первыхъ дебютахъ своихъ въ драмѣ. Имѣя передъ глазами прекрасные образцы, она изучаетъ ихъ, и старается преимущественно присвоить игрѣ своей то чувствъ, ту выразительность, ту естественность, которыми мы восхищаемся въ Г-жѣ Алданъ. Минувшій годъ едва ли не былъ Г-жѣ Дюръ благоприятнѣе, нежели всѣмъ другимъ артисткамъ: на ея

делю пришлось множество прекрасныхъ ролей, и она умѣла воспользоваться этимъ счастьемъ. Она прекрасно выиграла роль *Марии* въ *Еленѣ Глицкой*, была очень хороша въ драмѣ *Христиана*, *Кордеса Шведскаго*, единственно своей игрою поддержала драму-водевиль *Материнское благословеніе*, съ умомъ сыграла роль *Жениты*, въ комедіи *Женатый проказникъ*, и съ большимъ успѣхомъ являлась въ роляхъ *Кордели*, *Амалии* (въ драмѣ *Тридцать лѣтъ*), и др.

Г-жа Самойлова 2-я, являясь непрерывно въ новыхъ роляхъ, которыя, между-тѣмъ, страхъ какъ похожи одна на другую, умѣетъ, при всемъ томъ, разнообразить ихъ — а это, для артиста, которое она занимаетъ, лучшая рекомендація. Не исчисляемъ ролей ея въ минувшемъ году, но говоримъ, что каждый разъ, когда ея имя въ числѣ дѣйствующихъ лицъ пьесы, публика съ наслажденіемъ стекается въ театръ.

На долю г-жи Сосницкой вышло въ прошломъ году мало замѣчательныхъ новыхъ ролей. Всего лучше играла она въ *Женитбѣ* переспѣлую невѣсту, и не мало содѣйствовала къ тому, что ошибающаяся пьеса не пала съ перваго представленія.

Наконецъ можемъ еще съ удовольствіемъ вспомнить о г-жѣ Гусевой, сыгравшей неподражаемо *свадьбу*, въ *Женитбѣ*, и *Пяню*, въ драмѣ *Русская Боярыня*.

Въ минувшемъ году, нашъ театръ сдѣлалъ нѣсколько замѣчательныхъ пріобрѣтеній, и въ деютантахъ, и деютанткахъ. Исчислимъ ихъ по порядку появленія.

Г. Васильевъ — дебютировалъ только однажды, но не выказавъ особеннаго дарованія, видно отказался отъ сцены.

Г. Громовъ былъ счастливѣе него, и послѣ удачныхъ дебютовъ поступилъ въ разрядъ второклассныхъ артистовъ, безъ которыхъ не можетъ обходиться драма. *Г. Громовъ* обладаетъ сильнымъ голосомъ и старательно разучиваетъ свои второстепенныя роли. При такихъ ка-

чествахъ, нельзя не признать его весьма полезнымъ приобрѣтеніемъ для сцены.

Г-жа Максимова, урожденная *Аполлонская*—Аполлонская, составлявшая украшеніе нашей балетной труппы, вышедъ замужъ за г-на Максимова, попыталась явиться и на драматической сценѣ. Первый опытъ ея былъ не совсѣмъ удаченъ, и она съ тѣхъ поръ вновь играетъ въ балетахъ. Сказываютъ, однако, что она не покинула совершенно прежняго намѣренія, и испробуетъ еще разъ силы свои въ комедіи, послѣ основательнаго изученія всѣхъ ея требованій.

Г-жа Мартынова, сестра нашего любимаго комика, послѣ удачнаго дебюта въ *Школь Женщинъ*,—это было лѣтомъ,—являлась вострой и третій разъ на сценѣ лишь въ декабрь, и, на ея бѣду, въ роляхъ, въ которыхъ блистала покойница Асенкова. Это обстоятельство нѣсколько повредило ея полному успѣху; но, обладая выгодною для сцены наружностью и пользуясь уроками одного изъ опытѣйшихъ артистовъ нашихъ, г-жа Мартынова не должна терять надежды, напротивъ того, обязана избирать для себя новыя роли, въ которыхъ-бы могла выказать талантъ оригинальный.

Г-жа Самойлова 3-я, явившаяся уже въ 1841 году однажды на сценѣ, дебютировала, въ 1842 г., съ большимъ успѣхомъ въ *Ифигеніи въ Авлидѣ*, и потомъ играла *Веронику*, *Людмилу* и другія роли. Молодая артистка эта, надѣленная отъ природы всѣми качествами для сцены, и выгодною наружностью, и звучнымъ голосомъ, и чувствомъ, и выразительностью, должна стараться отвыкнуть отъ нѣкоторой натяжки, неестественности, которая отчасти происходитъ оттого, что не довѣряя собственнымъ силамъ, она невольно подражаетъ другимъ, и выпуская изъ вида достоинства, присвоиваетъ своей игрѣ лишь недостатки другихъ артистокъ. *Г-жа Самойлова 3-я* принадлежитъ къ артистическому семейству, и непременно займетъ на нашей сценѣ почетное мѣсто.

Г-жа Сорокина, играющая въ комедіяхъ, до сихъ поръ не имѣла ни одного случая блеснуть въ какой-либо роли.

По этому, о ней можемъ сказать только, что она показываетъ знаніе сцены и не портить ніесть, въ которыхъ играетъ.

Гг. Артемовскій и Михайловъ, молодые пѣвцы, обучавшіеся въ Италіи, оживили собою нашу Оперу. Къ-сожалѣнію, слабое здоровье г-на Михайлова принудило его вскорѣ покинуть сцену. За то, г. Артемовскій, обладающій обширнымъ, обработаннымъ голосомъ (басомъ), сдѣлался любимцемъ публики. Послѣ блистательныхъ дебютовъ въ *Люци де Ламермуръ*, *Велисаріи* и *Нормъ*, онъ пѣлъ въ *Осадь Кале* и въ *Фавориткѣ*, и наконецъ явился въ оперѣ *Русланъ и Людмила*, при второмъ ея представленіи. Ему предстояло соперничество г-на Петрова, и юный пѣвецъ вышелъ изъ борьбы съ честью. Отнынѣ судьба г-на Артемовскаго рѣшена, и онъ, съ г. Леоновымъ, служить украшеніемъ петербургской оперы.

Въ заключеніе дебютовъ назовемъ г-жу Иванову (восп.), съ успѣхомъ являвшуюся и въ операхъ, и въ водевиляхъ.

Въ прошедшемъ году Русскій Театръ простился съ однимъ изъ самыхъ заслуженныхъ артистовъ своихъ, г-мъ Брянскимъ, на роли котораго поступилъ Г. Громовъ. Рѣдко можно найти примѣръ такого постояннаго старанія, такой горячей любви къ своему искусству, какъ въ г-нѣ Брянскомъ, котораго, по случаю дебюта г-на Васильева, мы видѣли, на прощанье, въ роли *Эдипа*, лучшей, классической роли его. Прощаемся съ нимъ и благодаримъ его отъ имени всѣхъ любителей театра за долготѣннѣ наслажденія, доставленныя имъ своею игрою, и за безпрестанное стремленіе къ водворенію на сценѣ очищеннаго, истинно-изящнаго вкуса.

Еще грустнѣе вспомнить намъ о смерти неподражаемаго въ своемъ родѣ артиста, г-на Аванасьева. Никто лучше его не игралъ русскихъ слугъ, и можно сказать, что онъ создалъ это лицо. Тенерь, играя слугъ въ родѣ *Осипа*, копируютъ Аванасьева.

Петербургскій французскій театръ составленъ изъ образцовыхъ артистовъ парижскихъ, и потому неудивительно, что спектакли Михайловскаго Театра доставляютъ всегда истинное наслажденіе, даже при несовершенствѣ пьесы. Мастерская игра гг. Аллана и Брессана, г-жи Алланъ и Александръ Майеръ, миловидность г-жи Дегранжъ, комисмъ гг. Верне и Поль-Минне, и общее согласіе (ensemble), происходящее отъ любви къ своему искусству во всѣхъ, даже второстепенныхъ артистахъ, объясняютъ загадку, почему пьеса, правящаяся на французской сценѣ, перѣдко падаетъ на русской! Съ этимъ совершенствомъ представила наша Французская труппавъ прошломъ году пьесы: *Une Chaine*, *Les Fées de Paris*, *Les Mémoires du diable*, *Oscar, ou le Mari qui trompe sa femme*, *L'une pour l'autre*, *la Tante mal gardée*, *le Premier Chapitre*, *La Dot de Suzette*, *Emery le négociant*, и мн. др. Несмотря на то, что публика этого театра всегда бываетъ одна и та-же, многія изъ этихъ пьесъ постоянно являлись на афишѣ каждую недѣлю, и всегда привлекали многочисленную публику. — Въ теченіе минувшаго года дебютировали на французскомъ театрѣ г-жа *Зюльма Ресту*, довольно успѣшно, г-жа *Куртенъ* (*Courtin*), безъ большаго эффекта, и г-жа *Гортензія**** весьма удачно, хотя прежде того не являлась еще ни на какой сценѣ.

Нѣмецкая труппа, ведущая у насъ свое, отдѣльное существованіе, въ минувшемъ году оживилась пріездомъ одного изъ лучшихъ артистовъ Германіи, г-на Эмиля Девриента. Онъ представилъ у насъ всѣ лучшія пьесы своего репертуара, сколько позволили средства нашей труппы, и особенно понравился здѣшней публикѣ въ роли *Боллинброка*, въ комедіи *Стаканъ Воды*.

Нѣмецкая Опера не могла представить въ минувшемъ году большое число новыхъ оперъ, потому-что съ Августа отправлена въ Москву. Прошедшею зимою она давала оперу *Крейцера*: *Das Nachtlager von Granada*, и, для де-

бюта молодой пѣвицы г-жи Чекки, оперу Донидзетти: Der Liebestrank. Позавидуемъ Москвичамъ, что они теперь наслаждаются пѣніемъ Ферзинга, и будемъ терпѣливо ожидать возвращенія изъ Москвы всѣхъ прочихъ нѣмецкихъ пѣвцовъ и пѣвицъ.

СТІХОТВОРЕНІЯ

ПОРТРЕТЫ

Судя по описанію, гдѣ-то сидитъ
 Въ немъ судя по описанію, гдѣ-то сидитъ
 Оне те прелесть въ нѣтъ видѣтъ,
 Не въ нѣтъ видѣтъ нѣтъ видѣтъ!
 Людей-то нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ
 У нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ
 А какъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ
 Свои нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ
 Умъ! о нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ
 Портретъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ
 Судя по описанію, гдѣ-то сидитъ
 Оне нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ

2

Подъ вѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ
 Портретъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ
 Какой нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ
 Что нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ
 Но нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ
 Нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ
 Что нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ

СТИХОТВОРЕНИЯ.

ПОРТРЕТЫ.

1.

Судь современный, грѣшный судъ;
Въ немъ судьи слѣпы, словно дѣти,
Онъ то рѣшаетъ въ пять минутъ,
На что потребно пять столѣтій!
Людей-гигантовъ каждый годъ
У каждой множество эпохи,
А какъ потомство наведетъ
Свои правдивые итоги —
Увы! огромная толпа
Рѣдѣетъ, чуть не исчезаетъ!...
Судьба на геніевъ скупа,
Она вѣками ихъ рождаетъ!...

2.

Подъ часъ войдетъ случайно въ моду
Поэтъ, актеръ или музыкантъ,
Который самъ не думалъ съ роду,
Что далъ Господь ему талантъ.
Но вотъ о немъ всѣ закричали
И докричались до того,
Что буютъ счастливица изваяли,

Великимъ прозвали его...
 А онъ?... Онъ съ бюстомъ чудно сходенъ:
 Онъ также точно какъ и бюстъ —
 Формально никуда не годенъ,
 Ни въ чемъ не грѣшенъ, тихъ и пустъ!

3.

Съ кого не пишемъ мы портретовъ?...
 Богачъ, безъ мозга, безъ души,
 Намъ задалъ нѣсколько объѣдовъ —
 Скорѣй портретъ съ него пиши!
 Тотчасъ чудесь о немъ наскажуть,
 Опишуть жизнь его въ два дни,
 И исторически докажутъ,
 Что онъ Горацию сродни.
 Полна хвалами біографья,
 Гдѣ строчка каждая ложна,
 И гдѣ жена его, Агафья
 Агатою важно названа...

4.

Иной полвѣка дѣлалъ зло;
 Трусливъ, безсовѣстенъ, продаженъ,
 Но счастье плуту повезло,
 И вдругъ онъ сталъ спѣсивъ и важенъ.
 У всѣхъ поклонниковъ своихъ
 На стѣнкахъ тщательно повѣшенъ,
 Онъ на портретъ добръ и тихъ,
 Какъ агнецъ, кротокъ и безгрѣшенъ;
 Но разгляди его вполюй,
 Въ оригиналъ — не въ картинѣ:
 Ему бѣ висѣть не на стѣнѣ,
 Ему висѣть бы на осинѣ!

4.

Иной, напротивъ, щедръ и знатенъ,
 Прилично велъ себя всегда,
 И громкихъ дѣлъ, и черныхъ пятенъ
 Равно душа его чужда.

Онъ добръ и пусть, и слава Богу!
 Ему звать бы да толстѣть; ...
 Но и къ нему нашло дорогу
 Желанье—въ рамкѣ довести
 Занятій не беретъ онъ въ руки
 Чужимъ умомъ дѣла ведетъ,
 А самъ отъ праздности и скуки
 Свои портреты издаетъ....

6.

Какой-нибудь писатель странный
 Во снѣ увидитъ сгоряча,
 Что онъ изъ тысячи избранный,
 И ну писать, писать съ плеча!
 Почувявъ лавры надъ главою,
 Тотчасъ онъ тиснулъ свой портретъ,
 Съ улыбкой гордою и злою,
 «Какъ Байронъ, гордости поэтъ»
 Но байроническою миной
 Онъ никого не удивилъ.
 Онъ поросенка въ кожѣ львиной
 Напомнилъ всѣмъ—и насмѣшилъ!

7.

Въ иной актрисѣ нѣтъ примѣты
 Ума, таланта и души,
 Но пишутъ всѣ съ нея портреты,
 За то, что глазки хороши.
 Актеръ на сценѣ фарсируетъ,
 А въ частной жизни съ нимъ сойдись
 Облобызаетъ и надуетъ;
 А ты ему-же подивись!
 Вотъ онъ: портретъ его такъ важенъ!
 Вообразить не станеть силъ,
 Что и душою онъ продаженъ,
 Да и способностями хилъ!

8.

Судъ современный, грѣшный судъ;
 Въ вемъ судьи слѣпы, словно дѣти;

Онъ то рѣшается въ пять минутъ,
 На что потребно пять столѣтій.
 Людей-гигантовъ каждый годъ,
 У каждой множество эпохи,
 А какъ потомство наведетъ
 Свои правдивые итоги —
 Увы! огромная толпа
 Рѣдѣетъ, чуть не исчезаетъ!
 Судьба на геніевъ скупа,
 Она вѣками ихъ рождаетъ!...

Н. НЕКРАСОВЪ.

АКТРИСА.

На сценѣ я для всѣхъ загадка:
 Иначе дѣйствую, хожу;
 Смотрю такъ весело, такъ сладко,
 Что хоть кого обворожу.
 Но посмотрите за кулисы,
 Тамъ измѣняюсь я тотчасъ: —
 Театръ, актеры и актрисы
 Не то на дѣлѣ, что для глазъ!
 * * *
 Что васъ въ театрѣ занимаетъ,
 Что васъ изъ кресель и изъ ложъ
 Такъ веселитъ, такъ поражаетъ, —
 Все подражаніе, все мочь!
 У насъ поддѣльные картины,
 Умы мы — отъ чужихъ рѣчей,
 Природа наша — изъ холстины,
 А солнце наше — изъ свѣчей.
 * * *
 Разсчитаны движенья наши.
 Суфлеръ — вотъ наше волшебство,
 И сами мы, кумиры ваши —
 Актеры, больше ничего!
 За нами можно волочиться
 Въ честь нашей славѣ и красѣ,

Мы даже любимъ тѣмъ гордиться —
 Мы тѣ же женщины, какъ всѣ —
 Поклонниковъ у каждой въ волю,
 На сцену явится едва!
 И на мою, признаться, долю
 Ихъ также есть десятка два!

Они болтливы всѣ, любезны,
 И даже остры на пол-дня,
 Притомъ они мнѣ и полезны:
 Они такъ хвалятъ всѣ меня!
 Въ честь мнѣ дрожать въ театрѣ стѣны
 Отъ ихъ здоровыхъ, крѣпкихъ рукъ,
 А я за то порой со сцены
 Имъ глазки дѣлаю — всѣмъ вдругъ!

Н. П.

ПѢСНЬ МАРИИ.

(Изъ драмы: *Материнское благословеніе*).

Въ хижину бѣдную, Богомъ хранимую,
 Скоро-ль опять возвращусь?
 Скоро-ли мать расцѣлюю любимую,
 Съ добрымъ отцомъ обнимусь?
 Блѣдная, страшная, въ грезахъ являлася
 Мать моя часто ко мнѣ,
 И горячо я съ мечтой обнималася,
 Будто съ родимой во снѣ!
 Сколько, я думаю, къ горю привычная,
 Мать моя слезъ пролила...
 Если-бъ отсюда она, горемычная,
 Рѣчь мою слышать могла,
 Я закричала-бъ ей, — пусть не пугается:
 «Жизнь для меня не тонна.
 Матушка! дочь твоя съ горемъ не знается:
 Замужъ выходитъ она!»

РОМАНСЪ.

Тяжело мнѣ дышать, тяжело!
 Умъ молчить, а мятежныя страсти
 Такъ и ходить въ груди, какъ на зло,
 Безраздѣльной исполнены власти.

* * *

Для чего я безумно люблю,
 И страдаю, со страстию споря?
 Не ужель за любовь не куплю
 Ничего, кромѣ чернаго горя?
 Если такъ — разлюблю, отрѣшу
 Отъ души тяготящую муку:
 Сердцу я не любить прикажу,
 А разсудокъ возьму за поруку.
 Но онъ спитъ, какъ подкупленный рабъ;
 Только, сердце, ты властвуешь мною.
 Пощади! я безуменъ и слабъ!...
 Не щадить, и я полонъ тоскою....

* * *

Тяжело мнѣ дышать, тяжело!
 Умъ молчить, а мятежныя страсти
 Такъ и ходить въ груди, какъ на зло,
 Безраздѣльной исполнены власти.

I. I.

1838 года.

РОМАНЪ

СМѢСЬ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ КОМПОЗИТОРА.

Это было въ 1802 году, въ Миланѣ. Графъ К.... давалъ блестящій музыкальный вечеръ. Этотъ домашній концертъ состоялъ изъ произведеній первѣйшихъ композиторовъ; въ немъ принимали участіе лучшіе виртуозы и пѣвцы того времени; но ни эти произведенія, ни эти виртуозы и пѣвцы не могли занять вполне вниманія многочисленныхъ гостей графа: было замѣтно, что великосвѣтскіе слушатели ждали чего-то, съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ....

Они ждали новой симфоніи, сочиненной молодымъ, но уже извѣстнымъ композиторомъ, симфоніи, которую посвященные въ тайны маэстро осыпали величашими похвалами, и которую и было предположено исполнить въ заключеніе концерта.

Авторъ этой симфоніи былъ — Фердинандъ Перъ.

Произведеніе Пера наконецъ исполнили. Оно оправдало ожиданія слушателей, и слушатели отплатили за него молодому маэстро общимъ, шумнымъ одобреніемъ. Только одинъ человѣкъ не раздѣлялъ общаго восторга: твореніе, очаровавшее всѣхъ другихъ, не произвело на него, по видимому, никакого впечатлѣнія. Это былъ музыкантъ Т***. На вопросы о симфоніи, которыми его осыпали отвсюду, онъ отвѣчалъ или одною насмѣшливою улыбкою, или такими словами, въ которыхъ не было ничего опредѣленнаго.

Странность отвѣтовъ Т*** изумила всѣхъ присутствовавшихъ тѣмъ-болѣе, что его считали однимъ изъ самыхъ искреннихъ друзей Пера. Т*** замѣтилъ это изумленіе и вдругъ сказалъ тѣмъ, которые окружали его тогда:

— Холодность моя перестанетъ удивлять васъ, когда я скажу вамъ, что эта, впрочемъ превосходная симфонія, извѣстна мнѣ уже давно: ее сочинилъ не Фердинандъ Перъ.

— Чтѣ говоришь ты? воскликнулъ маэстро, трепеща отъ гнѣва.

— Правду, возразилъ Т*** спокойно. Симфонія, которую исполнили теперь, сочинена болѣе сорока лѣтъ тому назадъ.... сочинена не Перомъ, а однимъ Антоніо Верони, музыкантомъ, нынѣ забытымъ. У меня хранится рукопись этой симфоніи: вотъ она.

Перъ едва могъ вѣрить ушамъ своимъ; онъ стоялъ какъ окаменѣлый. Но онъ замѣтилъ, наконецъ, что сдѣлался предметомъ общихъ насмѣшекъ. Это заставило его поспѣшно удалиться изъ дома графа.

Слухъ о сценѣ, случившейся съ Перомъ, распространился по городу, съ необыкновенною быстротою, и нанесъ смертельный ударъ славы маэстро. За нѣсколько дней до этой сцены, Перъ искалъ руки одной прелестной и богатой дѣвушки, Карлоты С***. — Въ ту пору, родные, отъ которыхъ зависѣла Карлота, были, по-видимому, не прочь отъ родства съ маэстро; но послѣ несчастнаго приключенія у графа, композиторъ нашъ увидѣлъ себя въ необходимости отказаться отъ всякой надежды на счастье быть мужемъ Карлоты.

Перъ въ припадкѣ отчаянія, покинулъ Миланъ и поселился въ окрестностяхъ этого города. Онъ жилъ тамъ въ совершенномъ уединеніи, избѣгая встрѣчъ съ знакомыми и друзьями и стараясь забыть о печальномъ минувшемъ.

Прошло нѣсколько времени. Раны сердца его начали, мало-по-малу, заживляться. и онъ дѣятельно принялся за трудъ. Но вдругъ, въ одно утро ему принесли письмо изъ Милана. Лишь только взглянулъ онъ на это письмо, на лицѣ его появилось выраженіе живѣйшаго негодованія:

онъ замѣтилъ, что оно было написано рукою Т***. Чего хотѣлъ отъ него этотъ человѣкъ, оскорбившій его столь жестоко? Завидоваль-ли его счастью, которое Перъ начиналъ находить въ своемъ уединеніи, или желалъ еще увеличить прежнее оскорбленіе какою нибудь повою пасмѣшкой? Благодаря этимъ вопросамъ, которые въ ту минуту маэстро предложилъ самому-себѣ, любопытство его возросло до высшей степени; наконецъ, онъ разломилъ печать и прочелъ слѣдующее: «Прошу тебя, любезный другъ, пріѣзжай ко мнѣ завтра обѣдать. Сдѣлай милость, не заставь ожидать себя по-напрасну. Мнѣ нужно сообщить тебѣ нѣчто важное: дѣло идетъ о возстановленіи твоей чести, о счастьи твоей будущности. Теперь я не скажу тебѣ ничего болѣе: завтра объяснюсь подробнѣе. Т***.»

На другой день, Перъ явился къ Т***. Онъ нашелъ у него многочисленное и вмѣстѣ съ тѣмъ избранное общество. Тамъ были почти всѣ тѣ, которые, за нѣсколько времени предъ тѣмъ, слушали симфонію Пера въ залѣ графа К*** и, слѣдовательно, присутствовали при сценѣ, случившейся съ маэстро. Когда Перъ вошелъ туда, Т*** взялъ его за руку и, подведя къ гостямъ, сказалъ:

— Позвольте мнѣ, господа, оправдать передъ вами друга моего Пера. Торжественно признаю его величайшимъ композиторомъ Италіи. Превосходное произведеніе, которое вы слышали не-такъ-давно въ залѣ графа К***, сочинено имъ, а не кѣмъ нибудь другимъ.

— А рукопись Веропи? воскликнулъ Перъ.

— Была моя выдумка. Разъ, утромъ, я пробрался къ тебѣ въ кабинетъ и списалъ твою партитуру. При помощи этого списка удалось мнѣ обвинить тебя въ музыкальной кражѣ. Теперь выслушай, что побудило меня къ этому поступку: я слышалъ, что ты свататься за Карлоту С*** Но Карлота никогда не любила тебя. Сердце ея избрало меня, и я, чтобъ получить ея руку, рѣшился прибѣгнуть къ неправдѣ. Цѣль моя достигнута вполнѣ: черезъ недѣлю, я женюсь на Карлотѣ. Послѣ этого, будешь ли ты еще сердиться на меня?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Перъ, обнимая своего друга: нѣтъ; ты спасъ меня отъ великой глупости.... Да, было глупо—жениться на дѣвушкѣ, которая любитъ другаго.... Я буду благодаренъ тебѣ всю жизнь!

Послѣ этого, Перъ и Т*** всегда были искренними друзьями, и извѣстность Пера увеличивалась все болѣе и болѣе.

КАПРИЗЪ ФЕЛЬЕТОНИСТА.

Въ прекрасное утро, прошедшей весною, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ и любимѣйшихъ французскихъ фельетонистовъ прогуливался въ Веррьерскомъ лѣсу, и погруженный въ мечтанія, не замѣтилъ, какъ дошелъ до Бьеврской деревни; тамъ онъ остановился передъ красивой рѣшеткой, за которою выспалась полузакрытая густою зеленью, одна изъ тѣхъ очаровательныхъ *виллъ*, которыя наши пынѣшние архитекторы умѣютъ такъ хорошо строить.

Рѣшетка была полуоткрыта и какъ бы приглашала войти въ прелестное убѣжище, которое она окружала. Это замѣчаніе принадлежитъ прогуливавшемуся литератору. Впрочемъ, вѣроятно, онъ не рѣшился-бы зайти за рѣшетку, еслибъ не замѣтилъ билета, на которомъ огромными буквами написано было: *Сія дача продается*.

— Вамъ, сударь, вѣроятно, угодно посмотреть дачу, спросила молодая крестьяночка, свѣженькая, пригожая и опрятная, выбѣжавъ на встрѣчу литератору: ахъ, сударь, это сущій кладъ! Просто даромъ! Потому она присѣла и прибавила: смѣю надѣяться, сударь, что вы оставите меня и мужа моего у себя въ услуженіи.

— Но кто вы здѣсь? спросилъ литераторъ улыбаясь.

— Мужъ мой здѣшній садовникъ, къ вашимъ услугамъ.

— А ты садовница?

Крестьянка опять присѣла. Литераторъ съ величайшимъ хладнокровіемъ сыгралъ роль покупателя, осмотрѣлъ дачу отъ погребовъ до чердака, пробѣжалъ всѣ аллеи парка, полюбовался прудами, рѣчками и фонтанами, потомъ небрежно произнесъ важныя, значительныя слова:

— А что все это стоитъ?

— Шестидесять тысячъ франковъ — послѣдняя цѣна, отвѣчалъ садовникъ.

— Просто даромъ! не преминула прибавить содовница.

— Я очень доволенъ этою дачей, сказалъ литераторъ. Потомъ прибавивъ про себя: «Были бы деньги!» онъ продолжалъ вслухъ: «Я подумаю.»

И пѣшечкомъ философически онъ отправился обратно въ Веррьерскій лѣсъ; очаровательная *вилла* не выходила у него изъ головы.

Нѣсколько дней спустя, литераторъ, возвратившись въ Парижъ, сидѣлъ въ кабинетѣ своемъ съ перомъ въ рукѣ, сочиняя для журнала повѣсть; но такъ-какъ дѣйствіе этой повѣсти происходило на дачѣ, то, не находя ничего лучше той, которую онъ осматривалъ, литераторъ принялся ее описывать.

Вдругъ растворяются двери, и молодой человѣкъ, щегольски-одѣтый, въ лакированныхъ ботинкахъ, желтыхъ перчаткахъ, и со всѣми фешьонебельными принадлежностями вошелъ къ нему:

— Извините, вскричалъ онъ, что я васъ беспокою! я — издатель журнала: у этого журнала *сегодня* 50,000 подписчиковъ; я хочу чтобы *завтра* было у него 100,000 подписчиковъ; это зависитъ отъ васъ. Какую цѣну назначите вы за то, чтобъ быть сотрудникомъ *только* при журналѣ, находящемся подъ моею редакціею?

Говоря такимъ образомъ, молодой человѣкъ вынулъ изъ кармана бумажникъ, который онъ небрежно открылъ и изъ котораго выглядывала цѣлая кина банковыхъ билетовъ.

При этомъ зрѣлищѣ фельетонистъ нѣсколько смутился. Ему казалось, что онъ имѣеть дѣло съ тѣмъ таинственнымъ и сверхъ-естественнымъ существомъ, котораго онъ нѣкогда такъ умно и прелестно описалъ въ книгѣ, весьма справедливо доставившей ему славу. Онъ пристально посмотрѣлъ на того, кого принялъ за самаго дьявола и сказалъ ему:

— Послушайте, если женщинамъ позволительно имѣть свои капризы, то почему-жъ не имѣть ихъ и литератору? У меня есть свой капризъ. Я видѣлъ на-дняхъ премиленскую

дачу, которую мнѣ очень хотѣлось-бы пріобрѣсти; она стоитъ 60,000 франковъ. Дайте мнѣ эту сумму, и перо мое на цѣлый годъ принадлежитъ вамъ. Вотъ мое условіе.

— И мы его сейчасъ подпишемъ.

Условіе подписано. Оно въ исполненіи, а писателю принадлежитъ хорошенькая *вилла* въ Бьервской долинѣ.

Какъ вы думаете, стоитъ ли дача въ 60,000 франковъ нѣсколькихъ фельетоновъ? Можетъ-быть. Но стоятъ-ли фельетоны дачи? *That is the question.*

ДЮМА, ОПИСАННЫЙ ЖАНЕНОМЪ.

Остроумный Жюль-Жаненъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ Александра Дюма.

«Гдѣ онъ? — Гдѣ нѣтъ его? — Чтѣ онъ дѣлаетъ? Чего онъ не дѣлаетъ? Онъ *вѣчный эсидѣ* литературы. Онъ вездѣ, и, гдѣ-бы ни былъ, будьте увѣрены, онъ пишетъ новую книгу, драму, романъ, элегію, рѣчь къ статуѣ Корнеля, классическую трагедію съ эпиграфомъ: *Cur non? Отчего же нѣтъ?* словомъ, онъ пишетъ непременно что-нибудь изъ ста миллионѣвъ вещей, которыя человѣкъ можетъ писать. Съ перваго дня, въ который онъ взялся за перо, съ семнадцатилѣтняго возраста, этотъ человѣкъ не разлучался съ перомъ, и между мыслью и выраженіемъ ему достаточно небольшой промежутокъ времени, въ продолженіе котораго онъ переноситъ перо отъ бумаги къ чернильницѣ и обратно. Въ это время онъ обдумываетъ; это отдыхъ его. Онъ пишетъ, когда бываетъ веселъ и печаленъ, здоровъ и боленъ, днемъ и ночью, пѣшкомъ и верхомъ, вездѣ и всегда. Онъ писалъ вчера, пишетъ сегодня и будетъ писать завтра. Александръ Дюма можно описать слѣдующими словами: живое воображеніе, снабженное всегда оциненными перомъ. Остановите его когда-нибудь и спросите, сколько книгъ вылилось изъ неисчерпаемой головы его, и бьюсь объ закладъ, что схваченный въ распахъ, онъ не припомнитъ и половины всѣхъ сочиненій своихъ.

«Все ему по рукамъ, все ему удастся — сказка ли, исторія, фантазія, романъ, поэма, повѣсть, введеніе, объявленіе, предисловіе, эпилогъ; онъ умѣетъ всѣмъ воспользо-

ваться: добродѣтелю, порокомъ, преступленіемъ, палачемъ на эшафотъ, священникомъ въ алтарь, нищимъ на дорогѣ, воромъ въ пещерѣ, дѣвушкой, которая проходитъ и теряется надъ солнечнымъ лучемъ. Если онъ остановился, значитъ рассказъ душитъ его; если онъ идетъ впередъ, значитъ рассказъ двигаетъ его; быстро-ли, тихо-ли подвигается онъ впередъ, засыпаетъ-ли онъ.... того требуетъ рассказъ. Всю жизнь свою повинуется онъ этой страсти рассказывать, этому чудовищу, которое проглотило столько гениевъ.—Рассказывай! Рассказывай! Рассказывай!—вотъ голосъ, раздающійся въ ухахъ его, подобно тому голосу въ Боссюэтѣ, который повторяетъ: —Иди! иди! иди!

«Онъ тутъ передъ вами; вы слышите какъ онъ говоритъ съ жаромъ и увлекательно, вы прислушиваетесь обоими ушами, и вдругъ онъ отворачивается и уходитъ; диво, что онъ не забываетъ плаща; онъ ушелъ, и Богъ вѣсть, когда воротится. Уходя, онъ не такъ остороженъ какъ ласточка, справляющаяся, по-крайней-мѣрѣ съ вѣтромъ и отлетающая съ товарищами; онъ же уходитъ одинъ, на удачу, не зная съ которой стороны дуетъ вѣтеръ. Дайте ему только волю. Такимъ-образомъ онъ путешествовалъ по всему извѣстному міру. Чѣмъ-болѣе страна извѣстна, тѣмъ охотѣе пробѣгаетъ онъ ее. Онъ высѣкаетъ огонь изъ кремня, истину изъ мрака; вынытываетъ исторію былаго у древнихъ развалинъ. По временамъ проводникъ его дѣлается героемъ рассказовъ его. Онъ овладѣваетъ самыми малѣйшими случайностями дороги: все его — качающаяся отъ вѣтру вывѣска гостиницы, лай вѣрнаго пса, пѣніе птицы, веселый крикъ дитяти, пламя, пылающее въ каминѣ, или дождь, падающій жидкимъ облакомъ.... Впрочемъ, всѣ эти подробности, вся эта мелкая монета описательной поэзіи, есть чистый доходъ нашего путешественника,— это его ежедневныя издержки, его хлѣбъ, его плащъ, лошадь, везущая его, лодка, въ которой онъ плыветъ, это тотъ вишній шумъ, въ которомъ этотъ странный путешественникъ живетъ.

«Чтобъ быть драматическимъ авторомъ, ему не нуженъ театръ; у него свой театръ, свои актеры, одѣтые, во-

оруженные, со шпагою на боку, румянами на щекахъ, латами на груди, перомъ на шляпѣ.

«Въ драмѣ проявляется истинная сила и могущество этого человѣка. Онъ на все смотритъ съ этой точки. У него всегда говорятъ и дѣйствуютъ происшествія и люди; тѣмъ хуже для васъ, если вы не всегда постигаете общность этой отчаянной фантазіи. Волею или неволею, все подъ этой могущественной рукой превращается въ драму. Но и кто же могъ бы лучше его исполнить это дѣло мрака и свѣта, называемое драмой? Кто лучше его постигъ тайну заставить героевъ своихъ явиться и исчезнуть, и искусство заставить ихъ говорить, хоть не всегда героически и правильно, но по-крайней-мѣрѣ ясно, чисто и живо — что еще лучше для успѣха? Вся драматическая путаница, завязка, развязка, восторги, восклицанія, вопли, инстинктъ ея и цинизмъ, кто попялъ все это лучше Александра Дюма? Очевидно, что онъ созданъ на свѣтъ нарочно для того, чтобъ держать въ рукахъ всѣ нити тѣхъ безконечно-длинныхъ интригъ, которыя онъ распространилъ и расширилъ за всѣ, доселѣ извѣстныя границы. Эта честь принадлежитъ ему.»

СЮЖЕТЪ ДЛЯ ВОДЕВИЯ.

Молодой человѣкъ, весьма-бѣдный, случайно познакомилъсь хорошенькою тридцатилѣтнею вдовою, и, узнавъ что она богата, *страстно* влюбился въ нее. Но молодая вдовушка понимала любовь не иначе, какъ предшественницей законнаго брака, а потому сказала рѣшительно молодому человѣку, что *полюбитъ* только мужа своего. Нечего дѣлать! Молодой человѣкъ согласился на все, и ...

Дѣла были уже въ такомъ положеніи, что нельзя было ихъ долѣе откладывать, какъ вдругъ молодой человѣкъ охладѣлъ; онъ заговорилъ о непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, которыя не позволяли ему приступить къ бракосочетанію. Это обезпонило вдовушку и она пустилась осторожно разыскивать причину, заставлявшую молодого человѣка мѣшкать, и вскорѣ узнала, что онъ получилъ въ наследство 20,000 франковъ. Въ тотъ-же вечеръ она пригласила его къ ужину, во время котораго была чрез-

вычайно-весела, и съ такою граціею подливала счастливцу шампанское, что онъ ничего не подозрѣвалъ; онъ отвѣчалъ да всѣ тосты, которые она ему предлагала.... но вскорѣ голова его опустилась, зрѣніе помутилось, глаза стали невольно закрываться и.... онъ уснулъ. Тогда нѣжная, маленькая ручка опустилась въ карманъ его и вытащила оттуда ключикъ. Четверть часа спустя вдова одна входила въ комнату будущаго супруга своего, откуда вскорѣ вышла съ драгоценнымъ бумажникомъ, въ которомъ скрывалась вся сумма, которую молодой человѣкъ получилъ въ наслѣдство. Когда она воротилась къ себѣ, онъ проснулся.

— Послушайте, сказала она ему: вамъ извѣстно, сколько у меня было денегъ. Я стала богаче 20,000-ми франковъ, которые вы получили въ наслѣдство. Вы были бѣдны, и я приняла васъ къ себѣ, я полюбила васъ и, къ-несчастію-доказала вамъ любовь свою! Вы стали богаче и потому хотѣли покинуть меня; но этого не будетъ. Я всѣмъ распорядилась: у васъ нѣтъ болѣе ни одного су....

— Что вы говорите?

— Что у васъ нѣтъ болѣе ни одного су; я снесла ваши 20,000 франковъ и мои собственные деньги въ вѣрное мѣстечко. Теперъ вы вольны жаловаться на меня; но при покражѣ моей я не употребляла ни насильственныхъ средствъ, ни поддѣльныхъ ключей; это покража простая: я рисковала только честію, которой отказъ вашъ жениться на мнѣ и безъ того лишилъ меня. Я просижу годъ въ тюрьмѣ, а черезъ годъ у меня будетъ лишнихъ 20,000 франковъ.... Прощайте, даю вамъ срокъ до завтра.

Молодой человѣкъ, не дожидаясь другаго дня, тутъ-же согласился жениться на вдовѣ и сдержалъ слово.

ЮСИФЪ РАСТРЕЛЛИ.

14-го ноября 1842 года, скончался въ Дрезденѣ, въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ, директоръ музыки при королевскомъ театрѣ, *Юсифъ Растрелли*, отъ воспаления въ груди. Онъ былъ сынъ композитора церковной музыки, Викентія Растрелли, и родился въ Дрезденѣ, въ 1779 году. Отецъ съ раннихъ лѣтъ сталъ посвящать его въ

танпства музыки; будучи юношей, Юсифъ Растрелли былъ скрипачемъ въ королевской капеллѣ. Между-тѣмъ онъ не переставалъ изучать музыку, и для пріобрѣтенія еще большихъ познаній отправился наконецъ въ Италію. Тамъ вполнѣ развились прекрасныя дарованія его; онъ написалъ первое свое сочиненіе *La distructione di Gerusalemme* и, проникнутый огнемъ вдохновенія, воротился въ Дрезденъ. Тамъ онъ поставилъ вскорѣ, на существовавшую еще тогда италіянскую сцену, оперу свою *La schiara circassa*; она была прекрасно принята. За нею послѣдовали *La donne curiose* и *Vellega*. Для театра della Scala въ Миланѣ, написалъ онъ оперу *Amina*. Сверхъ-того, онъ сочинилъ много піесъ церковной музыки, за которыя получилъ отъ Папы орденъ Золотой Шпоры. Въ 1830 году поступилъ онъ въ должность, которую исправлялъ до кончины своей съ знаніемъ дѣла и дѣятельно. Онъ написалъ еще много другихъ оперъ, увертюръ, антрактовъ, и пр., которые всѣ свидѣтельствуютъ о глубокихъ познаніяхъ его въ музыкѣ. Лучшимъ свидѣтельствомъ душевной доброты, прекраснаго характера и услужливости его служатъ искреннія слезы и сожалѣнія провожавшихъ его въ вѣчную обитель.

ЧТО ЗНАЧИТЬ РУКА У АКТЕРА?

Ни какую древнюю статую, никакую мумію, никакую королевскую медаль не разсматривали съ такимъ вниманіемъ, съ какимъ разсматриваетъ публика актера на сценѣ. Мы говоримъ актера, должно понимать и актрису. Мы знаемъ наизусть любимаго актера, съ головы до ногъ; однако, разсмотрѣвъ тщательно всѣ его достоинства и недостатки, мы забыли одно.... что такое? самое важнѣйшее въ актерѣ послѣ головы, а именно:

Руки!

Рука также играетъ, какъ и лицо: у нея свой голосъ, своя улыбка, свои слезы: У нея, сверхъ-того, есть краснорѣчивое и благородное судорожное сжатіе, легкій трепеть, исполненный нѣжности и граціи, прикосновеніе руки можно сравнить съ поцѣлуемъ-

Напрасно не отдѣляли до-сихъ-поръ чудное дѣйствіе кисти ручной отъ дѣйствія, общаго всей рукѣ и которое мы привыкли называть жестомъ. Рука дѣлаетъ жестъ, кисть объясняетъ значеніе его.

Если сравнить средства лица со средствами руки, то преимущество надобно отдать послѣдней. Лицо имѣетъ только два вспомогательныя средства: глаза, правда, могущественны; но отнимите у рта слово, что останется? Прибавьте къ нему усы, и ротъ рѣшительно ничто.

Но посмотрите на пятерыхъ гибкихъ, нервическихъ, живыхъ помощниковъ руки. Какъ легко они отдѣляются, какъ соединяются и какъ поднимаются всѣ вмѣстѣ, какъ тѣсняются въ ладонь, изъ которой опять выходятъ быстрымъ движеніемъ, для выраженія сильныхъ ощущеній! Какая выразительная нѣжность въ движеніяхъ руки и пальцевъ, какая сила, какая жизнь во внезапномъ сжатіи ея!

Сколько людей, видя, что актеръ снимаетъ перчатки, думаютъ, что онъ боится замарать ихъ. Жалкое заблужденіе! Рука актера болѣе стѣснена въ перчаткѣ, чѣмъ лицо подъ маской. Видѣли-ли вы когда нибудь, чтобы актеръ хорошо сыгралъ какую-нибудь важную, значительную роль въ перчаткахъ?

Сколько рукъ называютъ прекрасными въ театрѣ! Да, онѣ бѣлы, благодаря бѣлиламъ, карминъ цвѣтитъ ногти, прелестно отдѣляющіеся отъ близины пальчиковъ, глубокия ямочки придаютъ милую пухлость тѣлу. У самаго Рубенса кровь не выказана лучше подъ блестящей эпидермой Нерейды. Но эти руки ищутъ только того, чтобы ими любовались; одна прикладывается къ сердцу, другая спокойно опущена, вотъ и все. Эти руки нельзя назвать прекрасными.

Часто мы видимъ руки красныя, почти синія, налитыя кровью; эти руки, кажущіяся сначала тривіальными, вскорѣ разговариваютъ такимъ дивнымъ языкомъ, что вы понимаете малѣйшій трепетъ ихъ. У насъ на сценѣ теперь очень-мало драматическихъ рукъ. Наука и искусство придаютъ рукамъ нынѣшнихъ актеровъ какія-то изученныя, не натуральныя движенія или, лучше сказать,

у большей части актеровъ вдохновеніе и геній наполняютъ только голову и сердце : ничего ни остается рукамъ, — онѣ безъ дѣйствія, безъ силы, безъ выраженія!

Замѣчательная у насъ рука та, которая играетъ Гамлета, Лира, Кина и Игрока. Эта рука заставляетъ насъ столько же трепетать, сколько руки Сосницкаго и Мартынова заставляютъ насъ смѣяться. Вотъ три руки геніальныя, каждая въ своемъ родѣ.

Никто, никогда не забудетъ величественной граціи, вѣжнаго выраженія и тонкой прони руки Г-жи Каратыгиной. Эта рука, умѣренная въ жестахъ, кажется, держитъ всѣ нити, ведущія къ головамъ и сердцамъ цѣлаго собранія зрителей и слушателей.

Не судите актера по лицу, судите его — по рукамъ!

ФРАНЦУЗЫ ВОСПѢТЫЕ ФРАНЦУЗАМИ.

Многіе изъ нашихъ читателей, конечно, знаютъ Французское роскошное изданіе, «Les Français peints par eux-mêmes», «Французы, описанные Французами,» породившее у насъ подобное же изданіе «Наши, описанные Русскими.» Этого изданія т. е. «Les Français» разошлось во Франціи огромное число экземпляровъ. Этого достаточно было, чтобы заставить «остроумнѣйшую націю» прийтись за другое изданіе подобное этому, и вотъ явились «Les Français chantés par eux-mêmes» — «Французы, воспѣтые Французами.» — Есть люди, хвалящіе сами себя, ругающіе сами себя, описывающіе сами себя, но кому приходило на умъ воспѣть самого себя?

Французы, воспѣтые Французами! Какое прекрасное, великолѣпное заглавіе! Вамъ сейчасъ, съ перваго взгляда, покажется, что это собраніе стиховъ, которыми Французы воспѣваютъ Французовъ.... совсѣмъ нѣтъ, это ничто иное какъ альбомъ романсовъ, содержащій въ себѣ мелодіи Мейербергера, Адама, Галеви, Доницетти, Клаписсона, Черни, Моншу, Талберга, Мюзара и пр., и пр. Скажите пожалуйста, какимъ образомъ Мейербергъ дѣлается *Французомъ, себя воспѣвающимъ?* Положимъ, что онъ утромъ напѣ-

ваетъ свои арійки, но все-таки онъ есть, будетъ и останется *Нѣмецъ, себя напѣвающимъ*.

Это новое изданіе открываетъ широкой обширный путь всѣмъ искусствамъ и ремесламъ и вскорѣ появится—

Французы протанцованные	} Французами.
Французы проигранные	
Французы съѣденные	
Французы обртыые	
Французы соленые	

Это очень интересно!

Мы же, Русскіе, превосходимъ иностранцевъ во всемъ. Даже въ копіи мы становимся выше оригинала. У насъ задача рѣшилась однимъ словомъ: *Наши!* И въ самомъ дѣлѣ, не заключаются-ли въ этомъ одномъ словѣ всѣ дѣйствія, всѣ дѣянія, всѣ занятія *Нашихъ!* Дивитесь и покланяйтесь *нашему* изобрѣтательно-подражательному уму!

ПАГАНИНИ ВЪ ПАЛЕРОЯЛѢ.

Паганини игралъ въ Парижѣ, въ первый разъ, въ Палероялѣ. Самое мѣсто способствовало торжеству великаго музыканта. Лучшіе артисты Италіанскаго Театра собрались для полнаго торжества новаго Аполлона, который, черезъ нѣсколько минутъ, долженъ былъ довести до высшей степени огромную славу свою и открыть себѣ дорогу ко всѣмъ большимъ и малымъ парижскимъ и лондонскимъ кошелькамъ.

Уже Паганини съигралъ одну піесу; король, королева, дѣти короля, придворные, военные и артисты были въ восхищеніи; но Паганини, привыкшій къ восторгу слушателей своихъ, подошелъ къ Донзелли, и утирая потъ, выстунившій у него на лбу, спросилъ, нельзя ли ему переменить бѣлье.

Въ футлярѣ, въ которомъ находилась скринка Паганини, было устроено мѣсто для бѣлья; чудный футляръ, который онъ самъ называлъ своимъ *несессеромъ* (*nécessaire*).

Вообразите удивленіе Донзелли.

— Помилуйте! говорить онъ: какъ можно... у коро-

ля?... въ залѣ, наполненной дамами?... Маэстро Паганини.... извините.... но.... продолжалъ Донзели смущенный.

— *Ма* будетъ что будетъ, *ма* я долженъ перемѣнить рубаху, или я не буду въ состояннн далѣ играть!

Проговоривъ послѣдння слова, онъ тотчасъ сталъ осматривать всѣ уголки залы. Въ этой залѣ было большое окно, закрытое двумя массивными занавѣсами.

— Я спасенъ, вскричалъ Паганини. И вотъ онъ, вмѣстѣ съ футляромъ и рубашкой за занавѣсю.

Какое же былъ страхъ и замѣшательство артистовъ Итальянскаго Театра, которые поочередно караулили возлѣ окна въ королевскомъ покоѣ!...

Вскорѣ Паганини, облегченный, и освѣженный вышелъ изъ-за занавѣсы и обворожилъ всѣхъ своею игрою....

ПОЭТЪ И ДѢВА.

(Анекдотъ)

Молодой и богатый поэтъ Д* влюбился въ хорошенькую танцовщицу ***, не давно-поступившую на сцену. Сначала подарки сыпались одинъ за другимъ — и хорошенькая жрица Терпсихоры бывавъ восторгъ. Она, что называется, *обзавелась хозяйствомъ*, разукрасила свой будуаръ, устлала залстическими коврами гостиную, поставила огромное трюмо въ залѣ, и въ восторгъ дѣлала передъ нимъ самыя отважныя скачки, самыя трудныя пируэты, любуясь гибкостью своего тѣла, граціей движеній, прелестію формъ и — устройствомъ комнатъ, болѣе всего. Наконецъ, налюбовавшись до-сыта всѣмъ этимъ, и сама, заставляя восхищаться другихъ, въ теченіе цѣлой недѣли, своимъ мериносовымъ платьемъ, своимъ орѣховога дерева комодомъ, своею кашемировою шалью, она начала вспоминать о своей прошедшей бѣдности и свободѣ. Бѣдная малютка скучала, какъ скучаетъ первый любовникъ, которому стукнуло сорокъ лѣтъ. Скучать въ шестнадцать лѣтъ, когда притомъ одарены еще отъ природы носикомъ Роксоланы, ротикомъ, который такъ и манитъ къ поцѣлу: это убійственно, но очень натурально.... Все ей не

правилось, все, начиная съ собачки и кошки до танцовальнаго ея учителя. Она засыпала въ театрѣ, зѣвала во время прогулки, она бранила сестру, ворчала на мать, и, о святотатство! бросала въ огонь «Литературную Газету,» въ которой печатались стихи ея обожателя. Поэтъ не изъ послѣднихъ замѣтилъ эти грустные признаки скуки; но онъ былъ влюбленъ, а любовь придаетъ ума даже и поэтамъ, печатающимъ стихи въ *Литературной Газетѣ*.

— Что съ вами, ангель мой, сказалъ онъ ей однажды вечеромъ, когда она была еще скупчѣе обыкновеннаго? Вы не смѣетесь болѣе, не играете на фортепіано, не подшучиваете надо мною.... вы больны?

— Я? вы ошибаетесь, сударь; я весела, очень весела, и совершенно здорова.

— Полноте, вамъ не обмануть меня; я на этотъ счетъ очень проникателенъ, и непременно пришлю вамъ лекарство моего изобрѣтенія.

— Къ-чему это?...

— Да, да, я непременно пришлю вамъ небольшой томикъ, который разгонитъ вашу ипохондрию.

— Вѣрно ваши глухие «Звуки сердца», которые вы издаете къ новому году? Предупреждаю васъ, что я не стану читать этого вздора.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой ангель, кое-что гораздо позанимательнѣе.

И любезникъ отправился, съ торжествующимъ видомъ.

На другой день, вечеромъ, влюбленный поэтъ прислалъ тоненькую брошюрку продолговатой формы, завернутую въ бумажку. Можно было подумать, судя по ремеслу презентовавшаго ее, что это была небольшая брошюра, съ романсами, пѣснями и элегіями, къ *Лунѣ*, къ *Чудной дѣвѣ* и пр. Вскрытіемъ и изслѣдованіемъ драгоценнаго подарка занялась мать нашей юной больной. И точно, танцовщица не ошиблась: это дѣйствительно была небольшая только-что отпечатанная книжка подъ названіемъ «Звуки сердца, стихотворенія Д***, томъ первый» и пр. Но едва развернула она книжку, какъ вдругъ вскрикнула отъ восхищенія. Лицо ея сдѣлалось зеленымъ, краснымъ, блѣд-

нымъ, фиолетовымъ; она не могла говорить; радость задушила ее. Въ этой простенькой оберткѣ были завернуты двадцать пять ломбардныхъ билетовъ, по сту рублей каждый.

Часа два спустя послѣ этой присылки, нашъ великій поэтъ, подумавъ, что теперь можетъ смѣло отправиться и самъ онъ, является съ веселымъ видомъ, съ улыбкою на устахъ. Но что-же?... его принимаютъ также холодно, какъ и прежде.

— Развѣ вы не получили моей книжки, спрашиваетъ онъ, смутившись отъ такого неожиданнаго приѣма?

— Какъ-же....

— Ну, что, какъ она вамъ нравится?

— Начало очень заинтересовало меня, и я съ нетерпѣніемъ ожидаю *второго тома*.

Увы! поэтъ нашъ попался самъ въ свои сѣти. Надобно было, противъ всякаго желанія, представить другой томъ, съ опасностью въ противномъ случаѣ потерять весь плодъ перваго подарка. Онъ исполнилъ, какъ говорить, довольно великодушно желаніе своей «Дѣвы» и пополнилъ твореніе; только чтобы избѣжать такихъ дорогихъ продолженій, позаботился написать на двадцать пять билетовъ: *Конецъ второго и послѣдняго тома*.

БАСНЯ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ О В. А. КАРАТЫГИНѢ.

Какого вздора не наговорятъ (и притомъ еще съ удивительною самоувѣренностью) иностранные, а особенно парижскій и лондонскіе журналы, только бы дѣло коснулось до Россіи! Вотъ новый чудесный примѣръ неистощимаго на подобныя басни воображенія ихъ редакторовъ или сотрудниковъ; мы перевели его съ дипломатическою точностью изъ «Journal des Debats».

«Читатели наши, вѣроятно, помнятъ, что лѣтъ десять тому назадъ, какой-то почитатель таланта д-цы Марсь, отказавъ этой знаменитой артисткѣ, въ своей духовной, значительную сумму, сопровождая при томъ даръ этотъ самыми лестными для нея выраженіями. Этотъ, не слышанный до того времени въ лѣтописяхъ литературы, фактъ

повторился въ наше время въ С. Петербургѣ, въ пользу двухъ артистовъ, изъ коихъ одинъ занимаетъ теперь первыя роли при театрѣ Vaudeville, въ Парижѣ.

«Въ завѣщаніи умершей, шесть пѣснецъ тому назадъ, книжки Ж. найдены два примѣра великодушной признательности къ таланту, выраженной въ слѣдующихъ словахъ: «Въ теченіе трехъ лѣтъ я постоянно посѣщала театръ, и находила тамъ истинное наслажденіе, единственное въ моей жизни; а потому, считая обязанностію наградить тѣхъ, кто доставлялъ мнѣ это наслажденіе, я завѣщаю Каратыгину, заставлявшему меня столько разъ проливать сладкіе слезы, 50,000 рублей.

«Кромѣ того я дарю еще 30,000 руб. молодому актеру, котораго имени не могу вспомнить; но мнѣ кажется, легко будетъ отыскать во Франціи того, кто такъ трогалъ мою душу, играя на сценѣ Михайловскаго Театра le *Gamin de Paris* и *Cha'terton*.»

«Сообразивъ эти сдѣланныя книжницею Ж*** поясненія, съ эпохою, въ которую она постоянно посѣщала театръ, всѣ сомнѣнія на счетъ лица, которому слѣдуетъ даръ, и котораго имя позабыла завѣщательница, уничтожаются совершенно. Артистъ этотъ не кто иной, какъ г. Лаферрьеръ. Говорятъ, что исполнитель духовнаго завѣщанія покойной книжницы, объявляя ему эту пріятную новость, сообщилъ также и о намѣреніи прямыхъ наслѣдниковъ, воспротивиться исполненію этихъ двухъ статей завѣщанія. Но въ Россіи болѣе нежели во всѣхъ другихъ государствахъ уважается законами воля завѣщателя. Каратыгинъ, которому назначила завѣщательница вышеупомянутыя 50,000 руб. — есть — русскій Тальма».

Во всемъ этомъ, разумѣется, нѣтъ ничего справедливаго, кромѣ замѣчанія о уваженіи русскихъ къ послѣдней волѣ умершаго, и комплимента, сдѣланнаго нашему прервосходному артисту, В. А. Каратыгину.

КАКЪ ПИШУТСЯ ИНЫЕ ФЕЛЪЕТОНЫ.

Двое изъ самыхъ остроумныхъ парижскихъ журналистовъ сошлись недавно въ оперѣ; первый изъ нихъ

только что на-дняхъ женился, а другой недавно овдовѣлъ.

— Ну, что, какъ вы находите теперешнее свое положеніе? спросилъ первый.

— Гм, очень не дурно.... Ну, а вы что скажете о своемъ?

— О! на землѣ нѣтъ большаго счастья, какъ быть женатымъ! Напримѣръ, я работаю, а жена сидитъ возлѣ меня; кончивъ одинъ періодъ, я обнимаю ее — не правда ли это, прелесть?

— А! теперь я понимаю — отвѣчалъ вдовецъ, наклонившись къ женѣ своего собрата, которая, казалось, со вниманіемъ смотрѣла на него: я понимаю, отчего вашъ слогъ сдѣлался такъ отрывистъ.

Вдовецъ разказалъ слова новобрачнаго своимъ друзьямъ — друзья разказали ихъ своимъ знакомымъ — и вотъ каждый понедѣльникъ съ любопытствомъ считаютъ точки въ фельетонѣ счастливаго супруга: поднимаются споры, чрезвычайно странные для тѣхъ, кто не посвященъ въ эту тайну.

— Какъ! онъ поставилъ тутъ только точку съ запятою!

— Да.

— Какъ! люди непостоянны! Почему не поставитъ здѣсь точки.

— Но, пожалуйста, по смыслу фразы, тутъ должна быть точка съ запятою.

Согласенъ — но жена его такъ мила — я поставилъ бы точку....

Бѣдная жена! въ послѣднемъ фельетонѣ очень, очень не много точекъ.

ГРОБНИЦА ВЕБЕРА.

Въ одномъ изъ Нѣмецкихъ журналовъ разказано слѣдующее:

«Цѣлое общество посѣтителей спустилось въ катакомбы Мурфильдской капеллы; между ними находилась одна знаменитая пѣвица, которая съ нѣмецкой оперной группою прѣехала въ Лондонъ. Мы собрались все около гробницы Вебера. Нѣкоторые посѣтели стали просить пѣвицу

бросить нѣсколько мелодическихъ цвѣтковъ на узкую могилу знаменитаго композитора. И какъ будто бы звуки собственной пѣсни его могли разбудить или обрадовать его, она начала: «Und ob die Wolke sie verhülle»... Звуки не имѣли простора подъ низкими, мрачными, сырыми сводами.... однакожь минута эта была прелестна. Всѣ съ какимъ-то тайнымъ душевнымъ трепетомъ смотрѣли на чудную пѣвицу, стоявшую возлѣ мѣднаго гроба, котораго бархатный покровъ почти совершенно истлѣлъ; этотъ гробъ находился между двумя другими гробами — одинъ былъ вверху, другой внизу. Въ катакомбахъ Мурфильдской капеллы все расположено въ удивительномъ порядкѣ; между двумя рядами гробовъ, стоящихъ вправѣ и влѣвѣ, оставленъ проходъ. Гробы стоятъ одинъ на другомъ, точно сундуки и чемоданы на пароходѣ. И можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ, когда умретъ смотритель катакомбъ или когда надпись на гробѣ знаменитаго маэстро покроется ржавчиной и заплесивѣетъ отъ сырости-тогда, для очищенія мѣста другимъ, отнесутъ и гробъ Карла Маріи къ сторонкѣ.... Кюстеръ при этихъ катакомбахъ человекъ очень-услужливый. Онъ предложилъ пѣвицѣ гвоздикъ изъ гроба Вебера на память. На утвердительный отвѣтъ ея, онъ съ помощію перочинаго ножичка, вытащилъ изъ крышки одинъ изъ штифтиковъ съ широкой шапочкой, завернулъ его въ полусогнувшій лоскутокъ бархата и подаль пѣвицѣ, протянувъ къ ней и другую руку, въ которую она положила серебряную монету и спрятала драгоценное приобрѣтеніе свое на груди.

Вытаскивайте, господа, гвозди, которыми вы-же сами или предшественники ваши по немножку сколачивали гробъ для бѣднаго Вебера!

МЕЙЕРВЕРЪ, ЛИСТЪ И ГЕРАЛЬДИ ВЪ ДОМѢ СУ- МАСПЕДИНХЪ.

Въ прекрасное осеннее утро, пишетъ одинъ французскій журналистъ, я съ Мейерберомъ и знаменитымъ пѣвцомъ Геральди отправился въ la Salpêtrière, это великолѣпное убѣжище для старыхъ, слабыхъ и больныхъ, ума лишенныхъ женщинъ, заключающее въ стѣнахъ своихъ народо-

населеніе цѣлаго города — 6000 душъ! Цѣль наша была испытать, какое впечатлѣніе, музыка можетъ произвести на этихъ несчастныхъ. Листъ, всегда первый во всякомъ добромъ дѣлѣ, поспѣлъ туда прежде насъ, и вѣроятно, въ первый разъ въ жизни своей игралъ не въ великолѣпной залѣ, предъ блестящею публикой, но въ больницѣ, предъ сумасшедшими женщинами! — Всегдашнее занятіе, науки, музыка — вотъ главнѣйшія средства, которыми стараются облегчить жалкую участь этихъ несчастныхъ. Мы имѣли случай удивляться необыкновеннымъ результатамъ этого способа, который докторъ Трелія, если не ошибаюсь, приводитъ въ дѣйствіе самымъ благороднымъ и челоуѣколюбивымъ образомъ. Учитель музыки при насъ проэкзаменовалъ своихъ умалишенныхъ ученицъ, и намъ казалось, что мы видимъ разумныхъ дѣтей, радующихся случаю выказать успѣхи свои. Хоры, соло, все было удивительно! — Важная, даже нѣсколько печальная пѣснь, которую пропѣлъ Геральди, сопровождаемый игрою Листа, произвела на слушательницъ пріятное, хотя слабое впечатлѣніе; но большая арія Дулькомара изъ *Любовнаго напитка* Донидзетти, пропѣтая со всею очарованіе прекраснаго голоса и сыгранная Листомъ, наэлектризовала молодыхъ и старыхъ.... участіе, радость, жизнь заблестали на всѣхъ лицахъ. — Въ слѣдующей залѣ нашли мы другое многочисленное собраніе. Докторъ призвалъ нѣкоторыхъ старыхъ и молодыхъ умалишенныхъ, и называя какую нибудь арію, дуэтъ, басню, стихотвореніе и т. п. заставлялъ ихъ отвѣчать. Онѣ декламировали съ такимъ чувствомъ, съ такимъ выраженіемъ, что мы не хотѣли вѣрить, что имѣемъ дѣло съ сумасшедшими: двѣ молодая дѣвушки пропѣли милый дуэтъ съ такимъ искусствомъ, что невольно подумали, что видимъ предъ собою двухъ музыкально-образованныхъ пѣвицъ. Бѣдная, художавал, невидная собою, полумертвая дѣвушка была вызвана, и ей приказали спѣть веселую пѣсенку. Намъ сперва жаль было ее, но — мало-по-малу, отъ куплета до куплета голосъ ея оживлялся; онѣ получили что-то вдохновенное — мы слушали гениальную пѣвицу!.... И здѣсь божественная игра Листа, сопровождавшая чистый,

звучный голосъ Геральди, произвела самое видимо-благодѣтельное впечатлѣніе. Казалось, эти несчастныя возвратились на мгновеніе къ дѣйствительной жизни.... доказательствомъ тому можетъ служить записка, которую одна дѣвушка подала намъ отъ имени всѣхъ своихъ товарищей. Вотъ что было написано въ запискѣ:

«Aujourd'hui nous sommes bien heureuses d'être malades, puisque notre maladie nous procure l'occasion d'entendre M. Gerardi, accompagné par M. Liszt.»

«Сегодня мы счастливы самой болѣзнью нашею, потому-что она доставляетъ намъ случай слышать г. Геральди, аккомпанируемаго г. Листомъ.»

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

На провинціальномъ театрѣ въ В.... прежде, въ послѣднемъ финалѣ *Донъ Жуана*, фурии, увлекающія несчастнаго въ адъ, появлялись на сценѣ въ костюмѣ чорта — т е. съ рогами и длиннымъ хвостомъ. Одинъ изъ тогдашнихъ хористовъ, выходя изъ подъ-пола, какъ-то замѣшкался, и закрывшійся трапъ прищемилъ хвостъ его. Бѣдный чортъ не могъ сойти съ мѣста, и отчаянно размахивая факломъ не могъ помочь товарищамъ своимъ утащить *Донъ Жуана* въ адъ. Завѣса опустилась.... но тотчасъ же опять поднялась; въ то время было еще обыкновеніе возвѣщать о представленіи, назначенномъ на слѣдующій вечеръ. Какъ-же былъ смѣхъ зрителей, когда увидѣли несчастнаго чорта на томъ же мѣстѣ? онъ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобъ вырвать хвостъ изъ тисковъ, и наконецъ ему удалось — онъ свободенъ! Но вмѣстѣ съ хвостомъ оборвалась вся задняя часть мохнатаго костюма.... Бѣдный хористъ удался, сопровождаемый громкимъ смѣхомъ зрителей.

—Одинъ Нѣмецкій, чрезвычайно-разсѣянный профессоръ обѣдалъ у содержателя театра К. За обѣдомъ разговаривали о новой пьесѣ, и хозяинъ съ жаромъ описывалъ лучшія мѣста. Вдругъ докладываютъ заслушавшемуся профессору, что его спрашиваютъ. Онъ послѣшно встаетъ и обращаясь къ слугѣ, отворявшему двери, говоритъ: «Пожалуй мнѣ контръ-марку.»

РАЗЪВЗДЪ ИЗЪ ТЕАТРА.

ОЧЕРКЪ ДЛЯ ОБЪЯСНЕНІЯ КАРТИНЫ. *

Если не всякій спектакль имѣеть, то этимъ не доказывается, что всякій спектакль не долженъ имѣть трехъ существенныхъ частей или отдѣленій, не долженъ быть составленъ, по-крайней-мѣрѣ, изъ *трехъ* пьесъ: первая — для *сѣзда каретъ*, другими словами, для начала спектакля, когда публика сходится въ театръ, когда зрители еще не усядутся, не утихнутъ, не успокоятся, двери театральныя не перестанутъ отворяться, кашельдинеры шнырять между рядами креселъ, любители театра не протрутъ глазъ, т. е. очковъ, лорнетовъ, трубокъ, не прочистятъ носовъ, ушей и проч., чтобы безпрерывно смотрѣть, слушать и т. д. Для сѣзда каретъ годятся небольшіе водевили, составленные изъ отдѣльныхъ сценъ, мало между собою связанныхъ, изъ куплетовъ, въ которыхъ, за недостаткомъ остроумія, большое достоинство составляетъ *какой-нибудь* смыслъ, изъ характеровъ, въ которыхъ нѣтъ никакихъ характеровъ, а есть *рвзкія черты*, какъ-то—взятчикъ, пьяница, челоуѣкъ покачивающаго головой, переваливающагося съ бока на бокъ, часто утирающаго носъ, или поправляющаго волосы и т. п. Эти водевили очень-хороши—для сѣзда каретъ: чего зритель не пойметъ—на се-

* Рисованной молодымъ художникомъ г-мъ Жуковскимъ, и отпечатанной въ литографіи г-на Тюлева.

бя свалить: оттого-де не понялъ, что опоздалъ; если и пойметъ, да покажется глупо и нелѣпо — на себя свалить: начала-де не засталъ; но чаще всего эти водевили *понимають*, потому-что *не-понимать* въ нихъ нечего, а вслѣдствіе того бываютъ этии водевилями очень-довольны, потому-что быть ими недовольнымъ имѣютъ право только тѣ изъ зрителей, которые заняли свое мѣсто—до поднятія занавѣса. Много-ли бываетъ такихъ зрителей—предоставляемъ каждому считать въ первомъ спектаклѣ, въ который онъ не опоздаетъ. Если для подтвержденія нашей теоріи потребовали бы примѣровъ, то мы могли-бы указать на нѣкоторые водевили г-дъ N и NN, которые даются очень часто именно по-тому, что они чрезвычайно удобны для начала спектакля.

Вторая часть спектакля должна составлена быть изъ капитальной пьесы, какого-бы рода она ни была—трагедія, драма, комедія, пожалуй и водевиль, но только не въ одномъ актѣ, если же въ одномъ, то нѣсколько водевилей вдругъ. Къ этимъ пьесамъ обыкновенно съѣзжаются зрители, уже достаточно приготовленные, т. е. отдохнувшіе послѣ сытнаго обѣда, пожалуй даже и уснувшіе; во время представленія этихъ пьесъ уже не кашляютъ, не сморкаются—потому-что все это сдѣлано заранѣе. Эти пьесы составляютъ то, что называется «fond» спектакля, и на афишѣ всегда занимаютъ *первое* мѣсто. Для нихъ-то именно и ѣдутъ въ театръ.

Наконецъ пьесы третьяго рода — это тѣ, которыя даются *для разъѣзда каретъ*. Между этими послѣднимъ и первымъ, т. е. *для съѣзда каретъ* есть важная, большая, существенная разница — и смѣшивать ихъ отнюдь не должно. Пьесы для разъѣзда каретъ должны отличаться содержаніемъ, характерами, остроуміемъ—совершенно *особеннаго* рода. Варваръ величайшій будетъ тотъ режиссеръ, который смѣшаетъ эти два,

совершенно-различные рода пьесъ. Содержаніе этихъ пьесъ должно быть *веселое, остроуміе*—прежде всего—*незастычивое, куплеты—въ духъ народности русской, а характеры—изъ міра извозчиковъ, лакеевъ, гостинно-дворцевъ и ужь никакъ не выше чиновниковъ четырнадцатаго класса, хоть на афишѣ они и называются столоначальниками, начальниками отдѣленій и даже правителями департаментовъ. Въ водевиляхъ мѣста и должности раздаются не по чину, и не по лѣтамъ. У насъ на Русѣ есть одинъ водевилистъ, величайшій мастеръ писать — *для разъѣзда каретъ*. Этими водевилями онъ, по собственному сознанію, составилъ себѣ славу «пзвѣстнаго и опытнаго литератора и драматическаго писателя». Нужно ли еще называть вамъ его по имени?*

Итакъ представимъ, что мы съ вами сидимъ въ театрѣ, когда даютъ *водевиль для разъѣзда каретъ*. Лишь только капельмейстеръ подастъ знакъ, актеры и актрисы вытянулись въ рядъ, что-бы пропѣть прощальный куплетъ къ публикѣ,—въ которомъ тысячу-въ-первый разъ просятъ о спсхожденіи къ переводчику и къ артистамъ,—зрители шумно встаютъ, и, кто принесъ съ собой въ кресла шубу и колоши, тотъ надѣваетъ ихъ; а другіе спѣшаютъ въ корридоръ, доставая изъ кармана жестяную контрмарку, а изъ кошелька—двугривенный. Г-да водевилисты очень негодуютъ на зрителей за то, что они никогда не дослушиваютъ заключительнаго куплета; но, мм. гг., кому охота всякой разъ слышать одно и тоже, ту же старую погудку даже и не на новый ладъ? Бывало прежде, въ водевиляхъ Князя Шаховскаго, Хмѣльницкаго, Писарева, Н. Ф. Павлова, Ленскаго, въ послѣднихъ куплетахъ было столько ума, остроты, соли, что публика не пророняла изъ нихъ ни одного слова; теперь вы придумали пѣть хоромъ штертыя и общія мѣста о спсхожденіи, ободреніи, и т. п. то, что всякій напередъ знаетъ, и

публика, разумѣется, уходитъ изъ театра, не дослушавши васъ.

Прежде всего пустѣютъ кресла и партеръ. Только записные клакёры и отчаянные шикальщики остаются въ залѣ до паденія занавѣса, чтобы на просторѣ вызвать своихъ любимцевъ и любимицъ, шикнуть ихъ соперникамъ или соперницамъ. Для другихъ зрителей предстоятъ другія заботы и другія удовольствія. Постарше, въ комъ уже кровь не волнуется при видѣ красоты, завернувшись въ шубы, торопятся поскорѣе выбраться изъ толпы и добраться до извозчика; люди этого сорта болѣе выбираютъ для выхода боковые подъѣзды. Молодежь расходится по корридорамъ, по лѣстницамъ, идетъ на главный подъездъ взглянуть на хорошенькихъ посѣтительницъ ложъ, не ускользнувшихъ отъ ихъ зоркаго лорнета. Для инаго— это лучшая, важнѣйшая минута въ цѣломъ спектаклѣ, минута, для которой только онъ и пришёлъ, которая доставитъ ему наслажденія на цѣлые дни, мечтаній на цѣлыя ночи.... Можетъ быть этой минуты дождался не одну недѣлю....

Но вотъ мы на подъездѣ. Чудная, морозная сѣверная почва. Мѣсяцъ плыветъ во всеиъ блескѣ своемъ. Свѣтъ отъ фонарей гаснетъ при его сиянн. Милліоны звѣздъ мерцаютъ на лазурномъ небѣ. Насъ обступаютъ толпа извозчиковъ, такъ сдвинувшихъ сани свои, что пѣтъ возможности продраться между ними. Но мы не будемъ спѣшить. Постоимъ у подъезда, поглядимъ на эту пеструю толпу, которая теперь также торопится уйти и уѣхать изъ театра, какъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ торопилась въ театръ. Будемъ наблюдать, укутавшись въ теплыя шубы: этотъ спектакль, право, стоить того, который не разъ, можетъ-быть, возбудилъ въ васъ зѣвоту, когда вы сидѣли въ душевной театральной залѣ. А здѣсь воздухъ чистъ и грудь дышетъ свободно.

Прежде всего совѣтую вамъ ощупать карманы вашн: цѣла ли ваша трубка, платокъ, табакерка, часы, кошелекъ, бумажникъ: зѣвая не зазѣвайтесь, и не прозѣвайте. Вы приѣзжій изъ провинціи, а зоркій глазъ рыцарей безъ страха и упрека — *sans peur et sans reproche* — особеннаго рода *мануфактурныхъ* промышленниковъ, тотчасъ умѣетъ отличить тѣхъ, кто не привыкъ въ толпѣ быть постоянно на стражѣ своихъ кармановъ. Чего добраго, завтрашній-же день, проходя гостиннымъ дворомъ, вы встрѣтите какого-нибудь *юношу*, неопредѣленнаго званія и неопредѣленнаго костюма, который обратится къ вамъ съ предложеніемъ:

— Баринъ, купите трубочку: дешево продамъ.

Въ этой «трубочкѣ» вы узнаете свою театральную трубку, и, разумѣется, спросите:

— Гдѣ ты, любезный, взялъ эту трубку?

— Нашелъ на театральномъ подъѣздѣ-сь, отвѣтитъ онъ вамъ очень-вѣжливо.

Вамъ на такой отвѣтъ отвѣчать нечего; вы очень рады будете заплатить два цѣлковыхъ за ту вещь, за которую нѣсколько дней тому назадъ вы заплатили въ магазинъ *à la Toilette* — *двадцать*.

Но васъ занимаетъ картина, которую вы въ первый разъ видите передъ собою... Не правды ли, Александринскій Театръ, съ его окружными строеніями, чрезвычайно-красивъ въ общей картинѣ? Перейдемте мимо сквера черезъ улицу и станемъ лицомъ къ театру: на правой рукѣ передъ вами Императорская Публичная Библиотека, одно изъ красивѣйшихъ, изящнѣйшихъ зданій въ Петербургѣ. Простой, но благородный, величественный стиль архитектуры чрезвычайно гармонируетъ съ назначеніемъ этого зданія. Какъ оно хорошо, обливаемое серебрянымъ свѣтомъ луны!... На противоположной сторонѣ, вдаль высится Анничковъ дворецъ, съ одной стороны отъняемый каймою

деревьевъ, съ другой освѣщенный рядомъ газовыхъ фонарей. Теперь, когда вы стоите на тротуарѣ, противъ фасада Александринскаго театра, съ обѣихъ сторонъ открывается передъ вами безконечная панорама первой въ мірѣ улицы—Невскаго Проспекта. Полюбуйтесь ею! Къ Адмиральтейской сторонѣ это длинная полоса свѣту, яркаго, блестящаго, разноцвѣтнаго, то прерываемая проѣзжающими каретами, то снова протягивающаяся, какъ брилліантовая нить. На противоположной сторонѣ величественно и гордо возвышаются кони Анничковскаго моста, мастерское произведеніе Барона Кло-та, и за ними исчезаетъ во мракѣ улица, уже не облитая яркимъ свѣтомъ газа.

Прямо передъ вами свверь, или, говоря по-русски, обнесенный желѣзною рѣшеткою полусадикъ, въ зимнее время засыпанный снѣгомъ,—если только зима не такъ безснѣжна, какъ въ нынѣшнемъ году,—лѣтомъ изнедренный зеленью и цвѣтами. За этимъ полусадикомъ высится зданіе Александринскаго Театра, съ его прекраснымъ портикомъ о шести колоннахъ, и Славою, изваянною изъ бронзы, и утвержденною на фронто-нѣ. Такіе-же портики находятся съ правой и съ лѣвой стороны театра.

И вотъ то мѣсто, тотъ храмъ, гдѣ мы наслаждаемся драматическимъ искусствомъ, вотъ нашъ *русскій* театръ, наше училище нравовъ, средоточіе нашихъ возвышенныхъ забавъ и удовольствій,

Гдѣ Мельпомены бурной
Протяжный раздается вой,
Гдѣ машетъ мантией мишурной
Она предъ гладною толпой...

Сколько желаній, сколько ожиданій, сколько «сметть», говоря языкомъ «Библіотеки для Чтенія», стремятся въ этотъ «храмъ Талии и Мельпомены»!... Всѣ мы

любимъ театръ, всё мы ѣздимъ въ театръ, но—спрашивается—одна-ли у всѣхъ насъ цѣль, одна-ли у всѣхъ насъ желанія, одна-ли ожиданія? Иной ищетъ въ театрѣ *сильныхъ ощущеній* (онъ не ѣздитъ, когда на афишѣ пѣтъ имени В. А. Каратыгина); другой требуетъ смѣшнаго, забавнаго (для него пѣтъ театра безъ г-на Мартынова); третій ѣдетъ въ театръ для того, чтобы только гдѣ-нибудь провести время и убить вечеръ (ему и всякая посредственность по-плечу); четвертый—чтобъ себя показать и людей посмотреть (готовъ восхищаться всѣми и бранить всѣхъ, *c'est selon*); пятый, чтобъ увидать *кого-нибудь* (для него театръ—дѣло постороннее); шестой.... но мало-ли кто для чего и для кого ѣздитъ въ театръ? Это вовсе не наше дѣло, когда мы хотимъ наблюдать *разъѣзды изъ театра*. Взгляните только на *разъѣзжающихся* и *расходящихся* изъ театра, и вы тотчасъ увидите, хоть бы даже и не были одарены особою способностію наблюденія, *кто и для чего* шелъ въ театръ, и чего ожидалъ отъ спектакля.

Я всегда думалъ и думаю, что пѣтъ ничего труднѣе, какъ угодить на русскую публику, разумѣется, въ отношеніи къ театру: у насъ вкусы, мнѣнія, понятія, а, слѣдовательно, и требованія такъ разнородны, какъ самые слои, составляющіе театральную публику. Отъ чего одинъ приходитъ въ восторгъ, другой отъ того отворачивается съ негодованіемъ; чтò для одного чрезвычайно занимательно, то для другаго чрезвычайно скучно. Посмотрите на эту чету толстаго купца съ толстою купчихой, которая переходитъ передъ вами черезъ улицу: какъ дружно, какъ согласно зѣваютъ они! Вѣроятно, кака-нибудь бенефисная трагедія навела на нихъ такую непреодолимую зѣвоту.... А вонъ на-право идутъ по троттуару, мимо зданія Публичной Библіотеки, два дородныхъ господина, изъ которыхъ одинъ съ почтенной бородкой: посмотрите, въ какомъ они восторгѣ, какъ горячо размахиваютъ руками: вид-

во, что на нихъ произвелъ сильное впечатлѣніе трагическій актеръ, и что они порядочно еще подогрѣли свой восторгъ—въ буфетѣ. Вонъ, лѣвѣе и еще группа, въ которой видѣнъ горячій энтузіастъ театра и въ особенности трагедіи: посмотрите на его грозный видъ, на его сжатые кулаки: вѣроятно, представляетъ онъ сцену Ляпунова съ медикомъ (въ Скопницѣ-Шуйскомъ); передъ нимъ, нюхая табакъ, стоитъ смиренный господинъ, съ терпѣніемъ его выслушивающій. Награда за это терпѣніе будетъ чай или ужинъ въ какой-нибудь рестораціи; куда поведетъ его восторженный поклонникъ Мельпомены. А вотъ видите ли вы тамъ, немножко подалеже, за фонаремъ, молодой человекъ любезничаетъ съ скромною швейкой и пѣжно ласкаетъ ее за подбородокъ? Вѣроятно, остроумные куплеты и каламбуры послѣдняго водевиля, въ родѣ «Титулярныхъ Совѣтниковъ» г-на Коппа, возбуждали въ этомъ молодомъ человекѣ такія *нѣжные чувства*. Однимъ словомъ разъездъ изъ театра есть нѣкоторымъ образомъ отраженіе того, что было въ театрѣ, своего рода драма, въ которой прежніе зрители превращаются въ дѣйствующія лица и каждый играетъ избранную имъ роль — въ пьесѣ собственнаго сочиненія. Если нашъ остроумный водевилецъ П. А. Каратыгинъ умѣлъ основать преледую, премилую пьесу въ *сплэхъ театральныхъ* («Ложа перваго яруса»), то *разъездъ изъ театра* можетъ послужить еще лучшимъ сюжетомъ для водевиля. Тутъ можно найти многое, надъ чѣмъ пошмѣяться и даже—призадуматься....

ФЕЛЬЕТОНЪ.

15-го января.

Что такое «Фельетонъ»?

«Фельетонъ»—собственно значить *листокъ*. Во французскихъ газетахъ называется такъ нижняя часть (подъ чертой) газеты, гдѣ помѣщаются разборы театральныя пьесъ, обзорныя библиографическія, мелкія статьи, смѣсь, всякая всячина, повѣсти, наконецъ, въ новѣйшее время, цѣлые романы, въ нѣсколько томовъ. Это, по-видимому, не есть существенная часть газеты,—это балластъ ея; но безъ балласта корабль не можетъ идти прямо и ровно. Въ наше время «фельетонъ» во французскихъ газетахъ играетъ такую важную роль, что на него устремлено главное и исключительное вниманіе издателей ихъ: не жалуютъ никакихъ издержекъ, чтобы завербовать въ фельетонисты къ себѣ лучшихъ писателей, извѣстнѣйшихъ критиковъ и разсказчиковъ: Дюма, Бальзакъ, Сю, Жаненъ, и многія другія парижскія знаменитости поселились въ «фельетонахъ» лучшихъ французскихъ газетъ и дѣятельно въ нихъ подвизаются.

Изъ газетъ «фельетонъ» перешелъ въ журналы, съ нѣкоторыми измѣненіями и подъ другимъ названіемъ. Въ журнальныхъ «фельетонахъ» повѣстей, разсказовъ и т. п. не помѣщается; но небольшіе разборы театральныя пьесъ, извѣстія о новѣйшихъ книгахъ, художественныя и другія новости—все это входитъ въ одну общую статью, подъ названіемъ «*Revue de la semaine*», «*Chronique de la quinzaine*», и т. п.

Что-же такое долженъ быть *фельетонъ* «Репертуара и Пантеона»? Разумѣется тоже, что и всѣ фельетоны въ мірѣ: *листокъ* или нѣсколько *листочковъ*, въ которыхъ будетъ разсказываться обо всѣхъ новостяхъ, касающихся до театра—въ обширномъ значеніи слова. Заботливый издатель «Репертуара и Пантеона» предложилъ мнѣ писать *ежемесячно* «фельетоны» для этого изданія. *Ежемесячно* «фельетонъ» подумалъ я, по

вѣдь бываютъ мѣсяцы, въ которые собственно о театрѣ, т. е. о новыхъ пьесахъ сказать нечего, по весьма-простой причинѣ: въ эти мѣсяцы вовсе не бываетъ спектаклей. Чѣмъ-же тогда буду наполнять я «фельетонъ»?—Чѣмъ?—Да развѣ кромѣ спектаклей не бываетъ никакихъ зрѣлищъ, публичныхъ увеселеній, забавъ общественныхъ? А маскарады, балы, собранія, концерты,—все то, однимъ словомъ, что занимаетъ образованную публику, гдѣ она выказываетъ свой вкусъ къ изящному, о чемъ она говоритъ, толкуетъ, судитъ, рѣдить—развѣ все это не можетъ быть предметомъ ежемѣсячныхъ нашихъ обзорѣній, нашего «фельетона»? Развѣ это не интересно для иногороднаго отдаленнаго читателя? Развѣ не пріятно ему знать, чѣмъ занимается столичная публика, гдѣ она проводитъ свои вечера, въ чемъ выказывается ея вкусъ, въ какихъ явленіяхъ выражается общественная жизнь столицы? Развѣ вы, мой почтенной читатель, въ былые годы посѣщавшій нашу прекрасную сѣверную столицу, и веселившійся въ ней по-старинѣ, не полюбозпытствуете узнать, какъ мы веселимся въ наше время? и не пріятно-ли вамъ будетъ вспомнить о быломъ, читая про настоящее? А вы, милая, прелестная читательница наша, роскошный цвѣтокъ, скромно распускающійся въ провинціальной глуши, вы, неужели не удѣлите намъ нѣсколько минутъ вашего вниманія, и, читая хронику петербургскихъ увеселеній, не помечтаете о томъ обществѣ, котораго-бы вы, можетъ составили украшеніе, о тѣхъ модныхъ нарядахъ, которые еще болѣе возвысили-бывающу природную красоту? Видите-ли, мы и въ этомъ отношеніи не хотимъ заслужить отъ васъ нарѣканіе: вы вѣрно знаете, что театрѣ служи:тъ въ столицѣ образцомъ вкуса, въ отношеніи къ современнымъ костюмамъ. Первые моды появляются на сценѣ, на артистахъ и артисткахъ, руководствующихся въ этомъ отношеніи не только прихотью времени, но и законами изящнаго вкуса; а при-томъ вѣдь въ театрѣ ѣздить не только посмотрѣтъ, но и себя показать; для фельетониста по-этому въ театральномъ залѣ есть два предмета для наблюденій—сцена и сами зрители. Но не думайте также, чтобы, извѣщая васъ о самыхъ рѣзкихъ измѣненіяхъ современнаго костюма, мы имѣли въ виду намѣреніе разсуждать съ вами о подробностяхъ моднаго туалета, и подойти въ этомъ отношеніи подъ уровень модныхъ или даже «учено-литературныхъ» журналовъ, толкующихъ въ одно и тоже время объ уваживаніи поля и о современныхъ модахъ. Нѣтъ, наша цѣль единственная, исключительная—театръ, и мы только для театра хотимъ

быть полезными. Сколько разъ въ жизни случилось намъ самимъ видѣть, и еще болѣе читать о странныхъ отступленіяхъ въ костюмѣ отъ современнаго вкуса, вообще господствующихъ на провинціальныхъ театрахъ! Не обязанность-ли наша — указать провинціальному актеру или актрисѣ, какъ они должны быть одѣты, напримѣръ, являясь на знатный балъ, въ маскарадъ, на прогулку, разумѣется, въ занимасмыхъ ими роляхъ? И неприятно ли даже и вамъ узнать, какъ была одѣта въ роли знатной барыни, или модной дамы, миловидная г-жа *Александръ Майеръ*, очаровательная г-жа *Алланъ*, и т. п.?

И такъ нѣсколько словъ въ мѣсяцъ о современномъ костюмѣ и его характеристическихъ измѣненіяхъ, вѣрно, не будутъ признаны лишними въ изданіи, посвященномъ театру. И мы кстати пользуемся теперь случаемъ, чтобы указать нашимъ иногороднымъ читателямъ, и, преимущественно сценическимъ артистамъ, на прекрасное изданіе, которое можетъ служить для нихъ вѣрнымъ зеркаломъ современнаго костюма, съ которымъ онѣ могутъ смѣло совѣтоваться, выѣзжая въ театръ или выходя на сцену: мы говоримъ о «Листкѣ для свѣтскихъ людей», * въ которомъ картинки современныхъ костюмовъ рисуются бойкимъ карандашомъ талантливаго Тимма, нашего русскаго *Гаварни*.

Но простите за это невольное отступленіе, которое мы сочли необходимымъ, чтобы пояснить вамъ планъ и предѣлы нашего «фельетона». Главнымъ предметомъ его будетъ живая хроника всѣхъ новыхъ драматическихъ произведеній, играемыхъ на петербургской сценѣ: мы станемъ излагать ихъ содержаніе въ тѣхъ случаяхъ, когда пѣса не будетъ помѣщена въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ»; о другихъ мы будемъ говорить кратко, съ замѣчаніями о сценическомъ ихъ исполненіи. Пѣсы-же особенно замѣчательныя, такія, которыя выходятъ изъ-подъ уровня обыкновенныхъ сценическихъ явленій, будутъ разбираемы въ нашемъ изданіи подробно, не въ тѣсныхъ рамкахъ летучаго «фельетона», но въ особомъ отдѣленіи «Театральной критики». — Съ этой цѣлю, мы нарочно сдѣлали «фельетонъ» послѣднею и особенною статьею нашего изданія, что-бы летучія новости петербургской сцены были какъ можно свѣжѣе и полнѣе.

И такъ приступаемъ къ главному предмету «фельетона», къ

* Подписка на это изданіе принимается въ книжномъ магазинѣ А. А. Ольхиной. Цѣна за годовое изданіе 7 р. 15 коп. сер. съ пересылкою 8 р. 65.

разбору новѣйшихъ пьесъ, появившихся въ теченіе первой половины января мѣсяца на петербургской сценѣ.

Замедленіе нашей книжки, по причинамъ, которыя будутъ объяснены ниже, даетъ намъ возможность сообщить извѣстія о самыхъ послѣднихъ театральныхъ новостяхъ.

— Скупой, ком. Мольера, въ 5 д., переводъ В. Ш. О.

До сего времени, «Скупой» Мольера составлялъ, можно сказать, исключительную принадлежность московскаго театра, гдѣ, благодаря таланту неподражаемаго Щепкина, онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ постоянно держался на репертуарѣ. И дѣйствительно, не-смотря на свою наружность, такъ рѣзко противорѣчащую съ сухою, тощею, изможденною фигурою скупца, Щепкинъ въ этой роли былъ превосходенъ.

На Московской сценѣ, «Скупой» Мольера дается въ переводѣ С. Т. Аксакова; переводъ въ свое время довольно-хорошій, теперь уже много устарѣлъ, и потому нельзя не сказать спасибо новому переводчику, который далъ возможность г. Мартынову выказать свое дарованіе въ совершенномъ новомъ для него родѣ.

Мы всегда глубоко уважали талантъ нашего молодого комика и жалѣли только о томъ, что талантъ этотъ, истрачиваясь на мелочи, на бенефисные фарсы, рѣдко, рѣдко имѣлъ случай выказать вполне свою блестящую сторону.

И вотъ теперь г. Мартыновъ явился въ роли *Скупца*. Мольеровскія роли вообще весьма-трудны для артиста нашего времени; *Скупой* едва-ли не труднѣе всѣхъ. Одна страсть, отвлеченная отъ всѣхъ другихъ страстей человѣческихъ, чуждая людскихъ интересовъ, живущая только золотомъ и для золота; глубокая, сосредоточенная лишь въ самой себѣ, пожирающая натуру, гложущая сердце, высасывающая кровь, эта страсть, олицетворенная въ артистѣ, — сколько требуетъ она искусства, наблюденія, психологическаго изученія! Г-нъ Мартыновъ понялъ всю трудность этой роли; но за то онъ и работалъ надъ нею много и усердно: это замѣтно въ каждой сценѣ, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи его. Пока мы ничего не скажемъ болѣе объ исполненіи имъ роли *Скупца*: въ скоромъ времени будемъ имѣть необходимость обратиться къ Мольеру и къ г-ну Мартынову въ-особенности: тогда о томъ и о другомъ поговоримъ подробнѣе.

— Братья Куницы или игра счастья. Драма въ 5-ти д., въ стихахъ, перелѣпанная съ нѣмецкаго Ш. Г. Ободовскимъ.

— Драма эта на сценѣ не имѣла того успѣха, какого можно было ожидать, судя о ней въ чтеніи: читая ее, не можешь оторваться до самаго конца. П. Г. Ободовскій, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ драматическихъ писателей русскихъ, исполнилъ дѣло переводчика, какъ нельзя лучше. Благодаря обязанности издателя «Репертуара и Пантеона», мы прочли эту драму въ *корректурныхъ листахъ*: она будетъ напечатана во второй книжкѣ изданія, для котораго обязались мы писать «Фельетонъ», а потому говорить о содержаніи ея мы не имѣемъ права. Предоставляемъ другимъ судить о томъ, почему многіе піесы, въ высшей степени занимательныя по своему содержанію, имѣющія неотъемлемыя достоинства литературныя, прекрасно переведенныя, холодно принимаются на русской сценѣ... Мы заранѣе поздравляемъ «Репертуаръ и Пантеонъ», также какъ и читателей этого изданія, съ приобретеніемъ драмы, какихъ немного бываетъ на нашихъ театрахъ.

— Рубенсъ въ Мадридѣ, драма въ 4 д., перев. съ нѣмецкаго:—Первая Глава или конецъ вѣнчаетъ дѣло, комедія въ 1-мъ д., перев. съ французскаго.—Заколдованная личность или глазъ видитъ, да зубъ неиметь, водевилъ въ 1-мъ д. (*Бенефисъ В. А. Каратыгина*).

Драма «Рубенсъ въ Мадридѣ» имѣла замѣчательный успѣхъ на нашей нѣмецкой сценѣ, въ бытность въ Петербургѣ даровитаго германскаго артиста Эмиля Девриента. Драма эта переведена очень-хорошими стихами на русскій языкъ. Главную въ ней роль (Рубенса) превосходно исполнилъ В. А. Каратыгинъ, а между-тѣмъ все-таки на русской сценѣ она большаго успѣха не имѣла. Предоставляемъ читателямъ судить о занимательности ея по краткому содержанію, которое мы здѣсь предлагаемъ. При дворѣ Испанскаго Короля Филиппа IV находится Фламандскій живописецъ Рубенсъ. Милости Двора, уваженіе народа, породили въ нѣкоторыхъ царедворцахъ зависть къ Рубенсу. Между ними нѣкто Донъ-Эрико, грандъ испанскій, обладающій прелестной женой Доной-Еленой (въ которую влюбленъ Рубенсъ) болѣе другихъ питаетъ противъ него злобу. Изыскивая всѣ средства, какъ-бы затмить славу Рубенса и уничтожить довѣренность Короля къ этому художнику, Донъ-Эрико придумалъ послать нарочно въ Гагу одного изъ придворныхъ, Дона-Гарціа, для того, чтобы пригласить учителя Рубенсова, *Фанс-Орта* — снять портретъ съ прелестной Доны-Елены.

Рубенсъ, узнавъ объ этомъ приглашеніи, и видя, что чрезъ

такое средство онъ лишаетъ не только возможности видѣться съ Донной-Еленой, но и счастья имѣть портретъ ея, употребляетъ слѣдующую хитрость: въ слѣдъ за посланнымъ Дона-Эрико, отправляетъ онъ одного изъ своихъ учениковъ, съ просьбою, чтобы Фанъ-Ортъ отказался отъ предложенія испанскаго вельможи. Но зная съ тѣмъ вмѣстѣ, что учитель его корыстолюбивъ, онъ обѣщаетъ заплатить ему вдвое противъ той суммы, которая назначена Дономъ-Эрикомъ. Фанъ-Ортъ, пользуясь благоприятнымъ для него случаемъ, не соглашается взять менѣе пятнадцати тысячъ червонцевъ. Что дѣлать? У Рубенса есть только десять тысячъ. Но гдѣ взять еще пять?

Счастье Рубенсу благоприятствуетъ. Королевѣ понравилась одна изъ картинъ его. Донъ-Эрико, желая прислужиться Ея Величеству, и вмѣстѣ съ этими показать, что деньги для Рубенса выше всего на свѣтѣ, приходитъ неожиданно въ мастерскую Рубенса покупать эту картину.

Рубенсъ догадывается о намѣреніи Донъ-Эрико и проситъ за нее 5000 черв. т. е. ту сумму, которая нужна ему. Дѣло слажено: Рубенсъ получаетъ деньги и отправляетъ ихъ немедленно къ Фанъ-Орту. Между-тѣмъ Донъ-Эрико, не подозревая ничего, ждетъ съ нетерпѣніемъ Фанъ-Орта и предупреждаетъ жену свою, чтобы она была готова принять учителя Рубенса. Донна-Елена, не желая, чтобы портретъ ея былъ писанъ кѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ Рубенса, никакъ не соглашается на просьбы мужа. Донъ-Эрико упрекаетъ жену съ своей стороны въ непослушаніи и грозитъ ей тѣмъ, что онъ убьетъ какого-то таинственнаго вздыхателя, который, съ нѣкотораго времени, часто поетъ подъ ея окнами нѣжныя серенады. Угроза эта производитъ свое дѣйствіе: Елена знаетъ, что пѣвецъ, о которомъ говоритъ мужъ, есть никто иной, какъ самъ Рубенсъ. Но женщины находчивы: чтобы отклонить всякое подозрѣніе, она покоряется волѣ супруга—*только для того, чтобы спасти его отъ преступленія....*

Наконецъ докладываютъ ей о пріѣздѣ жданаго гостя. Является старикъ, брюзга, стучитъ палкой и кричитъ, что когда его вышисали, такъ должны во всемъ покоряться его капризамъ. Прежде всего онъ требуетъ, чтобы Елена была одѣта въ греческую тунику; потомъ, чтобы ему никто не мѣшалъ во время сеансовъ. Требованія живописца исполняются въ точности. Между разговоровъ, онъ касается чувства любви, и говоритъ, что у него, несмотря на старость, сердце еще полно жизни и восторга. Слова эти ужасаютъ

Елену: она угадываетъ, что этотъ старикъ есть не кто иной, какъ самъ Рубенсъ. Но Донъ-Эрико въ восторгѣ отъ старика: онъ предлагаетъ ему комнаты въ своемъ домѣ и проситъ, чтобы портретъ былъ начатъ немедленно. Рубенсу только того и хотѣлось. Сеансы начались.

Въ одинъ изъ нихъ, когда Довна-Елена, съ разнузданными волосами, въ бѣлой, легкой греческой одеждѣ, небрежно сидитъ на диванѣ, когда Донъ-Эрико, любуясь ея портретомъ, воображаетъ, что произведеніе *Фанъ-Орта* нанесетъ смертельный ударъ славы Рубенса, вдругъ присылають изъ дворца: Король немедленно требуетъ Дона-Эрико къ себѣ. Елена, видя, что ей должно остаться на-единѣ съ Рубенсомъ, умоляетъ мужа позволить удалиться и ей; Донъ-Эрико рѣшительно требуетъ противнаго. Наступаетъ минута блаженства для художника: Рубенсъ бросаетъ кисть и палитру, какъ будто желая поправить волосы Довны-Елены, и съ нѣжной страстію касается ея головки, схватываетъ ея руку, говоритъ ей рѣчи любви, пылкой и страстной. Елена какъ-будто не узнаетъ его, проситъ продолжать работу.... Рубенсъ, снова взявшись за кисть, говоритъ съ отчаяніемъ: «Нѣтъ, она меня не узнаетъ.» Въ это время вдругъ является посланный: *Фанъ-Орта* требуютъ во дворецъ. Маска спала... Елена бросается къ Рубенсу на шею, умоляетъ его спастись. Рубенсъ, забывая все на свѣтѣ, пламенно прижимаетъ ее къ груди, и клянется ей, что онъ лучше лишится жизни, чѣмъ нанести пятно ея доброму имени. Счастливый вполнѣ, онъ послѣшнѣно отправляется во дворецъ. — Вскорѣ за тѣмъ приходитъ Донъ-Эрико и съ грустію объявляетъ, что Король не обратилъ никакого вниманія на учителя Рубенса.

Между-тѣмъ Донъ-Гарція, который былъ отправленъ къ *Фанъ-Орту*, возвращается. Тайна Рубенса открыта. Можетъ представить себѣ все бѣшенство Дона-Эрико!... Рубенсъ, чрезвычайно-довольный и веселый, возвращается доканчивать портретъ Довны-Елены. Донъ-Эрико какъ левъ бросается на него и приказываетъ прислугѣ схватить его, какъ преступника. Рубенсъ, видя, что хитрость его открыта, выхватываетъ изъ-подъ полы шпагу и угрожаетъ смертію первому, кто осмѣлится къ нему подступиться. Слуги въ ужасѣ стоятъ неподвижны. Художникъ схватываетъ портретъ и, защищаясь шпагой, послѣшнѣно удаляется изъ комнаты. Оскорбленный Донъ-Эрико приносить жалобу Королю, и проситъ, чтобы Рубенсъ былъ наказанъ, а портретъ Елены возвращенъ ему.

Король, умѣющій цѣнить геній Рубенса, рѣшается простить его, съ тѣмъ только, чтобы портретъ отданъ былъ Дону-Энрико.

Это повелѣніе Короля объявляетъ Рубенсу самъ оскорбленный супругъ, пришедшій въ его мастерскую. Рубенсъ упорствуетъ; но зная, что за послушаніе воли королевской его ждетъ казнь, онъ пишетъ духовное завѣщаніе, въ которомъ проситъ какъ милости, чтобы этотъ портретъ былъ положенъ вмѣстѣ съ нимъ, въ его могилу. Донъ-Энрико, видя упорство Рубенса, извѣщаетъ о томъ Королеву. Великодушная государыня, желая спасти художника, посылаетъ къ нему самую Елену. Противъ такой повелительницы, Рубенсъ устоять не можетъ: съ грустію отдаетъ онъ ей драгоценный портретъ. Въ слѣдъ за тѣмъ является въ мастерскую художника сама Королева, въ сопровожденіи всей свиты. Между прочими картинами, написанными въ то время Рубенсомъ, одна изображала *страшный судъ*; объ этой картицѣ говорили въ Мадритѣ, что будто-бы на ней, въ группѣ грѣшниковъ, были помѣщены изображенія придворныхъ. Королева, желая удостовѣриться въ справедливости этой молвы, проситъ Рубенса показать ей картину. Воля ей исполнена, и Королева не находитъ ни одного лица, похожаго на кого-нибудь изъ придворныхъ: одинъ только ликъ ангела поражаетъ ее. Этотъ ангель-живой портретъ самой Королевы, спасающей Рубенса... Тронутая до глубины души такимъ поступкомъ художника, Королева Изабелла прощаетъ его и на новую просьбу Дона-Энрико, требующаго, чтобы ему возвращенъ былъ портретъ Елены, отвѣчаетъ торжественно, что этотъ портретъ у него уже дома и отданъ тому, кому Рубенсъ ни въ чемъ отказать не въ силахъ...

Повторяю, драма эта исполнена занимательности, отъ начала до конца; много въ ней сценъ сильныхъ, эффектныхъ; переведена она прекрасными, звучными стихами, но не-смотря на все это успѣхъ ея былъ весьма-посредственный.

Комедія «Первая Глава», съ величайшимъ успѣхомъ игранная и безпрестанно играемая на нашей французской сценѣ, на русской не имѣла никакого успѣха; вся прелесть этой комедіи заключается въ милой, остроумной болтовнѣ, которую очень-трудно передать на русскомъ языкѣ, весьма мало выглаженномъ для легкой бесѣды; не вините слишкомъ и артистовъ, если они въ такихъ комедіяхъ не могутъ правиться вамъ такъ, какъ правятся артисты французскіе: они не на своемъ мѣстѣ, не въ своихъ правахъ, не въ своей та-

резкѣ, однимъ-словомъ. Наша единственная А. М. Каратыгина составляетъ исключеніе изъ общаго правила; но *ла-сточка весны не дѣлаетъ*, говоритъ французская пословица.

Прочитавъ въ оригиналѣ водевилъ «Заколдованная Яичница» (*L'omelette fantastique*), мы готовы были биться объ закладъ, что пьеса эта будетъ имѣть большой успѣхъ на нашей сценѣ; вышло совершенно напротивъ. Просимъ послѣ этого выбирать въ «Репертуаръ и Пантеонъ» иностранныя пьесы для перевода! Впрочемъ мы все-таки увѣрены, что водевилъ этотъ въ чтеніи доставитъ и другимъ точно такое же удовольствіе, какое доставилъ намъ, * и даже на сценѣ онъ можетъ имѣть гораздо большій успѣхъ при другой обстановкѣ: г. Мартыновъ, занимавшій роль *Котильяра*, былъ рѣшительно не на своемъ мѣстѣ; эта роль должна быть сыграна г-мъ Максимовымъ.

Вотъ вамъ пока и всѣ театральныя новости Петербурга. Носятся слухи, что въ скоромъ времени представлена будетъ новая драма *И. А. Полеваго* «М. В. Ломоносовъ», что заботливая Дирекція Императорскихъ театровъ готовить къ постановкѣ «Эсмеральду» оперу г-на *Дорогомыжскаго* и «Корсара» оперу г-на *Струйскаго*; и что наконецъ, въ непродолжительномъ времени появится на нашей сценѣ знаменитая Парижская танцовщица, г-жа *Гранг*, славящаяся своей красотой и талантомъ....

Балы и маскарады въ настоящее время въ Петербургѣ не прерываются. Изъ публичныхъ баловъ веселѣе всѣхъ, говорятъ, балы Клуба Соединеннаго Общества; охотно этому вѣримъ, зная, какъ прекрасно этотъ новый Клубъ устроенъ, и какой превосходный заведенъ въ немъ порядокъ.

Въ томъ самомъ домѣ, гдѣ помѣщается этотъ Клубъ, въ филармонической залѣ г-жи Энгельгардтъ, даютъ свои оригинальные концерты недавно-приѣхавшіе изъ Москвы цыгане. Публика съ величайшимъ удовольствіемъ посѣщаетъ эти концерты, состоящіе изъ русскихъ и цыганскихъ пѣсенъ, съ плясками. Дикое, энергическое пѣніе, и этотъ крикъ, и эти буйныя вопли и завыванія, и огневныя пляски, съ стукомъ и грохотомъ, все какъ-то выходитъ изъ обыкновенныхъ размѣренныхъ предѣловъ жизни, и увлекаетъ своею новостію и оригинальнію. Кстати, приведемъ здѣсь стихи

* Водевилъ этотъ будетъ напечатанъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Репертуара и Пантеона».

нашего милого поэта В. Г. Бенедиктова, чрезвычайно-вѣрно и удачно схватившаго характеристику цыганскихъ пѣсень и плясокъ.

«Хоръ готовъ. Вожатый ярый
Вышелъ; волю далъ плечу:
Заиграло; вспыхнулъ, старый!..
Сталь, моргнулъ, качнулъ гитарой,
Тоннулъ, брякнулъ; — тише! чу!

Груша поеть: голосокъ уопительный
Тонкой серебряной нитью дрожить.
Какъ замираетъ онъ въ нѣгѣ мучительно!...

Чу! — Громъ! — Буря шумить.
Грянулъ хоръ; сверкнули брызги
Отъ каскада голосовъ.
Пламя молній! Вѣтра взвизги!
Моря вой и шумъ лѣсовъ!
Градъ ударовъ звонкой сѣчи!
Перекрестная гроза!
Огнь изъ усть! Изъ глазъ картечи!
Пышутъ груди; ноютъ плечи:
Рышутъ дикіе глаза.

Вотъ запѣваетъ *Любовь* — чародѣйка:
Звонкій напѣвъ ея душу сквозить,
Ластится къ сердцу и сладко язвить.
Льется, какъ струйка, и вѣтся, какъ змѣйка...

Чу! — Свистъ! — Вопль! — Пожаръ трескучій!
Гармоническая брань! —
То разинулъ хоръ гремучій
Полну бѣшеныхъ созвучій
Раскаленную гортань! =

Вотъ разгульный кликъ несется
«Мы живемъ среди полей!»
Весь въ огнѣ *Илья* трясется,
Размахнется, развернется:
«Живо! Веселѣй!

А вотъ — «Въ темномъ лѣсѣ» — *Матрена* колотить,
Колотить, молотить, кипятить и дробить,
Кипитъ и колотитъ, дрожитъ и молотитъ, —
И вотъ — поднялась, и взвилась, и дрожить...

Врозь руками размахнула —
Хочетъ цѣлый міръ обнять.
Вотъ плыветъ... скользитъ... вздрогнула,

Кости старья трахнула,
 Повернулась—да опять!
 Чудо—вѣдьма ты, злодѣйка!
 Виѣ себя Плья стучить,
 Рвется, свищеть и кричить:
 «Жизнь для насъ—копѣйка!»

И подивитесь: этой *Матрель*, которая *колотитъ, молотитъ, кипитъ и дробитъ*, уже *пятьдесятъ лѣтъ*, а Плья, который *весь въ оныя трясется*, болѣе *шестьдесятъ!* Какая богатая натура, какой неисчерпаемый огонь!...

—

Говоря о цыганахъ, мы вспомнили о другомъ забавникѣ, можетъ-быть ихъ соплеменникѣ, который въ послѣднее время привлекалъ многочисленныхъ посѣтителей въ *Дитскій Театръ*, и возбуждалъ всеобщее удивленіе. Мы говоримъ объ Индѣйцѣ *Медуа Самме*, который на дняхъ давалъ свое послѣднее представленіе. Мы слышали, что онъ останется еще въ Петербургѣ до поста, и будетъ давать представленіе въ Театрѣ. Этотъ человекъ чрезвычайно-замѣчательнъ. Жизнь его можетъ послужить предметомъ романа и даже драмы. Вотъ что пишетъ объ этомъ Индѣйцѣ въ своихъ запискахъ знаменитый путешественникъ К. Мармье (См. *Revue des deux Mondes*, 1842, 1 décembre):

«Я встрѣтилъ на пароходѣ (отправлявшемся изъ Стокгольма въ Финляндію) человека со взоромъ пламеннымъ, съ лицомъ, почти также чернымъ, какъ лицо негра, въ длинномъ, страннаго покроя платьѣ, въ черномъ мериновомомъ тюрбанѣ. Человекъ этотъ родился въ Мадрасѣ. Ремесло его—держать въ равновѣсіи на концѣ своего носа мѣдныя кольца и глотать полосы стали. Не знаю гдѣ, въ Азіи или въ Европѣ, научился онъ этому искусству, которое исполняетъ, какъ говорятъ, съ дивнымъ совершенствомъ. Есть люди, жизнь которыхъ представляетъ собою горькую пародію. Взгляните на-примѣръ на мужественную, воинственную фигуру этого человека, и вы скажете, что онъ именно созданъ для того, что-бы съ мечемъ въ рукѣ стоять въ главѣ какого-нибудь воинственнаго индѣйскаго племени... и что-же? человекъ этотъ, въ извѣстные часы дня или вечера, снисходительно забавляетъ собою публику!... Въ жаркихъ странахъ Востока онъ сдѣлался-бы, можетъ-быть, однимъ изъ тѣхъ знаменитыхъ удалцовъ, имена которыхъ повторяются въ народныхъ преданіяхъ.

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, искусникъ этотъ, бродя изъ

города въ городъ, остановился въ Стокгольмѣ. Однажды зашелъ онъ за какою-то покушкою въ лавку; съ него запросили непомерную цѣну. Находившаяся тамъ случайно молодая дѣвушка, услышавъ это, сказала продавцу: «Какъ вамъ не стыдно? вы видите, что это иностранецъ и хотите взять съ него вдвое дороже за ту же самую вещь, которую я сей часъ у васъ купила». Сказавъ это, дѣвушка вышла; фокусникъ, понявшій ея великодушную защиту, съ благодарностію въ сердцѣ послѣдовалъ за нею, познакомился съ ея семействомъ и знакомство это кончилось наконецъ тѣмъ, что онъ предложилъ ей руку. Дѣвушка, дочь бѣднаго шведскаго пастора, приняла предложеніе Индѣйца, но требовала, чтобы онъ перешелъ въ Христіанскую вѣру: фокусникъ согласился. Почтенный Епископъ Францъ принялъ на себя обязанность наставить этого послѣдователя Браммы въ законѣ Евангелія. Все шло прекрасно до самой той минуты, когда наставникъ сталъ изяснять ученику, что онъ долженъ прощать врагамъ своимъ.—Нѣтъ! это уже слишкомъ! вскричалъ пламенный уроженецъ Востока: какъ хотите вы, чтобы я прощалъ врагамъ моимъ, когда предки мои, умирая, завѣщали мнѣ наслѣдственную месть пятерымъ кровнымъ врагамъ нашимъ?» Кроткія убѣжденія пастыря и еще убѣдительнѣйшія слова невѣсты заставили пылаго Азіатца побѣдить это послѣднее препятствіе, и вотъ онъ съ благочестивымъ убѣжденіемъ въ сердцѣ произноситъ божественныя слова: «И остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ».

«Теперь поклонникъ Браммы и дочь шведскаго пастора ходятъ рука объ руку и въ величайшемъ согласіи по тернистому пути жизни. Молодая бѣлокурая шведка обожаетъ своего смуглага супруга и съ удивленіемъ смотритъ на его ловкость и искусство. Однажды кто-то сказалъ ей: Какъ могли вы рѣшиться выдти за негра? — Отвистите у него цвѣтъ лица его, отвѣчала она, и посмотрите, какъ онъ прекрасенъ!... Что касается до него, онъ, съ своей стороны, питаетъ къ женѣ трогательную привязанность и такъ-сказать родъ какого-то благоговѣйнаго почтенія. Но почему-же на лицѣ его замѣтно выраженіе какой-то мрачной печали? Можетъ-быть, онъ невольно, среди холоднаго сѣвера, сожалеетъ о солнцѣ и величинѣ странъ Востока....»

Ко всѣмъ этимъ подробностямъ можемъ прибавить еще слѣдующее: Медва Самме отправился въ Европу вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ Мутти Самме, знаменитѣйшимъ жонглеромъ въ Индіи. Будучи еще очень-молоды, Медва

прислуживалъ при представленіяхъ своего брата, акомпанируя на индійскихъ цимбалахъ. Теперь онъ славенъ не менѣе Мути, удалившагося въ Италію наслаждаться плодами трудовъ своихъ. Въ Неаполѣ Медиа, по милости одной неудачной спекуляціи, или, лучше сказать, западни, разставленной его простодушію, потерялъ большую часть своего состоянія. Теперь, не имѣя соперниковъ въ своемъ искусствѣ, онъ хочетъ снова объѣхать Европу; супруга его, рѣшившаяся сопровождать его въ этомъ путешествіи, скоро придетъ изъ Стокгольма въ Петербургъ. Обращеніе Медиа Самме въ христіанскую вѣру было вполнѣ искреннее, и сопровождалось трогательною и величественною церемоніею крещенія въ Стокгольмѣ. Воспріимникомъ новообращеннаго былъ послѣдній Принцъ Шведскаго Престола Оскаръ. Любопытно хоть разъ взглянуть на этого кроткаго, великодушнаго человѣка, замѣчательнаго не только своею необыкновенною ловкостію, неизъяснимо-быстрыми и вмѣстѣ математически-точными движеніями, но и живописностію своихъ оригинальныхъ, граціозныхъ позъ, и въ особенности олушевленіемъ своею мужественною и прекрасною фізіономію.

Но мы слишкомъ заговорились въ нашемъ «фельетонѣ», и чуть не забыли исполнить порученіе издателя «Репертуара и Пантеона», который проситъ насъ передать читателямъ своимъ слѣдующее: первая книжка «Репертуара и Пантеона» выходитъ позднѣе назначеннаго срока; причиною тому—огромнаго размѣра картина (*Развѣздъ изъ театра*), которою издатель рѣшился подарить своимъ подписчиковъ. Редакція «Репертуара и Пантеона» обѣщала выдать прошлогоднимъ подписчикамъ своимъ четыре картины, а нынѣшнимъ—двѣнадцать, и притомъ гравированныхъ въ Парижѣ. Извѣдавъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изданія, на опытъ, какъ трудно изготовить въ Петербургѣ хорошую литографію или гравюру, издатель «Репертуара и Пантеона» (П. П. Песоцкій, *) нарочно предпринялъ, въ прошедшемъ году, по-

*) Книгопродавецъ Поляковъ въ этомъ изданіи уже не участвуетъ. XI-я и XII-я книжки «Пантеона» за 1841-й годъ недоданныя, нисколько не должны быть поставлены въ вину теперешняго единственнаго издателя «Репертуара и Пантеона» г-на Песоцкаго, который, какъ издатель «Репертуара» ничего не имѣлъ общаго съ издателемъ «Пантеона» въ 1841-мъ году, также какъ и въ нынѣшнемъ.

ѣзду въ Парижъ, чтобы войти въ сношенія съ тамошними художниками. Онъ заказалъ четыре картины для «Репертуара и Пантеона» прошедшаго года, и двѣнадцать для нынѣшняго. Въ концѣ прошедшаго года получено *черезъ почту* нѣсколько картинъ, но въ такомъ маломъ количествѣ экземпляровъ, что ихъ недостаточно на удовлетвореніе *десятой* части подписчиковъ «Репертуара и Пантеона;» а потому издатель рѣшился приостановить раздачу картинъ, какъ за прошлый, такъ и за нынѣшній годъ, до мая мѣсяца, т. е. до открытія навигаціи, когда картины могутъ быть доставлены въ полномъ числѣ экземпляровъ. Картины эти будутъ состоять изъ портретовъ, русскихъ и иностранныхъ артистовъ, карриатуръ, сценъ изъ любимыхъ драматическихъ русскихъ произведеній (Горя отъ ума, Ревизора, Скопина-Шуйскаго, Параша—Сибирячки, Ложы 1-го яруса и пр. и пр.) А между тѣмъ, чтобы сколько-нибудь загладить свою невольную и неумышленную неисправность передъ публикою, онъ рѣшился, не въ-счетъ обѣщанныхъ двѣнадцати картинъ, выдать при первой книжкѣ картину, совершенно въ новомъ родѣ, на большомъ листѣ, изображающую развѣздъ *изъ Александрийскаго Театра*. Картина эта, состоящая изъ множества фигуръ, въ разнообразныхъ положеніяхъ, съ вѣрнымъ изображеніемъ мѣстности Александрийскаго Театра, нарисована молодымъ художникомъ г-мъ Жуковскимъ и печатается въ литографіи г-на Тюлева. Г-нъ Тюлевъ отличный литографъ, занимающійся дѣломъ своимъ съ любовію художника, узнавъ, что издатель «Репертуара и Пантеона» заказалъ картины для своего изданія въ Парижѣ, рѣшился, изъ благородной гордости художника, показать, что и въ Петербургѣ можно хорошо сдѣлать, и потому самымъ тщательнымъ образомъ занялся изготовленіемъ картины. А чтобы сдѣлать картину хорошо, прежде всего не должно торопиться и давать камню, послѣ нѣсколькихъ десятковъ оттисковъ, *отдыхать*, говоря техническимъ словомъ литографовъ; при такомъ условіи всѣ экземпляры могутъ быть одинаково хороши, послѣдній — какъ первый. Вотъ почему издатель «Репертуара и Пантеона» рѣшился выпустить первую книжку лучше въ половинѣ мѣсяца, нежели поспѣшить и тѣмъ испортить дѣло. Вторая книжка *непрерывно* выйдетъ 1-го февраля.

В. МЕЖЕВИЧЪ.

А Ф И Ш А.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТЕАТРЫ.

1842. Декабрь.	На ка- комъ театрѣ.	СПЕКТАКЛИ.	Послѣ- дств. театр.	Каретъ.	Пролыхъ экипажей.
1	Вторн.	Больш. Руславъ и Людмила, оп. Алекс. Прародительница, романт. предст.; Два поря, ком. оп.	945 325	100 9	30
2	Среда.	Мих. Emery, drame; Le maître d'école, vaud. Алекс. Солиманъ II, ком.; Дѣловой чело- вѣкъ, ком.; Дезертиръ, оп.-вод.	360 675	98 25	17 135
		Мих. Erziehungs-Resultate, oder guter und schlechter Ton, Lstsp.; Der Bettler, Schsp.; Die Braut aus Pommern, kom.-Op.	440	17	10
3	Четв.	Больш. Руславъ и Людмила, оп. Алекс. Горе отъ ума, ком.; Вотъ что зна- чить влюбиться въ актрису, вод.	1135 430	74 15	38 7
		Мих. Un duel sous le Cardinal de Riche- lieu, dram.; Simplette la Chevière, vaud.; Passé minuit, vaud.	260	59	13
4	Пяти.	Больш. Руславъ и Людмила, оп. Алекс. Круговая порука, ком.-вод.; Левъ Гурьевъ Синичкинъ, ком.-вод.; Барабанщикъ, вод.	975 380	85 15	15 7
		Мих. La jolie Flamande, com.-vaud.; Ro- bert le diable, op.; Le Château de la Roche-Noire, vaud.	821	127	45
5	Субб.	Мих. La verre d'eau, com.; La mère et l'en- fant se perient bien, com.-vaud.			
6	Воскр.	Больш. Жизнь за Царя, оп.; Донъ Жуанъ, бал.	325	19	15

1842. Декабр.	Въ ка- комъ театрѣ.	СПЕКТАКЛИ.	Посѣти- телей.	Каретъ.	Прочихъ зрѣлажей
	Алекс.	Елена Глинская, др. предст.; Купиъ Иванъ, былъ	750	10	13
	Мих.	Erziehung-Resultate oder guter und schlechter Ton, Lstsp.; Der Bettler, Schsp.; Die Braut aus Pommern, ком.-Op.	370	12	21
7 Понед.	Больш.	Русланъ и Людмила, оп.	865	55	75
	Алекс.	Дядушка Назаръ Андреевичъ, вол.; Мальвина, ком.; Ножка, вол.	285	6	10
8 Вторн.	Алекс.	Гамлетъ, Принцъ Датскій, драм. предст.	350	14	19
	Мих.	La jolie Flamande, com.-vaud.; Un monsieur et une dame, vaud.; La permission de dix heures, vaud. .	385	45	20
9 Среда.	Больш.	Русланъ и Людмила, оп.	785	78	37
	Алекс.	Женитьба, ориг. ком (Гоголя); Помѣшанный, драма; Гусарская столпка, ком.-вод.	1225	55	25
	Мих.	Dienstpflicht Schsp.	220	5	18
10 Четв.	Алекс.	Гамлетъ, Принцъ Датскій, драм. предст.	450	6	15
	Мих.	Le chateau de la Roche-Noire, vaud.; Les deux voleurs, op.; Le maître d'école, vaud.; Trois oeufs dans un panier, com.-vaud.	460	57	32
11 Пятн.	Больш.	Русланъ и Людмила, оп.	925	60	19
	Алекс.	Женитьба, ориг. ком.; Помѣшан- ный, драма; Гусарская столпка, ком.-вод.	1150	50	21
12 Субб.	Мих.	Trop heureuse, vaud.; Un bal masqué sous Louis XIV, com.; Tridate, com.-vaud.	520	119	45
13 Воскр.	Больш.	Аскольдова могила, романт. оп. . .	314	33	15
	Алекс.	Желззая маска, др.; Харьковскій женхъ, вол.	687	24	32
	Мих.	Pflicht und Liebe, Schausp.; Nicht vom Posten! Lstsp.; Der Hofmeister in tausend Aengsten, Singsp.	440	12	17
14 Понед.	Больш.	Русланъ и Людмила, оп.	645	75	43
	Алекс.	Женитьба, ком.; Помѣшанный, др.; Первый дебютъ, вод.	385	27	46
15 Вторн.	Алекс.	Русская болыня 17-го столѣтїа, драм. предст.; Честь мужа и честь купца, драм.; Школьный учитель, вод.	1250	107	34
	Мих.	La dot de Suzette, dr.	320	18	53
16 Среда.	Больш.	Русланъ и Людмила, оп.	535	20	31

1842.	Въ ка- ковъ театрѣ.	СПЕКТАКЛИ.	Посѣ- тителей.	Кареть.	Прознѣ- экшнжей.
		Алекс. Материнское благословеніе, др.; Барышня, крестьянка, вод.; Его Превосходительство, ком.-вод.	325	14	40
17 Четв.		Алекс. Отецъ и дочь, др.; Путаница, вод.; Полюбовная сдѣлка, ком.-вод.	375	12	8
		Мих. Emery, dr.; Le démon de la nuit, vaud.	380	12	8
18 Пят.		Больш. Жизель или Виллисы, фантастиче- скій балетъ	785	130	40
		Алекс. Русская боярыня 17-го столѣтія, др. предст.; Честь мужа и честь кунца, др.; Школьный учитель, вод.	1250	65	19
19 Субб.		Мих. Du haut en bas, com.-vaud.; Les cir- constances atténuantes, vaud.			
20 Воскр.		Больш. Аскольдова могила, оп.	275	25	15
		Алекс. Деревенская простота, ком.; Не- возможный бракъ, ком.-вод.; Двѣ женщины противъ одного мужчи- ны, вод.; Не влюбляйся безъ памяти, не женись безъ расчета, шатка-вод.	350	6	12
		Мих. Des Teufels Tagebuch, Lustsp.; Mäd- chen und Frau, Lustsp.	375	7	12
21 Повед.		Больш. Жизель или Виллисы, фантастич. бал.	335	48	18
		Алекс. Русская боярыня 17-го столѣтія, др. предст.; Влюбленный Шек- спиръ, ком.; Школьный учитель, вод.; Первый день брака, ком.	850	89	19
22 Вт п.		Больш. Русланъ и Людмила, оп.	645	47	74
		Алекс. Честь мужа и честь кунца, др.; Школьный учитель, вод.; Жена- тый проказникъ, ком.	358	8	18
		Мих. Le roi de 15 ans, vaud.; Du haut en bas, com.-vaud.	340	43	17
25 Сред.		Алекс. Мальвина, ком.; Вся бѣда что пло- хо объяснились, ком.; Счастье лучше богатства, интерм.-вод.	225	10	8
26 Субб.		Больш. Жизель или Виллисы, фантасти- ческой бал.	1150	90	45
		Алекс. Горе отъ ума, ком.; Первая мор- щичка, ком.; Ложа 1-го яруса, анекдотъ-вод.	1425	25	36
		Мих. Le premier chapitre, com.; La lectri- ce, vaud.; Le maître d'école, vaud.	870	80	67

1842.	Въ ка- комъ Декабрь.	театрѣ.	СПЕКТАКЛИ.			Посѣт- телей.	Каргъ.	Прочихъ входажей.
27	Воскр.	Алексе.	Царь Василий Иоаннович Шуй- скій, или Семейная ненависть, др. предст.; Имянины благо- дѣльного помѣщика, или неож- данная сватьба въ селѣ Сверчок- овъ, оригинальная интермедія-вод.	1375	21	19		
28	Пон.	Больш. Алексе.	Русланъ и Людмила, оп. Тартюфъ, ком.; Сиротка Сусанна, ком.-вол.; Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ, оригин. шуточная опе- ретка	1175	64	17		
29	Втор.	Больш. Алексе.	Жизель, или Виллисы, фантасти- ческій бал. Русская боярыня 17-го столѣтія, др. предст.; Первая и послѣдняя любовь Карла XII, др.; Приклю- ченіе на искусственныхъ вод.	850	27	36		
				875	83	45		
30	Сред.	Мих. Больш. Алексе.	La dot de Suzette, drame Русланъ и Людмила, оп. Женитьба, ком.; Хочу быть актри- сой, шутка-вод.; Школьный учи- тель; вол.	1450	32	19		
				480	35	34		
				875	50	23		
31	Четв.	Больш. Алексе.	Русланъ и Людмила, оп. Русская боярыня 17-го столѣтія, др. предст.; Параша Сибирячка, Руская быль; Покойная ночь, шутка-вод.	950	35	19		
		Мих.	Emeru, dr.; Le commis et la grisette, vaud.					